

Российская академия наук
Сибирское отделение. Тюменский научный центр
ЦЕНТР ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ

Благотворительный фонд "ТЮМЕНЬЭТНОС"

Фонд социального развития России "ВОЗРОЖДЕНИЕ"
Тюменское областное отделение

**БУДЬ ЛИЦОМ:
ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО
ОБЩЕСТВА**

Том второй

Издательство Томского университета
Томск - 1993

БУДЬ ЛИЦОМ: ценности гражданского общества / Под ред. В.И. Бакштановского, Ю.В.Согомонова, В.А.Чурилова. Том 2. - Томск: Изд-во Том. ун-та. 1993.

Книга подготовлена творческим коллективом исследовательского проекта "Этика гражданского общества". Замысел инициаторов Проекта - представить панораму и, по возможности, систему ценностей гражданского общества, движение к которому, вероятно, уже начала наша страна. Основная трудность в реализации замысла - ценности гражданского общества пока еще "не нам даны в ощущении". Авторский коллектив хотел бы тем не менее содействовать мобилизации интеллектуальных сил на стадии переходного периода с целью познания его духовно-нравственного потенциала.

Авторский коллектив:

Л.А.Аннинский (4.1.), Р.Г.Апресян (2.2.), И.М.Ачильдиев (2.1.), В.И.Бакштановский (1.3.,4.7.), Г.С.Батыгин (4.3.), И.В.Бестужев-Лада (3.4.), В.С.Библер (1.1.), А.А.Гусейнов (2.6.), Е.Л.Дубко (2.3.), И.М.Клямкин (3.1.), Н.И.Лапин (3.3.), Н.Ф.Наумова (3.2.), А.С.Панарин (2.4.), Л.А.Радзиховский (4.2.), Ю.Б.Рюриков (4.8.), Ю.В.Согомонов (1.3.), Э.Ю.Соловьев (1.2.), А.Б.Франц (4.6.), В.А.Чурилов (4.7.), В.Н.Шердаков (4.4.).

Научно-организационная работа: Н.В.Колотова, М.В.Логинова

Спонсор Проекта: АО "Тюменьэтносинвест"

Спонсор издания: АО "Интеллект", г. Сургут.

ISBN 5-7511-0662-8

0301070000
177(012)—93

Часть 3. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД

3.1. МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ (советский путь к рыночной экономике и гражданскому обществу)¹

События, происходящие на территории бывшего Советского Союза после августовского путча 1991 года, лишней раз свидетельствуют о том, что трудности реформирования коммунистического тоталитаризма связаны не только и, может быть, не столько с сопротивлением партийно-государственной номенклатуры, ее непредрасположенностью к реформам, подрывающим основы ее власти, сколько с вещами, более глубокими и серьезными. Номенклатура эта отстранена от власти, нет больше имперского центра, нет СССР, бывшими советскими республиками руководят, как правило, всенародно избранные президенты, а реформы, начавшиеся в январе 1992 года, идут с большим скрипом. Если же вспомнить, что и в странах Восточной Европы, в некоторых из которых коммунистов нет у власти уже свыше двух лет, преобразования тоже идут не просто и не гладко, то появляются серьезные основания утверждать, что существует внутренняя системная логика реформирования коммунистических режимов, перехода от тоталитарного типа экономики к рыночной.

Разумеется, понять эту логику, описать ее более или менее систематически можно будет только задним числом, когда ее окончательно выявит жизнь. Однако уже сейчас, когда процесс находится в самом начале, многие вещи поддаются анализу и прогнозированию. И дело не только в том, что уже есть определенный опыт реформирования коммунистических тоталитарных режимов, обнаруживший некоторые довольно существенные и достаточно всеобщие тенденции. Дело еще и в том, что существует мировой опыт перехода к современной рыночной экономике от обществ некоммунистических, от обществ иного типа, причем опыт этот, во-первых, заверченный, а во-вторых, он хорошо изучен и глубоко осмыслен.

Сам по себе он, разумеется, мало что говорит о том, как могут и как не могут развиваться события в бывших советских республиках и других странах общей с ним судьбы. Но он, опыт этот, дает в то же время точку отсчета для анализа происходящего в этих странах, дает ориентир и масштаб для сравнения, а только в сравнении и могут быть выявлены не только сходные черты, но и своеобразие, оригинальность тех или иных явлений.

Исходя из этого мирового опыта, я и попытаюсь охарактеризовать некоторые особенности реформирования советского коммунистического тоталитаризма (в том числе и в сравнении с Восточной Европой).

¹ Первые три раздела статьи написаны на основе доклада, прочитанного автором в июле 1991 года в Институте международных экономических и политических исследований РАН.

1. Основные особенности перехода к рыночной экономике от тоталитарно-коммунистической системы хозяйствования

Экономика. Если сравнить переход к рыночной (капиталистической) экономике от коммунистического тоталитаризма с переходом, имевшим в свое время место на Западе, то можно выделить по меньшей мере два существенных отличия. Во-первых, в средневековой экономике существовали частнособственнические отношения (хотя и в формах, препятствующих всестороннему развертыванию экономической инициативы). В коммунистической системе хозяйства частная собственность или ликвидирована, или существует в качестве придатка огосударствленной идеологизированной экономики и никакой самостоятельной роли не играет. Во-вторых (и это, пожалуй, самое существенное), переход к капиталистической рыночной экономике начинался на Западе с развития потребительского рынка, т.е. с сельского хозяйства и легкой промышленности, в ситуации, когда никакой тяжелой промышленности еще не было, ей только предстояло возникнуть по мере накопления капитала и формирования других предпосылок. Как показывает ход событий в странах Восточной Европы, Китае, Вьетнаме, реформирование тоталитарной коммунистической системы тоже начинается с потребительского сектора, с его освобождения от государственного диктата. Однако едва ли ни главная трудность заключается как раз в том, что рядом с возникающим потребительским рынком существует гигантская тяжелая промышленность, приватизация и включение в рыночные отношения которой как раз и порождает совершенно новый тип проблем.

Во-первых, у населения нет средств, чтобы выкупить эти предприятия. Во-вторых, эти предприятия морально и физически устарели, что делает их выкуп невыгодным. В-третьих, перевод их стоимости в акции, как и другие способы раздела, не решает проблему формирования заинтересованного собственника. В-четвертых, монопольный характер производства в этих отраслях, составляющий характерную особенность тоталитарной плановой экономики, не может не оказывать деформирующего воздействия на рынок; мы уже могли убедиться, к чему приводит в условиях монополизма либерализация цен. В-пятых, отсутствует необходимое количество специалистов, способных работать в условиях рыночной экономики.

Эта последняя проблема особенно остро проявляется в тех случаях, когда политические условия перехода к рынку возникают не эволюционно-реформистским, а революционным путем. Антитоталитарные революции (и в этом их своеобразие) не столько создают простор для деятельности уже существующих хозяйственных субъектов (субъекты рыночной экономики при коммунистическом тоталитаризме отсутствуют), сколько обеспечивают политические предпосылки их зарождения и формирования. Антитоталитарные революции особенно наглядно подтверждают старую истину о том, что революции - это не просто и не только смена форм собственности (в юридическом и экономическом смысле), но и смена типа управления хозяйством, которая, в свою очередь, предполагает нелегкую и небыструю смену типа личности управленца.

Однако все эти проблемы и трудности перехода от тоталитарно-коммунистической экономики к рыночной можно считать малосущественными по сравнению с проблемами социальными, которые, как мне представляется, являются основными и от решения или не решения которых прежде всего и за-

висит, удастся ли странам, выходящим из тоталитаризма, избежать катастрофического варианта развития.

Социальные отношения. Социальные проблемы перехода к рынку определяют характер этого перехода не только в бывших коммунистических странах. Они определяли это всегда.

При переходе от традиционного сельскохозяйственного общества к рыночно-индустриальному главная социальная проблема возникала в результате аграрного перенаселения и выброса огромных масс маргинализирующегося населения в города, которые при существовавшем тогда уровне промышленности не могли их принять и трудоустроить. Отсюда - гигантская по своей сложности проблема социального аутсайдерства, люмпенства, бродяжничества, которую пытались решать самыми суровыми мерами устрашения, но которая оказалась неразрешимой и стала одним из главных источников революционных потрясений на Западе в XVI-XIX вв. Конечно, эти процессы нельзя рассматривать вне противоречий между верхними слоями общества, в частности, между старой дворянской и поднимающейся денежной аристократией, но эти противоречия без горючего материала на общественном дне ни к каким революциям не привели бы.

При переходе к рыночной экономике от коммунистического, тоталитаризма эта проблема снова выходит на первый план, но теперь уже не столько как проблема взаимоотношений города и деревни (речь идет, в основном, об урбанизированных странах), сколько как социальная проблема города. Источником маргинализации здесь может выступить и в ряде стран уже выступает не аграрное, а индустриальное перенаселение, источником которого, в свою очередь, выступает структурная перестройка промышленности, преобразование ее устаревшей структуры в общем контексте перехода от индустриальной цивилизации к современной научно-технической и информационной. Как известно, на предприятиях-гигантах заняты многие десятки миллионов людей, квалификация которых (в том числе и высокая) при осуществлении структурной перестройки оказывается устаревшей.

В свою очередь, промедление с реформированием тяжелой промышленности ведет к тому, что в ходе реформы потребительского сектора, формирования в нем субъектов рыночной экономики возникают противоречия между этими субъектами, выигрывающими от реформ, и рабочими промышленных предприятий, уровень жизни которых снижается. Последствия этого особенно наглядно проявились в Польше еще до того, как началась коррекция программы "шоковой терапии" и сказались на политической судьбе Мазовецкого: человек, которому нация сначала доверила реформы, через несколько месяцев потерпел сокрушительное поражение на президентских выборах. И тут перед нами не эпизод, не случайность; тут - глубокая проблема, с которой столкнуться (уже сталкиваются) все страны, выходящие из тоталитаризма. Проблема это сводится к вопросу, который во время предвыборной борьбы чаще всего задавался сторонникам Мазовецкого его оппонентами. Вопрос следующий: если вы утверждаете, что перейти от тоталитарной организации хозяйства к рыночной экономике нельзя без непопулярных мер и без временного снижения уровня жизни, если вы призываете людей ради их будущего благополучия потерпеть, то почему терпеть должны не все, почему появляются слои, которые уже сейчас экономически поднимаются вверх? От этого вопроса не уйти ни российским, ни другим реформаторам и в бывшем СССР.

Противоречие между требованиями эффективности и обостренным чув-

ством социальной справедливости, характерным для выходящих из коммунизма обществ, будет сказываться на темпах и направленности реформ, будет определять легитимность или нелегитимность власти, а глубина этого противоречия окажет решающее влияние на характер политических режимов, действующих в переходный период.

Политика. Переход к современной рыночной экономике, начавшийся в Новое время и всегда сопровождавшийся маргинализацией, а значит социальной напряженностью, перераставшей нередко в конфронтацию интересов, своим политическим эквивалентом имел, как правило, не демократические, а авторитарные режимы. Эти режимы были, в основном, двух типов: традиционно-монархического (королевский абсолютизм) и бонапартистского, вырастающего из революций, которые, в свою очередь, вспыхивали в результате неспособности традиционно-монархических режимов примирить столкнувшиеся интересы. При этом надо отдавать себе отчет в том, что переходные авторитарные режимы от Наполеона до Пиночета вовсе не занимались насильственным внедрением рынка (специально говорю об этом, так как такое представление до сих пор присутствует в советской и западной советологической печати), а создавали простор для деятельности экономически активных слоев населения и защищали их (законами, а нередко и силой) от маргинализирующейся части общества.

В странах, выходящих из коммунистического тоталитаризма, ситуация пока не определилась, и потому нет достаточных оснований для того, чтобы сколько-нибудь определенно прогнозировать ход политического процесса. Пока мы можем наблюдать два варианта развития событий.

Первый вариант имел место в Венгрии при Кадаре, в Китае при Дэн Сяопине, в какой-то мере в Югославии при Тито, когда коммунистический тоталитарный режим сам пытался стать политическим гарантом перехода к рыночным отношениям (в дозированном, не подрывающем власть компартии виде), превращаясь в коммунистический авторитарный. В определенной степени к данному варианту примыкала горбачевская перестройка до августовского путча, хотя и с существенными отличиями (Горбачев пытался соединить несоединимое: власть компартии с парламентской демократией). Это отличие оказалось столь весомым, что Горбачеву не удалось осуществить даже ограниченный коммунистический вариант реформ в экономике, политические условия для которых он хотел создать в рамках Ново-Огаревского курса с апреля по август 1991 года. Демократизация привела к дестабилизации, к распаду советской империи, что заблокировало формирование реформаторского коммунистического авторитарного режима в Кремле. Путчисты хотели сделать это без Горбачева, но их страх перед применением насилия, их стремление представить свои действия как конституционные, их боязнь употребить даже слово "коммунизм" лишний раз свидетельствуют о том, что демократия с коммунизмом несовместима, что она неизбежно ведет его к смерти, а если его представители этого не понимают и пробуют сопротивляться, то это означает, что естественной смерти они, подобно путчистам, предпочитают самоубийство.

Второй вариант мы можем наблюдать после событий 1989 года в Восточной Европе, когда функцию осуществления перехода к рыночной экономике берут на себя демократические структуры, формирующиеся в результате свободных выборов. На этот же путь вынуждены становиться бывшие советские республики после ликвидации августовского путча и крушения коммунизма в СССР. И едва ли не главный вопрос заключается сегодня в том, сумеют ли эти

новые структуры власти обеспечить общественное согласие относительно основных целей и принципов проводимых реформ, сумеют ли упредить поляризацию и конфронтацию интересов, или, говоря иначе, сумеют ли удержать свои страны от скатывания к той или иной разновидности авторитаризма.

Чрезвычайно важное значение при этом, учитывая слабость среднего предпринимательского класса и, соответственно, политического центра, приобретает наличие или отсутствие цивилизованных, неэкстремистских, ориентированных на рыночные реформы левых сил, способных стать политическими выразителями интересов тех общественных слоев, которые лозунгу свободы предпочитают лозунг социальной справедливости. В нынешней обстановке эту роль непросто будет сыграть традиционным левым партиям (социалистам, а тем более коммунистам). Не исключено, что в посткоммунистических странах мы столкнемся с каким-то новым типом левого движения, возникающего в результате расчленения единого поначалу антикоммунистического потока на новых правых и новых левых (теперь уже по западной шкале, но не обязательно при наличии западных аналогов). И если левый фланг сумеет политически самоопределиться и организовать, если удержится от конфронтации с возникающим новым средним классом и центристскими силами, если возьмет на себя, учитывая их слабость, часть их исторических функций, если сумеет в посткоммунистических странах сыграть ту стабилизирующую роль, которую на Западе в свое время сыграла социал-демократия, то эволюционное развитие в рамках парламентаризма окажется возможным. Впрочем, оно окажется возможным и в том случае, если осуществление преемственности по отношению к эгалитаристскому наследию тоталитаризма возьмут на себя не левые, а цивилизованные правоконсервативные силы, тоже, так сказать, нового типа: консерваторы всегда ориентированы на традиционные ценности, но консерваторов, ставящих себя в преемственную связь с коммунистической традицией равенства и государственного регулирования экономики, мир еще не знал.

С другой стороны, как показывают результаты последних парламентских выборов в Польше, возможно и возрождение бывших коммунистических партий под новыми названиями, возможен их политический успех. Но если они займут доминирующее положение на левом фланге, то условием цивилизованного реформаторского развития может быть или наличие более или менее устойчивой центристской коалиции, или консенсус с левыми по основному вопросу - о необходимости перехода к рынку и губительности блокирования и приостановки реформаторского процесса.

Если же говорить о бывшем СССР, то ход событий после провалившегося августовского путча свидетельствует о том, что намечается, хотя и очень слабо, развитие авторитарных тенденций в некоторых из провозгласивших себя независимыми государствами советских республиках, в том числе и в Российской Федерации. Как известно, был взят курс, санкционированный российским парламентом, на усиление исполнительной власти в период проведения экономической реформы и приостановку выборов руководителей местной администрации. Но и это пока всего лишь тенденция, причем не очень глубокая - хотя бы потому, что назначение руководителей местной администрации реальным усилением президентской власти и укреплением исполнительной вертикали не обернулось. Не удастся преодолеть и чрезвычайно обострившиеся в ходе экономических реформ противоречия между исполнительной и представительной властями.

Вместе с тем эти противоречия в чем-то благотворны, их можно рас-

сма́тривать как важный стимул именно демократического, а не авторитарного развития событий. Дело в том, что по линии представительных институтов возможно формирование политической оппозиции не вне, а внутри бывшего антикоммунистического демократического движения, которая, с одной стороны, поддерживала бы общий курс исполнительной власти на глубокие реформы, а с другой стороны - оппонировала бы ей и корректировала ее действия, когда она, исполнительная власть, слишком отрывается от народной почвы, от интересов глубоких слоев населения.

Такое разделение функций тем более важно при осуществлении непопулярных экономических мер, ставящих российские власти под удар массового недовольства и способных привести к смещению лидеров, как произошло в Польше с Мазовецким. В такой обстановке решающее значение приобретает способность демократического движения создать тот второй эшелон политиков, которые в случае необходимости могли бы прийти на смену нынешним лидерам. В противном случае это будут политики, выступающие против демократического движения в целом, политики неополитического или националистического, а еще точнее - национал-популистского толка. В случае, если это произойдет, авторитаризм неизбежен, и это, скорее всего, будет авторитаризм, опирающийся (в России) на русскую национальную идею, авторитаризм, ориентированный, в соответствии с программными заявлениями национал-патриотов, на восстановление России в ее "исторических границах", что означает сознательную или бессознательную ориентацию на насилие. Посткоммунистическая демократия может устоять только как эшелонированная демократия. В противном случае сползание к поляризации и конфронтации и, соответственно, вращение в авторитаризм неизбежны.

Разумеется, ответить сколько-нибудь определенно на вопрос о том, способны ли посткоммунистические страны избежать катастрофического развития событий и сползания в авторитаризм, сможет только будущее. В то же время не надо ждать этого будущего, чтобы поставить проходящие в этих странах реформы в общемировой контекст и определить "плюсы" и "минусы" перехода к рынку от тоталитарного состояния. Или, что то же самое, определить основные тенденции, свидетельствующие как о возможности катастрофического варианта, так и о возможности избежать его.

2. Возможен ли некатастрофический вариант перехода от тоталитарно-коммунистической экономики к рыночной?

Когда начинаешь размышлять над этим вопросом, т.е. когда начинаешь сравнивать переход к рыночной экономике от традиционного общества (сопровождающийся, как известно, социальными потрясениями) с переходом к ней от коммунистического тоталитаризма, то на первых порах оказываешься обреченным на самые пессимистические выводы. Дело в том, что никогда еще и никому не приходилось осуществлять переход к рынку от тотально огосударственной системы хозяйства, которой присущ не экономический, а политико-идеологический тип производственных связей. Если при переходе от традиционного общества к современному капиталистическому субъекты рыночной экономики уже реально существовали и нужно было лишь освободить их от пут государственных ограничений, то в коммунистических странах таких субъектов

нет, им еще только предстоит сформироваться, здесь все нужно начинать с нуля (как в бывшем СССР) или почти с нуля (как в Восточной Европе).

Но если дело обстоит так, если исходная точка движения к современной экономике в этих странах много хуже, чем во всех аналогичных случаях в прошлом и настоящем, если, далее, почти во всех этих других случаях не обходилось без потрясений и диктатур, то на каком основании можем мы прогнозировать более благоприятный исход для себя? Наоборот, не следует ли отсюда, что нам и странам общей с нами исторической судьбы не избежать катаклизмов, которых мир еще не видывал?

От этого неприятного вопроса часто пытаются уйти, но, как всегда в таких случаях, уход сопровождается тем, что вместо оптимистического ответа попадают в тупик, который по нашей старой доброй привычке провозглашают "светлым будущим". Так, например, чтобы опровергнуть возможность реализации в России и других бывших республиках пиночетовского варианта, ссылаются на то, что в Чили уже была частная собственность и рыночный уклад, а у нас его нет. Но ведь отсюда, казалось бы, должен следовать совсем другой вывод: если наша историческая точка ниже, чем чилийская, то и путь наш наверх окажется потяжелее. Но нет, из нашего нынешнего худа очередной раз делается вывод в пользу нашего грядущего добра! В Чили была частная собственность, поэтому там не обошлось без диктатуры. У нас ее нет, поэтому мы к частной собственности обречены идти через демократию. Чудеса, да и только!

Нет уж, если и искать основания для оптимизма, то совсем в другой плоскости. Их можно искать только в исторических результатах деятельности коммунистического режима. Тут одно из двух: или в рамках тоталитарного периода накоплены какие-то предпосылки преодоления тоталитаризма, или никаких таких предпосылок не создано, а те, что были, уничтожены. Понятно, что во втором случае преимущество наших стран перед пиночетовской Чили будет заключаться только в том, что мы до Пиночета еще не доросли, что цивилизации опереться у нас не на что, а потому о цивилизованном выходе из ситуации не может быть и речи.

Между тем сам уникально мирный характер восточноевропейских реформ и революций 1989 года и ликвидация путча в бывшем СССР свидетельствуют не только о неукорененности или об исторической исчерпанности тоталитарных политических режимов в обществе и отсутствии сколько-нибудь серьезных сил, которые могли бы защитить их без поддержки извне, но и о способности находившихся под тоталитарным прессом стран освободиться от этого прессы цивилизованными средствами. Это тем более обращает на себя внимание, что бывшие режимы десятилетиями держались именно на насилии, и, казалось бы, должны были приучить население к тому, что только насилием и можно чего-либо добиться.

Дело, очевидно, заключается в том, что под тоталитарной оболочкой и вопреки ей шло не только разрушение, но и накопление элементов цивилизованности, которое, в свою очередь, было обусловлено тем, что коммунистические режимы в уродливых, нередко варварских формах решали ту же задачу, которую рано или поздно решает весь мир, - задачу индустриализации и урбанизации, которая не только в царской России, но во всей рассматриваемой группе стран до второй мировой войны не была полностью решена. Естественно, они не были в этом отношении одинаковы, и было бы нелепо ставить знак равенства между довоенными Болгарией и Чехословакией (хотя нельзя забывать и о том, что в последней имел место цивилизационный разрыв между Че-

хией и Словакией).

Уроdlивость коммунистической модели индустриализации заключалась, как известно, в ее односторонней ориентированности на развитие тяжелой промышленности, на обслуживание военно-технологических нужд Советского Союза, на изолированность от международного разделения труда и провинциальный универсализм, когда каждая из стран стремилась обеспечить себя чуть ли ни всеми видами промышленной продукции, в чем усматривалась главная предпосылка национальной независимости. Однако вопреки крайне нецивилизованному характеру этого типа индустриализации и еще менее цивилизованному характеру осуществлявших ее коммунистических режимов в рамках этого процесса на основе сопутствующей ему урбанизации шло преодоление типологического разрыва между городской и традиционной культурами (там, где он сохранялся), накопление элементов современной образованности и квалификации. Правда, при этом осуществлялось и вытравливание экономической культуры, культуры рыночных отношений, но, анализируя исторические результаты коммунистического тоталитаризма и прогнозируя характер и особенности перехода от него к рынку и демократии, мы должны иметь в виду всю картину, должны выделять не только те объективные факторы, которые усугубляют опасность катастрофического варианта, но и те (тоже объективные) факторы, которые могут помочь избежать его. Урбанизированный тип общества, который оставляют своим преемникам коммунисты, - один из таких факторов.

Дело в том, что в процессе индустриализации и урбанизации в большинстве стран произошла или завершилась перекачка "лишнего" населения из деревни в город, причем вырванные из своих социально-культурных укладов переселенцы (это тоже нельзя сбрасывать со счетов) некоторое время составляли определенную социальную опору коммунизма. А завершение урбанизации означало, что оказалось исторически снятой проблема, о которой было сказано выше и которая в XVI-XIX вв. в Западной Европе, а в наши дни в странах "третьего мира" как раз являлась и является одним из главных источников и стимуляторов кровавых социально-политических взрывов и потрясений. Речь идет о проблеме аграрного перенаселения, неизбежно сопутствующего переходу к современным рыночным отношениям от традиционного, сельскохозяйственного общества, и возникающей при этом массовой маргинализации, выбросе огромных масс людей из лоно традиционных культур, что, в свою очередь, создает массовых носителей и сторонников насильственного, нецивилизованного способа решения назревших проблем, "плебейских" методов расчета с прошлым.

В рамках экстенсивного типа индустриального развития, имевшего место в СССР и странах Восточной Европы, эта зона социального конфликта, возникающая между городом и деревней при переходе к современным рыночным отношениям, была ликвидирована. Тем самым вопреки тому, что универсальным средством, используемым тоталитарным режимом для самосохранения и решения любых проблем, было насилие, в странах с этими режимами складывались объективные предпосылки для ненасильственных антитоталитарных революций (сверху или снизу).

Разумеется, пока это только предпосылки. Их оказалось достаточно, чтобы мирно отстранить коммунистов от власти. Но окажется ли их достаточно для цивилизованного проведения реформ в экономике - говорить пока рано. Ведь переход к рынку в бывших тоталитарных странах только начинается, а

потому мы не знаем, насколько мощными окажутся новые, городские источники маргинализации (структурная перестройка промышленности прежде всего, но также и этническая маргинализация в результате межнациональных конфликтов). Можно, однако, предположить, что эта новая маргинализация по своим последствиям не будет столь фатально взрывоопасной, как старая, возникающая при модернизации традиционного общества. И главное основание для оптимизма как раз в том и заключается, что возможная маргинализация в посткоммунистических странах не будет уже, как можно предположить, сопровождаться выпадением из культурных укладов миллионов людей, знающих лишь одно: терять им нечего, а получить они могут все. А это значит: прежний духовный источник социальных и политических катастроф в данной группе стран (за исключением, быть может, Китая и бывших советских республик в Средней Азии) вряд ли себя обнаружит.

За годы коммунистического тоталитаризма в СССР и странах Восточной Европы была решена, если можно так выразиться, проблема формирования (или доформирования) массового городского обывателя (я не вкладываю в это слово характерного для советской ментальности Отрицательного смысла), который уже не маргинал, он занял определенную социальную нишу, и ему есть, что терять. Правда, это вовсе не западный обыватель - с развитой структурой частных интересов, более или менее активный избиратель, член гражданского общества: этот социально-психологический тип там, где он существовал или зарождался, тоталитарными режимами был уничтожен. Но формирование особой исторической разновидности городского обывателя тем не менее осуществлялось, и эта разновидность, безусловно, более благоприятна для некатастрофического перехода к рынку, чем сельский маргинал.

Интересно, что формирование этого городского обывателя происходило вопреки установкам режима, который идеологически всегда выступал против обывателя, за "активную жизненную позицию", "служение обществу", "подчинение личных интересов общественным" и т.п. Тем не менее, со второй половины 50-х годов началось образование широких обывательских слоев с преобладанием интересов частной жизни. В СССР складывание этого типа человека, ориентированного на потребление, завершилась в брежневское время, когда утвердился своего рода тоталитарно-коммунистический вариант потребительского общества (под лозунгом "все для человека, все во имя человека"). Существенно, однако, что речь при этом идет о такой ориентации на потребление, которая никак не опосредована ориентацией на производство, на определенные общезначимые и общепольные результаты индивидуального труда. Иначе говоря, коммунистический обыватель - это потребитель, но никак не производитель; для него не важно, что он производит и нужно ли кому-нибудь то, что он производит, так как потребление в его сознании связано не с качеством его профессиональной деятельности, а с распределительной и перераспределительной функциями государства.

Но это, кстати, плод не одного лишь тоталитаризма. Советский городской обыватель формировался в результате варварского разрушения не только зарождавшегося в старой России гражданского общества, но и традиционной российской общности, разрушения многовекового уклада, в котором традиции перераспределения и уравнивания были чрезвычайно сильны. Интересно, однако, что это разрушение традиционных устоев истолковывается нередко исключительно как насильственный разрыв исторической органики, как уничтожение перспективы безболезненной, эволюционной модернизации страны. Одни го-

ворят, что традиционная общность могла бы при благоприятных обстоятельствах перерасти в гражданское общество, а ценности этой общности органично соединиться с ценностями либерализма. Другие идут еще дальше, полагая, что гражданское общество западного типа с его культом индивидуализма - отнюдь не самое лучшее изобретение мировой цивилизации, что оно значительно уступает традиционным общностям с их соборными идеалами, и потому наилучшим для нас исходом была бы экономическая модернизация, сохраняющая эту традиционную основу.

Никоим образом не претендуя на категоричность и окончательность суждений (предмет заслуживает разговора особого и обстоятельного), ограничусь лишь самой общей постановкой вопроса. Да, коммунистический режим варварски разрушил традиционный уклад народной жизни. Но как быть с обнаруживающейся при старом, дореволюционном еще режиме несовместимостью общинной соборности с либеральным идеалом и гражданским обществом? Как быть, с другой стороны, с тем, что этот уклад и в самом себе никаких потенциалов модернизации, перехода к обществу высокой эффективности не обнаружил, более того, стал на пути такого общества непреодолимой преградой? Но если так, то, быть может, массовая маргинализация деревни в советское время, выброс миллионов людей в города с их последующей атомизацией, когда человек оставался один на один с всемогущим и беспощадным государством, - быть может, именно это окольным путем вело к гражданскому обществу в России? Быть может, от этого человека-атома, от этой советской разновидности обывателя, которого государство сегодня отпустило из крепостничества на волю, все ближе к гражданскому обществу, чем от дореволюционной сельской общины? Повторю еще раз: я не утверждаю, я только ставлю вопрос.

Как бы то ни было, это и есть реальный исторический результат коммунистического тоталитаризма: урбанизация и формирование особого типа массового городского обывателя. Данный результат переместил центр возможных (и уже начавших проявляться) противоречий при переходе к рынку из зоны отношений между городом и деревней в городское пространство, заменив проблему выпадения из культуры возможным выпадением из профессии в ходе структурных перестроек. Не надо, думается, доказывать, что выпадение из профессии, будучи, разумеется, болезненным, не может сравниться с катастрофичностью духовных последствий, к которым приводит выпадение из культуры. А это значит, что сложившийся в коммунистических странах человеческий тип дает основания надеяться на возможность мирного, эволюционного характера преобразований.

Основания для какого рода надежд могут быть почерпнуты не только из внутренних, но и из международных условий перехода к рынку бывших коммунистических стран. Во-первых, есть опыт развитых капиталистических стран в области социальной защиты населения от рынка, используя рычаги государственной власти. Во-вторых, есть опыт тех же стран, прежде всего в использовании коллективных (акционерных) форм капитала, который может быть применен (и применяется) в ходе приватизации в бывших коммунистических странах, испытывающих дефицит частного капитала. В этом смысле говорить о том, что переход к рынку в этих странах будет означать возврат к ранним формам западного капитализма (а поговорить об этом есть немало любителей), - значит, не понимать мировое, интернациональное содержание происходящих процессов. Наконец, в-третьих (и это, быть может, самое важное), возрождение стран с тоталитарными режимами происходит в условиях сложившегося в об-

щих чертах единого мирового хозяйства, а потому национальное возрождение, в отличие от прошлых эпох, не может сегодня осуществляться на основе изоляции от мира, а тем более конфронтации с ним, оно не может осуществляться по старой схеме: сначала внутренний рынок и лишь затем - включение в мировую; сегодня включение в мирохозяйственные связи - не следствие, а условие создания внутренних рынков.

В этом смысле переход к рынку в конце XX века - это вообще не внутренняя проблема осуществляющих такой переход стран, а проблема мирового хозяйства и мировой политики. Вот почему мировое сообщество никогда не было так заинтересовано в успехе, а не в неудаче всех без исключения стран в их движении к рыночной цивилизации, вот почему никогда оно не было в такой степени готово не только мешать, но и реально помогать. И вот почему единственно серьезный вопрос состоит сегодня в том, насколько та или иная страна внутренне готова понять свои национальные проблемы как проблемы включения в мировые связи, насколько готова она отказаться от изоляционизма и осуществлять реформы в соответствии с той логикой, которая диктуется этими связями.

Эти реформы, общее содержание которых сводится к разгосударствлению и приватизации собственности, во всех посткоммунистических странах сталкиваются примерно с одними и теми же трудностями, о которых было сказано выше. Но в государствах, возникших на месте бывшего СССР, эти трудности в значительной степени усугублены рядом обстоятельств. Главным среди них является тот факт, что Советский Союз был ядром всей восточноевропейской коммунистической системы, а потому и преобразования, которые предстоит осуществить выделившимся из него новым государствам, значительно сложнее и глубже, чем в периферийных звеньях системы. Вопрос этот, в конечном счете, упирается в реальные отношения собственности в стране, которая до декабря 1991 года называлась СССР.

3. О собственности и собственниках в советской системе

Вопрос о природе и субъекте собственности стал предметом пристального внимания советской социальной науки и публицистики уже в первые годы горбачевской перестройки. Однако мне представляется, что обсуждение этого вопроса, пройдя через ряд этапов, так ничем и не завершилось.

Напомню, что сначала, пытаясь теоретически осмыслить лежащий на поверхности факт всеобщей экономической незаинтересованности в результатах труда, многие исследователи стали склоняться к мысли о "ничейной", бессубъектной природе собственности в СССР и близких к нему по общественно-политическому устройству странах. Вскоре, однако, социальная мысль начала склоняться к тому, что все-таки не может быть, чтобы собственность никому не принадлежала, что то же самое, чтобы существовала хозяйственная система без собственников. После этого стала очень популярной старая идея Джиласа о "новом классе", каковым в условиях коммунистического тоталитаризма выступает партийно-государственная бюрократия ("номенклатура"), являющаяся, соответственно, и главным собственником. Но при таком подходе возникает вопрос, на который я не встречал сколько-нибудь вразумительного ответа. Вопрос следующий: если номенклатура - это собственник, то почему она, в отличие от других известных миру собственников, не только не заботилась о сохра-

нении и приумножении своего достояния, но безбожно транжирила его, проявляя чудеса бесхозяйственности? Почему она не заботилась о собственном историческом самосохранении?

Многие считают, что на этот вопрос приемлемого ответа вообще нет. Другие полагают, что в данном случае речь идет о специфическом типе собственников: надо, мол, принимать его таким, каков он есть. Все дело в том, однако, что признать наличие такого субъекта собственности, который реально не функционирует и не проявляется в качестве собственника, - это, значит, окольным путем прийти все к тому же тезису о "бессубъектности" собственности в условиях коммунистического тоталитаризма. Но субъект существует. И им действительно является номенклатура. И заботится она о сохранении и приумножении своего богатства ничуть не меньше, чем любой другой собственник.

Все дело в том, что в ее пользовании и распоряжении находился очень специфический вид собственности, а именно - собственность на армию и предприятия военно-промышленного комплекса, составлявших, как известно, больше половины промышленных предприятий страны. Сохранять и приумножать потенциал ВПК - вот в чем проявлялось у номенклатуры (хотя по мере распада системы все меньше) чувство хозяина. Потому что оборонная промышленность - это была единственная сфера, в которой номенклатура была поставлена в реальные конкурентные отношения (с военной промышленностью Запада). Она рассчитывала, что армия и военная техника обеспечат ее позиции у власти, ее настоящее и будущее, а также будущее ее детей и внуков лучше, чем что-либо другое. Поэтому ради сохранения и приумножения этой своей милитаристской собственности она готова была с легким сердцем разорять и разрушать все остальное, не опасаясь последствий.

Под словом "номенклатура" чаще всего подразумевали и подразумевают партаппарат как центральное управленческое звено системы. Между тем партаппарат по отношению к ВПК играл обслуживающую мобилизационно-идеологическую роль. Это была "надстройка", если пользоваться языком исторического материализма, хотя и особая, сросшаяся с "базисом". Идея социализма, внедрявшаяся партийными структурами в массовое сознание, являлась, по существу, идеей "оборонной", идеей, реальным содержанием которой было военное противостояние "врагам социализма", и только в этом своем качестве она и могла быть навязана миллионам людей в качестве идеи мобилизационной, только в этом качестве, переноса идеологию войны в обстановку мирного времени, она могла примирять население с жертвами, лишениями, бытовой неустроенностью.

О том, какую роль играл военно-промышленный комплекс в Советском Союзе, можно судить по воспоминаниям самого Горбачева. Еще до августовского путча в одном из своих выступлений он рассказал, как во времена правления Андропова он, Горбачев, и еще два члена Политбюро заикнулись было в узком кругу о военных расходах и о том, что с ними следует разобраться. И Андропов, благоволивший к Горбачеву и разделявший его стремление к обновлению, ответил: "Сюда не лезьте". То есть военно-промышленный комплекс - это собственность, покушаться на которую было запрещено даже самым высшим чинам партийной номенклатуры, а когда они все же пробовали проигнорировать эту системную логику, то с ними происходило примерно то же, что произошло с Хрущевым, пытавшимся, как известно, ущемить интересы армии и военно-промышленного комплекса в целом.

Весьма показательны в этой связи, что номенклатура приступила к пере-

стройке только тогда, когда выяснилось: хотя ей по-прежнему удается сохранять собственность ВПК, по части приумножения она начинает испытывать затруднения. Или, говоря точнее, не может приумножать ее так быстро и с тем же успехом, как делает это западный, прежде всего американский ВПК, бросивший своим советским конкурентам военно-технический вызов, принять который им оказалось не по силам. Это, в конечном счете, и привело к тому, что в СССР началось изменение отношений собственности, произошла легализация разных ее форм, в том числе и частной. И одной из важнейших и не всегда осознаваемых причин этих перемен стала исчерпанность прежних источников финансирования ВПК в новых условиях его конкуренции с Западом, прежде всего невозможность эксплуатировать деревню и сельское хозяйство: у нее уже взять было нечего, она уже была неспособна обеспечивать население продовольствием. Военно-промышленному комплексу нужны были новые источники, которые - по мере ослабления притока нефтедолларов это становилось все яснее, - можно было получить только при существовании рядом с ВПК прибыльных, рентабельных секторов экономики.

Это тоже не всегда осознается, что именно ВПК был объективно заинтересован в допущении частной и коллективной экономической инициативы в периферийных для него отраслях хозяйства. Не осознается должным образом и противоречие, возникшее между интересами ВПК и колхозно-совхозной системы. Раньше они были едины: колхозы разоряли и обирали крестьянина ради оборонной промышленности. Но после того, когда это стало невозможно, прежнее "монолитное единство" начало разрушаться. Если бы это было не так, то законодательное допущение фермерского хозяйства, т.е. допущение потенциальных экономических конкурентов колхозов и совхозов, никогда не было бы осуществлено. А оно, как известно, осуществилось (хотя в большинстве регионов даже после августовского путча долго не удавалось обеспечить реальное право частной собственности, т.е. право купли-продажи земли, а только право пожизненного владения ею и передачи по наследству).

Иными словами, бывшие советские республики также вынуждены повторять общую логику движения к современной рыночной экономике, которое, как уже было сказано, всегда начинается с сельского хозяйства и отраслей, работающих на потребительский рынок. С той лишь разницей, что в СССР импульс этому движению был задан не только трудностями со снабжением населения продовольственными и промышленными товарами, но и трудностями, затрагивающими фундаментальные основы военно-тоталитарной системы, ее ядро, каковым является ВПК. Но именно таким долгим (шесть лет) и так ничем и не завершившимся оказался путь советской номенклатуры к пониманию необходимости перестроить периферийные по отношению к ВПК отрасли хозяйства на принципиально иных, противоположных военно-командным, методах хозяйствования. Именно по причине этой коренной противоположности такими долгими и упорными были попытки улучшить, ничего не меняя. И именно поэтому этот процесс так ничем и не завершился, вернее, разрешился нелепым путем коммунистической номенклатуры, побоявшейся в своих программных документах использовать даже слово "коммунизм", путем, который явился следствием принципиальной невозможности для номенклатуры справиться с возникшими в ходе перестройки противоречиями.

Милитаристский характер советской системы хозяйства одновременно и облегчает, и утяжеляет приватизацию, которая после начала реформ в экономике встала наконец-то в повестку дня. Облегчает, потому что научный потен-

циал и технический уровень ВПК довольно высоки. Утяжеляет, потому что жесткая командная система управления оборонными отраслями обладает сильной инерцией и трудно поддается реформированию. Особенно заметно сказывалась эта инерция доотстранения номенклатуры от власти. Девять привилегированных оборонных отраслей, в которых заняты многие десятки людей, составляли главную опору центральной власти в республиках. Это была своего рода метрополия, по отношению к которой все другие отрасли и их работники выступали в качестве колоний. Вот почему Кремль старался любыми средствами сохранить контроль над оборонной промышленностью, обеспечить ее стабильность и управляемость из центра (напомню, что на 1991 год ВПК получил еще более льготное финансирование, чем раньше). С другой стороны, и республики долгое время не очень-то стремились брать на себя ответственность за ВПК и его реформирование, что делало позиции центра достаточно сильными и создавало основу для очень специфических ново-огаревских компромиссов, когда несколько "суверенных государств" (часть союзных республик) предполагалось включить в рамках союзного договора в состав одного "суверенного государства", под которым подразумевался коммунистический центр.

Однако начавшиеся еще до путча перемены в отношениях собственности в периферийных по отношению к ВПК отраслях, перемены, в которых он сам объективно был заинтересован, сказывались на нем неблагоприятно; а нередко и разрушительно. Появление кооперативов, совместных и частных предприятий вызвало отток квалифицированной рабочей силы из ВПК: ранее привилегированные оборонные предприятия (привилегированные в административной системе хозяйства и тотального огосударствления собственности) при переходе других отраслей на экономические методы хозяйствования (даже очень робком и ограниченном) свою привилегированность утрачивали. И это - несмотря на особое внимание властей и щедрое финансирование. В результате возникло противоречие внутри самого ВПК, а именно - между бюрократией обслуживающих его военных ведомств, старавшихся все сохранить по-старому, и директорами оборонных предприятий, за которыми стояли десятки миллионов людей и которые начали осознавать необходимость перехода этих предприятий на рыночные отношения. Правда, до августовского путча директора вели себя осторожно, дистанцируясь от модернизаторского научно-промышленного союза, возглавлявшегося Аркадием Вольским и объединявшего руководителей гражданских предприятий государственного сектора. Но после того, как были арестованы Бакланов и Тизяков (члены ГКЧП), олицетворявшие старые представления о роли, месте и методах деятельности ВПК, сторонников такого рода представлений, по существу, не осталось. Последовавшее вскоре упразднение девяти центральных союзных министерств оборонного комплекса привело к тому, что исчезло и отмеченное выше противоречие внутри ВПК. Однако суть происходящих на территории бывшего СССР процессов по-прежнему в значительной, если не в решающей степени определяется тем, что происходит в военно-промышленном комплексе.

4. После империи: новые проблемы и противоречия

Развитие событий после упразднения СССР и образования СНГ показывает, что именно особенности советской тоталитарной системы хозяйствования являются главными, определяющими характеристиками тоталитаризма,

что именно в них, а не в обслуживающих их политических институтах лежат корни всех нынешних и будущих проблем и трудностей реформирования коммунизма.

Это хорошо видно на взаимоотношениях государств, входящих в СНГ, прежде всего России и Украины, противоречия между которыми особенно значительны¹. Политические элиты обоих государств (особенно украинская), озабоченные тем, чтобы их не упрекнули в недостаточной заботе о сохранении и укреплении независимости своих государств, вынуждены нередко осуществлять чисто демонстрационную политику (проблемы Черноморского флота, Крыма и др.), что отнюдь не способствует упрочению СНГ. На основании такого рода фактов чуть ли ни с первых дней существования содружества многие поспешили сделать вывод о бесперспективности СНГ. При этом факты, свидетельствовавшие о противоположных тенденциях, не замечались или игнорировались.

Не исключено, конечно, что хрупкое, в специальном порядке образованное содружество может распасться. Но это вовсе не предрешено, так как с самого начала имели место события, свидетельствовавшие не только об усилении дезинтеграции, но и о сближении. Причем характерно, что если первая тенденция заметнее проявлялась на политическом уровне, то вторая пробивала себе дорогу в сфере экономики. Привязанность бывших советских республик друг к другу отчетливо проявилась уже в первые дни января 1992 года, когда выяснилось, что ни одно из государств СНГ не смогло не последовать за Россией по пути начатой ею реформы, хотя многие хотели бы в таком деле не спешить. Это проявилось и в неудаче украинского эксперимента с введением купонов, курс которых довольно быстро сравнялся с курсом рубля. Это проявилось и в том, что уже в феврале 1992 года была создана структура, объединившая промышленников, ученых и предпринимателей не только одиннадцати членов СНГ, а всех пятнадцати государств, образовавшихся на месте СССР (международный конгресс промышленников и предпринимателей). Наконец, в марте того же года наметились некоторые сдвиги и на уровне межгосударственных отношений в сфере экономики (соглашение об уплате долга и др.). Если эта тенденция окажется доминирующей, если СНГ удастся не только сохранить, но и укрепить, создав соответствующие координирующие и контрольные органы на межправительственном и межпарламентском уровне, то откроется уникальная возможность совместить два исторических процесса, которые на Западе были во времени далеко разведены, - процесс становления независимых государств и процесс их интеграции в более широкие сообщества.

И, как ни странно, использовать этот исторический шанс нам могут помочь те самые особенности советской экономики, о которых говорилось выше и которые ввергли страну в глубочайший кризис. Дело в том, что именно эта экономика создает ту объективную общность интересов бывших советских республик, которая может перевесить на чаше исторических весов те глубочайшие противоречия, которые между ними существуют и которые тоже есть не что иное, как порождение коммунистической системы. Естественно, в свою очередь, что и общность интересов, сформированная тоталитарной хозяйственной системой, не может быть свободной от ее сходов.

Дело в том, что общность эта в том прежде всего и заключается, что хо-

¹Этот раздел статьи написан в марте 1992 г., потепление отношений между Россией и Украиной наметилось лишь в июне.

заявленную основу жизни почти всех бывших республик составляет военно-промышленный комплекс, предприятия которого теснейшим образом между собой связаны. Приватизация этих предприятий с наименьшими потерями может быть осуществлена в том случае, если она проводится не изолированно, а более или менее одновременно. В этом заинтересованы хозяйственные элиты всех регионов, так как только таким способом они могут удержать характерный для военно-промышленного комплекса монопольный характер производства. За известными словами о необходимости сохранения "единого экономического пространства" в нынешних конкретных условиях и скрывается прежде всего идея сохранения прежних монопольных структур в условиях перехода к рынку, идея превращения политико-экономической власти прежних хозяйственных элит в чисто экономическую ("номенклатурная приватизация"). Это, кстати, не противоречит и идее конверсии ВПК, потому что технологический уровень оборонных предприятий позволяет надеяться, что при переходе на гражданское производство их монопольное положение не будет поколеблено.

Да, "девятка" центральных оборонных министерств ликвидирована, да, оборонные предприятия принадлежат республикам. Но это вовсе не значит, что тем самым ликвидирована общность интересов ВПК. Это означает лишь одно - что завершён демонтаж управления военно-промышленным комплексом как административно-политической имперской структуры. Но она превращается в экономическую структуру, скрепленную общими связями и привязанностями. Повторю еще раз: "единое экономическое пространство", от которого республики не рискуют отказываться, - это в нынешних условиях может быть в первую очередь пространством экономической деятельности ВПК. Но если будет такое пространство, если военно-промышленный комплекс окончательно не развалится, что было бы чревато колоссальными научно-технологическими потерями, то будут и совместные структуры, обеспечивающие по меньшей мере соблюдение законов на этом пространстве. Такие структуры создадут сами республики. А если они будут созданы, то влияние предприятий ВПК, даже если они перейдут на выпуск гражданской продукции, будет там доминировать.

Отмеченная выше общность интересов хозяйственных элит тем более значительна, что номенклатурная приватизация не противоречит, а в известном смысле даже способствует обеспечению политической стабильности, так как дает возможность хозяйственным элитам заручиться поддержкой достаточно широких слоев рабочих, продавая или передавая им часть акций, позволяющих воспользоваться преимуществами монополии.

Вместе с тем эта общность интересов бывших советских республик крайне неустойчива, так как номенклатурная приватизация тяжелой промышленности и военно-промышленного комплекса сама по себе не позволяет создать сколько-нибудь развитый потребительский рынок, не может обеспечить условия для того, чтобы одеть и накормить людей. Это дает силу национал-популистскому радикализму в республиках, в том числе и в России, где явно просматривается рост влияния русской национальной идеи. Однако, учитывая реальную экономическую роль предприятий военно-промышленного комплекса, это может означать лишь одно, а именно: на смену противоречию между модернизаторами и изоляционистами внутри старого имперского ВПК, олицетворяемого противостоящими друг другу фигурами Вольского и Тизякова, может прийти противоречие между над-национально-интеграторскими и национально-изоляционистскими (в бывших республиках) тенденциями внутри военно-промышленного комплекса.

Сложность и взрывоопасность ситуации заключаются, однако, в том, что ни одна из этих тенденций сама по себе не ведет к выходу из тяжелейшего кризиса и жесточайшего цейтнота, более того, обе они способствуют углублению кризиса.

Драматизм положения усугубляется тем, что в бывшем Советском Союзе сегодня нет сил, которые могли бы самостоятельно справиться с возникшими и изо дня в день усугубляющимися проблемами. Поэтому поистине решающую роль приобретает не просто помощь Запада, но и характер этой помощи. Она может способствовать реформированию советской экономики и выходу из кризиса только при условии, если она, во-первых, будет направлена на конверсию оборонной промышленности и, во-вторых, на поддержку мелкого и среднего негосударственного бизнеса, способного составить конкуренцию государственному и тем самым способствовать освобождению советской экономики от ее главного порока - монополизма. Только в этом случае можно рассчитывать, что на территории бывшего СССР возникнет действительно свободное экономическое пространство, а демонтаж империи войдет в цивилизованное русло и не обернется кошмаром межнациональных войн.

Мировое сообщество должно отдать себе ясный отчет: уникальность советской экономики и советского типа коммунистического тоталитаризма заключается в его наибольшей, по сравнению с другими странами, укорененности. А это, в свою очередь, означает, что своими силами большинство советских республик вряд ли смогут сделать даже первый шаг к рыночной экономике, т.е. создать и насытить потребительский рынок. Во всяком случае реальный ход начавшихся реформ заставляет в этом сильно сомневаться. Ядерная сверхдержава, десятилетиями пытавшаяся противостоять остальному миру и подчинить его своему влиянию, оказалась в такой зависимости от этого мира, как никакая другая. Эта зависимость - в удовлетворении самых элементарных, первичных потребностей десятков миллионов людей. Такова суть дела, не осознав которую ни одной серьезной проблемы решить нельзя.

3.2. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ В ЦЕННОСТНОМ МИРЕ

Мост вдоль реки

В становлении гражданского общества огромную, если не решающую, роль играет переходный период, его характер. Историческая форма перехода общества в новое состояние имеет самостоятельное, отнюдь не временное, инструментальное, "технологическое" значение. От того, какова продолжительность, тяжесть, социальная и человеческая "цена" исторического перехода, во многом зависит не только облик, но и динамика нового общества. Долгие годы оно будет воспроизводить и разворачивать те "временные" нормативно-ценностные структуры, основы которых торопливо и размашисто строились в переходный период.

Кажется естественным, следуя за буквальным смыслом слов, представлять переходный период как протяженное и структурированное настоящее, находящееся "между" прошлым и будущим. Однако если мы, находясь внутри этого периода, попытаемся представить его себе как нечто, детерминированное прошлым как причиной и будущим как целевым состоянием, то натолкнемся на серьезное препятствие. Для переходного состояния социальной системы и прошлое и будущее неопределенны. Прошлое постоянно переинтерпретируется, становится "непредсказуемым прошлым", поскольку идет постоянный поиск в нем оснований для выбора, для принятия все новых решений. Из однозначного прошлого можно двигаться только в одном направлении, к однозначному, безальтернативному будущему. Именно поэтому возникают и не прекращаются тяжелые споры о нашем прошлом. В них - поиски не только (и не столько) истины, сколько обоснования для избранного будущего. Спад интереса к прошлому говорит о том, что выбор сделан или почти сделан.

Будущее, как существующие в общественном сознании социальные цели, не просто противоречиво, но и разорвано, поскольку в обществе слабеет интеграция, и оно не набирает необходимой критической массы общепринятых ценностей. Однако никакое общество не может нормально развиваться без такой массы. Сегодня потребность "набрать" ее проявляет себя и в тех спорах о социализме, капитализме и гражданском обществе, которые кажутся иногда схоластическими, и в трогательно-абстрактных ссылках на общечеловеческие ценности, и в настойчивой идеализации национальной истории. Кроме того, представление о социальных целях меняется вслед за борьбой и "победами" групповых интересов.

Представление о переходном периоде как причинно-целевом соединении прошлого и будущего возникает много позже, в ставшем будущем. И это будет всего лишь жесткая объяснительная конструкция. В основе ее - уже известное будущее, под которое однозначно проинтерпретировано и прошлое, и переходный период - как убедительная, непротиворечивая связка между ними.

Видимо, это не лучший подход. И не только для будущего исследователя, но и для сегодняшнего. Имеет смысл рассматривать переходный период как самостоятельное состояние социальной системы. Оно отличается и своими внутренними свойствами, и местом в нерасчлененном историческом потоке.

Основные особенности переходных социальных систем связаны с их динамичностью и неустойчивостью. К ним в полной мере может быть отнесена формирующаяся в современной науке "парадигма нелинейности", в рамках ко-

торой переходную систему можно рассматривать как нелинейный объект. Пытаясь понять, как трансформируются ценности в переходных системах, важно учитывать некоторые отличия нелинейных объектов от линейных¹. У последних: существует закон (формула) развития; неважно прошлое; существует аддитивность (т.е. малое воздействие вызывает малый отклик); вне стационарного, устойчивого состояния такие системы ведут себя непредсказуемо. Для понимания нелинейных систем необходимы другие представления о них: критичность, т.е. наличие таких значений параметров системы, вблизи которых происходит актуализация потенциальности, возникает ситуация неустойчивости, где малые воздействия могут быть критическими и приводить к неуправляемости системы; отсутствие "формулы" развития (частный случай - смена "формулы"); потенциальность, т.е. существование в не целиком актуализированном, даже - альтернативном, виде; целостность, в силу чего невозможно и бессмысленно, с исследовательской точки зрения, выделять "части"; возможность динамического хаоса, т.е. такого внутреннего состояния, поведения системы, которое никак не связано с внешними воздействиями; историзм, особое значение "начала" поведения, зависимость от пропитого, но в то же время - непредопределенность.

Конечно, связь между этими общими представлениями и непосредственными наблюдениями может быть очень сложной, скрытой, не всегда очевидной. Однако в некоторых случаях переходные социальные системы позволяют непосредственно наблюдать "эффект нелинейности". Например, в переходный период происходит смена "формулы", характеризующей зависимость дифференциации доходов от экономического роста (уровня экономического развития). Известно, что параллельно увеличению дохода на душу (ВНП на душу) идет сначала увеличение, а потом снижение дифференциации доходов (коэффициента Джини). Точка перелома в середине 60-х годов наблюдалась в странах с доходом на душу 200-500.долларов, в 70-х годах она передвинулась к 300-700 долларам и будет передвигаться дальше. Важно отметить, что меняется не только знак связи, но и ее механизмы: первая формула выражает действие стихийных процессов, во второй же отражается сильное влияние целенаправленной социальной политики и формирующихся ценностей социальной справедливости и равенства возможностей.

Существуют наблюдения, фиксирующие и ситуации неустойчивости, когда параметры переходной системы приобретают критические значения, что приводит к ее неуправляемости. Такие наблюдения были сделаны, например, при анализе связи между ростом неравенства доходов, коллективным политическим насилием (возможностью "революции снизу") и характером политического режима переходного общества². Было обнаружено, что существует положительная связь между ростом неравенства доходов и частотой ситуаций коллективного политического насилия. Связь между последней переменной со степенью репрессивности политического режима (обеспеченность политических и гражданских прав) имеет вид перевернутой V-образной кривой. Ни та, ни другая связь сами по себе не дают оснований прогнозировать "революцию снизу". Однако во второй связи есть некоторое критическое состояние, критический диапазон, период, когда политический режим переходит из состояния низкой репрессивности к высокой, или наоборот. На основании этого можно у-

¹ Костюк В.Н. Изменяющиеся системы. - М.: Наука. (В печати).

² Miller E.N. Income inequality, regime repressiveness and political violence // American sociological review. 1985. V.50. № 1. P.46-61.

верждать, что в переходный период серьезная политическая нестабильность наиболее вероятна тогда, когда возникает режим "средней" репрессивности (ни демократический, ни тоталитарный) на фоне увеличения дифференциации доходов.

В потоке исторических событий переходные периоды также занимают иное место, чем стабильные, инерционные периоды развития. Последние геометрически совпадают с линией свершившегося исторического процесса, где уже не видны отсеченные, несостоявшиеся ветви. Первые же идут "под углом" к этой линии, поскольку наполнены альтернативными, избыточными и хаотическими процессами, разнонаправленными по отношению к складывающейся тенденции. В этом смысле переходный период - своеобразный "мост вдоль реки", несущей всю совокупность исторических событий. Они могут и иметь, и не иметь очевидного человеческого смысла, социальных функций и исторического будущего. Поэтому их так трудно понять.

Исторический контекст: глобальная модернизация

Определить содержание, направленность этого потока в целом невозможно. Но несомненно, что его "русло" прокладывает сегодня тот фундаментальный социально-экономический процесс, который переживают сегодня все страны мира - процесс все убыстряющегося структурного развития экономики, качественных ее перестроек, в более широком смысле - модернизации "вовремя" или "вдогонку". Он происходит на фоне новой длинной ("кондратьевской") научно-технологической волны, информатизации общества. Многие политические, идеологические и даже культурные изменения, которые мы наблюдаем сегодня, тесно связаны с этим глобальным процессом, часто - вторичны, а иногда и инструментальны по отношению к нему.

Известно, что форма таких перестроек и модернизаций может быть очень разнообразной. Это долговременный, многообразный и неравномерный процесс, сравнимый по длительности с жизнью человека или поколения. Социальная форма таких периодов отличается, в первую очередь, степенью их жесткости, величиной социальных, человеческих издержек. Чем менее успешна структурная перестройка, запаздывающая модернизация, тем больше вероятность последующего отставания, возникновения малоэффективной "рецидивирующей" модернизации с высокой социальной ценой.

Успешность модернизации зависит от решения экономических проблем, многие из которых испытывают сильное влияние культурного контекста. Например, формирование модернизированных экономических структур, накопление и инвестирование капитала в передовые отрасли в частном секторе затруднено тем, что в отличие от стран, модернизирующихся "вовремя", запаздывающие не всегда могут обеспечить этот процесс с помощью снижения налогов, стимулирующего предпринимательскую активность. Это связано с тем, что потребительские притязания высокодоходных групп в последних странах сегодня выше, а накопительские - ниже, чем у "пуританских" групп в период первых модернизаций развитых стран. Поэтому отмена прогрессивных налогов часто сопровождается утечкой накоплений или за границу, или путем вложения их не в "дело", а в имущество. Такое преобладание потребительско-накопительной ориентации над предпринимательской замедляет и искажает процесс модернизации.

Однако самая сложная проблема - возникновение неблагоприятных со-

циальных последствий экономических преобразований. Практически неизбежное следствие модернизации - увеличение социального неравенства, эксплуатации, напряженности и конфликтов. Это связано с неизбежным в переходных обществах отставанием развития социальной инфраструктуры от экономического роста, с обострением требований представителей наемного труда, с необходимостью ускоренного накопления капитала и повышения производительности труда на фоне замедления роста номинальной и реальной заработной платы (свободные цены, неконтролируемая инфляция).

Попытки заблокировать нежелательные последствия часто выливаются в активное регулирование темпов модернизации. Но на этом пути легко попасть в тупиковую ситуацию. Ориентация на подталкивание экономических преобразований (с тем, чтобы быстрее получить экономические результаты) ведет к социальной напряженности, поскольку предполагает жесткие, "шоковые" меры (замораживание зарплаты и сбережений, свободные цены, контроль над профсоюзами, свертывание социальных программ). Но и ориентация на сдерживание экономических реформ, смягчение их социальных издержек усиливает социальное напряжение от несбывающихся ожиданий, вызывает нападки на государство и профсоюзы как виновников замедления процесса. Поэтому проблема "естественных" темпов модернизации, оптимизации процессов по экономическому и социальному критерию остается центральной.

Разрешение этих трудностей осложняется чаще всего двумя обстоятельствами. Во-первых, недостатком ресурсов. Он может быть и первоначальным, и неожиданно возникшим (например, как в нефтедобывающих странах в связи с падением цен на нефть). Во-вторых, формированием негибких политических, административных и экономических элит.

И теоретики, и практики модернизации уделяют все большее внимание изменениям в культуре как системе ценностей и норм общества. В 50-60-х годах культура модернизирующихся стран рассматривалась в основном как "блокирующий", "консервативный" фактор, который нужно преодолеть, т.е. сформировать "современную" культуру. Признаками ее считались, например, положительные установки к конкурентным отношениям между людьми, к экономическому риску, к социальному неравенству, к работе женщин в общественном производстве и т.д.

Но сейчас признана ограниченность, неэффективность такого подхода. Западная социокультурная система столкнулась в развивающихся странах с "непроницаемостью" сложившейся культуры и поэтому оказывается часто неэффективной, чуждой. Она приживается лишь в некоторых социальных слоях или только отдельными, иногда не самыми лучшими, поверхностными своими элементами. Поэтому укрепляется мнение, что перестраивающимся обществам необходимо найти, сформировать в себе некоторый устойчивый социокультурный комплекс, который является элементом, источником их саморазвития. При этом сложившиеся социальные институты и нормативно-ценностные структуры подвергаются лишь постепенной и частичной перестройке, адаптируются к передовой индустриальной цивилизации, интерпретируются в новом историческом контексте. Однако проблемы культуры чаще выступают на первый план там, где идут интенсивные поиски самобытного, "своего" пути развития, существенно отличающегося или даже альтернативного уже сложившемуся пути западной цивилизации. Такие модели развития нашли свое отражение и в концепции "эндогенного развития" (ЮНЕСКО). Представляется, что поиски своего пути модернизации, апелляция к традиционным, национальным или ре-

лигиозным ценностям - это, как правило, вынужденные поиски, навязанные прежде всего серьезнейшими ресурсными ограничениями (проще говоря - бедностью). И только во вторую очередь - чьими-то политическими амбициями или культурным консерватизмом. Поэтому анализ и прогноз изменений в системе норм и ценностей переходного общества должен быть очень конкретный и в историческом, и в социальном, и в региональном плане.

Место нашего переходного периода в глобальном потоке

Переживаемый нами переходный период - это ситуация второй для нас в XX веке интенсивной запаздывающей модернизации сверху, политическим путем. Задача ее - вывести страну на более высокий уровень стабильного экономического роста и демократизировать политические институты. Главная ее проблема - не попасть в порочный круг "рецидивирующей" модернизации (точнее - выйти из этого круга). Для этого нужно найти некоторый оптимум необходимых темпов экономических, социальных и политических реформ - и естественных темпов изменений в культуре и личности.

Положительные факторы нашей модернизации - достаточные природные ресурсы, отсутствие (пока) внешней зависимости, благоприятный (пока) геополитический фон, политическая, идеологическая и экономическая (меньше) активность интеллигенции, наличие большого рынка квалифицированного наемного труда, а также опыт тяжелой исторической формы "модернизации вдогонку" 20-30-х гг. Отрицательные факторы - масштабы, национально-культурная, экономическая, а теперь - и политическая разнородность страны, усиление экологических ограничений на развитие промышленности, истощение ресурсов деревни и, кроме того, - исторический синдром отставания, повторяющихся реформ "вдогонку".

Кроме того, существуют факторы, которые трудно оценить однозначно. Они относятся к особенностям нашего "старта" в очередную модернизацию. Эти исходные условия специфичны в двух важных отношениях. Важно, что наше общество модернизирует не "слаборазвитые" полуфеодальные экономические структуры, а современное производство (правда, с перекошенной структурой) с развитым административным управлением. "Хуже" это или "лучше" - трудно сказать. Согласованного мнения на этот счет еще не сложилось, еще мало накоплено опыта, и он не очень осмыслен.

Но главное - очень специфична "исходная" культура, подлежащая модернизации. Во-первых, она содержит древний и глубокий слой общинно-крестьянского мировосприятия, основанного на ценностях соборности, выживания, государственности, свободы как внутреннего состояния, состояния души, на мягкой, очень психологичной, слабоофициальной религиозности. Во-вторых, на этой почве парадоксально, естественно прижились не только те элементы социалистической идеологии, которые имеют с этим древним мироощущением общие, христианские корни (например, коллективизм и равенство), но и совершенно чуждые ему, такие как атеистические индивидуализм (близкий к некоторым западноевропейским моделям). И, в-третьих, существует здесь и активный слой, состоящий из ряда мифологизированных западных ценностей, из которых, на наш взгляд, и строится пока образ гражданского общества.

Оказавшись перед необходимостью модернизировать столь глубокую и сложную культуру, необходимо четко определить исходную позицию при реше-

нии этой исторической задачи. Или, следуя распространенной модели модернизации как вестернизации, мы разворачиваем сценарий, где более современные общества передают переходному обществу свою культуру (в том числе - ценности гражданского общества) с помощью "комбинации культурной диффузии с политическим патронажем" и "решающей роли политических элит переходной системы"¹. Или модернизируем сложившуюся, живую культуру, не заменяя (подменяя), а изменяя ее, используя ее огромные внутренние ресурсы, делая ставку на процессы ее самоорганизации в новых условиях, на массовые процессы ценностной адаптации и развития.

При этом очень важно учитывать, в каком конкретном историческом и идеологическом контексте функционирует лозунг гражданского общества. Сегодня идея гражданского общества возникает в принципиально различных социально-экономических условиях. Общий источник ее - протест против "левиафанизации" современного общества, засилья в нем государственных структур и влияния. Причем этот протест может относиться и к военно-авторитарным государствам Латинской Америки, и к "перегруженным", очень обременительным для налогоплательщиков государствам "всеобщего благоденствия" Западной Европы, и к бывшим тоталитарным государствам Европы Восточной. Все эти государственные системы в той или иной степени воспринимаются как все более тяжкое бремя, мешающее свободному развитию общества, социальных групп и индивидов.

Правда, основанная на общем "диагнозе" идея гражданского общества в то же время сильно дифференцирована там, где речь идет о "средствах лечения". Например, для сферы экономики (точнее - политического регулирования экономики) диапазон предлагаемых средств достаточно широк: от неоконсервативной стратегии реприватизации через либеральную и социал-демократическую модели плюрализма различных форм собственности до левых мечтаний об "участии в управлении" и "производственной демократии". Но все-таки этот диапазон находится внутри границ, очерченных нормами и ценностями, приписываемыми гражданскому обществу (индивидуализм, законность, польза и т.д.).

Однако там, где речь заходит не об экономике и политике, а о собственно социальной сущности гражданского общества, разброс представлений оказывается не то, чтобы широким, но гораздо более противоречивым внутренне, непримиримым в ценностном смысле.

Каждая из ценностей гражданского общества может быть содержательно определена, истолкована очень по-разному. Это зависит от того, рассматривается ли такое общество как совокупность всех форм взаимодействия добровольных ассоциаций любых видов (неважно, экономических или нет), лишь бы они не были основаны и контролируются государством (традиционная, либеральная модель), или как социальный механизм жизненного мира, в противоположность той системе, которую образуют сегодня интегрированные, сросшиеся друг с другом экономика и государство (социально-критическая модель), или как чисто социальное царство контркультур, контринститутов и свободного, демократического социального взаимодействия, межличностной коммуникации (феноменологическая, экзистенциалистская модель)². Кажется очевидным, что каждое из таких представлений о гражданском обществе предполагает свое,

¹ Almond G.A. Progress and its discontents. Berkley, 1982.

² Наумова Н. Человек и кризисное время: преодоление // Свободная мысль. 1991. №17.

отличное от других, толкование таких ценностей, как свобода, справедливость или польза. Очевидно также, что в переходном обществе увеличивается вероятность того, что будут одновременно возникать и развиваться разные представления о гражданском обществе. Это усилит и без того характерный для переходного периода разнородность в толковании, в обыденной интерпретации фундаментальных, конечных (не инструментальных) ценностей.

Все это (и многое другое) делает процесс изменения ценностей в переходном обществе не только очень динамичным, но крайне противоречивым и избыточным. Поэтому наивны попытки понять его тенденции, отслеживая, как меняются ценностно-окрашенные мнения людей. Во-первых, очень трудно, практически невозможно эмпирически "вынести за скобки" культурно-идеологические клише, которые в переходный период средства массовой коммуникации формируют особенно активно и успешно, поскольку психологическая защита от информационного давления у людей ослаблена. Во-вторых, в этот период особенно резко заявляют о себе различные уровни, различные потоки сознания и переживаний человека, где процессы изменения могут идти не только с разной скоростью, но и в различных, даже противоположных направлениях. В принципе такие слои независимы и не обязаны следовать к какой-то общей логике. А в кризисное время их несогласованность позволяет кризисному сознанию осуществлять весьма противоречивые функции. Например, адекватно отражать события, идти за ними и в то же время следовать не логике (или абсурду) кризиса, а стратегии своей единственной жизни.

Поэтому в переходный период очень невелика возможность непосредственно, чисто эмпирически наблюдать и исследовать, как меняются ценностные структуры, как формируются ценности гражданского общества. Чтобы определить направление этих изменений, необходимо понять, каковы их механизмы, как влияют на них те объективные - экономические, социальные, политические - процессы, которые характерны для переходных обществ, для переходных социальных систем.

Общество переходного периода - это не просто некоторое промежуточное, "несамостоятельное" состояние социальной системы, а скорее, особый ее тип, качественно иное, чем стационарное, состояние. У такой системы есть свои специфические функции, которые предъявляют жесткие требования к нормативно-ценностной подсистеме и тем самым определяют направление ее развития.

Задачи переходной системы и ценности гражданского общества

Три фундаментальные функции переходной социальной системы непосредственно связаны с изменением, переориентацией ценностей - мобилизация социального (человеческого) потенциала общества, формирование гибкой и динамичной социальной структуры и обеспечение эффективного социального управления, сохранение управляемости социальной системы.

Мобилизация социального потенциала, т.е. совокупной энергии населения, может быть успешной только в том случае, если формируются и развиваются ценностные ориентиры, мотивы социально-экономической деятельности, которые необходимы в условиях модернизации. Считается, что наиболее эффективной в данной ситуации является предпринимательская мотивация. Социальная форма этой мотивации - частный интерес. Он основан на рыночном

(т.е. на жестко связанном с трудовыми усилиями) способе получения дохода и на наиболее сильном "накапливаемом преимуществе" - частной собственности на средства производства как возможности использовать наемный труд. На этой основе формируется достаточно большой слой предпринимателей. Из него, в свою очередь, выделяется элита (крупные предприниматели, менеджеры, эксперты), которая выступает в качестве сильнейшего фактора, активизирующего не только экономическое развитие, но и формирование специфического, предпринимательского этоса.

Однако при таком способе мобилизации социального потенциала, ориентированном на центральную, ведущую роль предпринимательства и его ценностей, возникают серьезные трудности. Они связаны в первую очередь с тем, что "развитая", т.е. эффективная и в экономическом, и в социальном отношении, предпринимательская мотивация формируется не сразу. В развивающихся, модернизирующихся "вдогонку" странах ее первоначальные формы бывают очень эффективными как способ первоначального накопления (т.е. личного обогащения), но они, как правило, малоэффективны с точки зрения задач модернизации общества. В экономическом смысле - в силу сильной зависимости от иностранного капитала, ориентации только на сверхприбыль, из-за склонности обращать накопления в имущество, а не в капитал или переводить последний за рубеж. В социальном - потому что на первых этапах преобладает своекорыстный интерес, коварство, насилие, коррупция, фаворитизм, вообще - нарушение и размывание социальных норм, норм поведения.

У нас сейчас формируется этос предпринимательства, характерный именно для таких переходных обществ. Процесс этот идет быстро, но он неоднороден.

Эта неоднородность проявляется, во-первых, в том, что неравномерно развивается "универсальная", классическая структура предпринимательской мотивации. Наши исследования показывают, что активно развиваются все социальные переменные (интенсивный образ жизни, активное социальное сравнение, высокий уровень социальных притязаний, полная ответственность за свою социальную судьбу и т.д.), а также психологические, личностные (готовность к риску, прагматизм, рациональность, самоконтроль, коммуникабельность и т.д.). Однако культурные переменные формируются очень специфически. Правовое сознание не просто отстает, а все больше приобретает криминальную форму, создавая устойчивую форму, создавая правовую "контркультуру". Политическая активность очень высока, но демократические ценности, ценности гражданского общества не играют в ней заметной роли, прежде всего потому, что политическое влияние крупного предпринимательства успешно осуществляется пока внедемократическими средствами. Если эта тенденция сохранится, т.е. будет укрепляться сращивание бизнеса с государственным и политическим аппаратом, то формирование этики гражданского общества будет замедлено и искажено.

Экономическое сознание развивается быстро, успешно. Однако формированию рациональной системы норм, регулирующих отношения людей в экономической сфере, мешают стереотипы классовой идеологии (настороженно-агрессивное отношение к наемному труду, продиктованная страхом потребность в образе "люмпена").

Во-вторых, очевидно, что развитие нашего предпринимательства неоднородно в функциональном смысле. Стремительно сформировался и развивается посреднический и биржевой бизнес (хотя норма прибыли в посредниче-

ских операциях с лета-осени года стала уже падать), далеко отстает промышленный, производственный. Это не может не накладывать отпечаток на ценностные ориентации его представителей. Например, активная мифологизация риска и удачи, отставание правового сознания, недостаток уважения к наемному труду, равнодушие к проблемам справедливости - все это в значительной степени следствие господства биржевого, посреднического капитала.

Таким образом, слабыми элементами в развивающейся предпринимательской ценностной системе оказываются те, которые регулируют отношения в экономико-производительной сфере. Между тем, именно здесь формируется один из строжайшей этики гражданского общества. В модернизирующемся обществе, где происходит новая его стратификация, возникают и новые групповые, слоевые нормативно-ценностные подсистемы. Гражданское общество невозможно, если эти подсистемы несогласованы, враждебны, непроницаемы друг для друга. Они должны, по крайней мере в процессе экономической деятельности, экономического взаимодействия, действовать как "связка", как единая система. Одна из таких необходимых "связок" - взаимоотношение трудовых, предпринимательских и "люмпенских" социальных установок.

В сегодняшней кризисной ситуации особенно важно понять, как соотносятся ценности нашего предпринимательства и нашего наемного труда. Для начала необходимо отказаться от попыток представить мотивацию наемного труда как простой антипод предпринимательской мотивации, как совокупность ориентаций на избегание риска, на расслабленный образ жизни, на низкий уровень притязаний и т.д. Эта упрощенная схема не имеет отношения к реальности, не подтверждается эмпирическими наблюдениями. Принципиальные различия в ценностных ориентациях работника и предпринимателя существуют, не могут не существовать, но они носят другой, более глубокий характер. Начатые нами исследования показывают, что ценностное сознание хороших, даже лучших наемных работников (с высокой активностью, квалификацией, заработком, уровнем притязаний) формируется как антитеза по многим экзистенциальным параметрам - время как ценность, стратегия планирования жизни, критерии справедливости, предпочитаемый тип социальной защиты, направленность социальной идентификации и т.д. Таким образом, на достаточно глубоком уровне заложена разница в мироощущении, по крайней мере, по отношению к социальному миру. Станет ли эта разница одним из факторов, влияющих на возникновение и протекание социальных конфликтов, в большой степени зависит от характера социального взаимодействия, интеракции между работником и предпринимателем, от степени взаимного уважения к ценностному миру другого.

В связи с этим все более острой становится проблема "люмпенства", точнее говоря - совокупность проблем, возникающих вслед за формированием агрессивного мифа о бедности как личной вине, нравственном изъяне, экономическом паразитизме и социальной угрозе. Очевидна защитно-оборонительная природа этого мифа, продиктованного нарастающим страхом перед неизбежным в переходном обществе расширением мира незаслуженной и незащищенной бедности. Нужно иметь в виду, однако, что этот возрождаемый социальный стереотип восприятия, "имидж", неплохо работавший в дореволюционной России, вряд ли сможет выполнить свою защитную функцию сегодня. Экономические причины, социальная структура и ценностно-мотивационные характеристики бедности сейчас у нас совершенно иные. По этим параметрам (но, конечно, не по уровню жизни) наша бедность ближе к ее сестре в развитых

странах. Поэтому и отношение к ней уместно строить на сходных принципах, т.е. на ценностях гражданского общества - свободе, ненасилии, праве, справедливости и обеспечении реального равенства возможностей. В преодолении агрессивных установок большую роль могло бы сыграть развитие исследовательской культуры (подкультуры) бедности, которая у нас имеет глубокие исторические корни и серьезную социальную специфику.

Фундаментальной предпосылкой для эффективного (некатастрофического) перехода общества в новое экономическое и гражданское состояние является также гибкая и динамичная социальная структура. Это предполагает создание и расширение среднего класса как постоянного источника экономической активности, усиление роли этого класса в обществе и в экономике. В современном обществе расширение и усиление среднего класса является результатом долговременной государственной политики (налоговой, инвестиционной и т.д.), направленной на увеличение доли тех, кто имеет средние доходы, и на обеспечение вертикальной мобильности. Причем в этом процессе наблюдается два принципиально разных этапа. На первом этапе модернизации происходит (и это необходимо) усиление социальной дифференциации, социального неравенства. Затем начинается обратное движение - уменьшение дифференциации доходов. Это значит, что переходный период заканчивается, реформы начинают давать плоды.

Понятно, что такая эволюция есть результат прежде всего объективных, экономических процессов и рациональной социальной политики. Однако роль нормативно-ценностного регулирования здесь достаточно велика, самостоятельна. Утверждение таких ключевых ценностных принципов, как равенство возможностей и социальная справедливость, приобретает совершенно определенное, функциональное значение. Это предъявляет серьезные требования к нормативному сознанию, к представлениям человека о рациональной социальной организации общества, о социальном порядке, о взаимной ответственности человека и человеческих сообществ, о критериях справедливости. Такие представления должны быть достаточно динамичными, гибкими и сложными, чтобы не только не входить в противоречие с объективными экономическими процессами, но и стимулировать их, и в то же время воспроизводить те нравственные ценности, которые обеспечивают позитивное социальное взаимодействие и свободную человеческую коммуникацию. Мировой опыт показывает, что возникновение нестабильных, неуправляемых, неэффективных переходных обществ не в последнюю очередь связано с распространением, преобладанием негибких, жестких, агрессивных представлений о социальном устройстве, о принципах, на которых оно должно строиться.

Поэтому важно определить, в каком направлении меняются сегодня эти принципы, и в первую очередь - критерии социальной справедливости в массовом сознании. Исследуя этот процесс эмпирически, мы разделили называемые респондентами критерии (в ответах на открытый вопрос) на три большие группы. К первой группе были отнесены те критерии, которые, на наш взгляд, наиболее перспективны сегодня и для радикальных экономических преобразований, и для движения к гражданской этике. Это равенство прав и возможностей, законность (закон, право, насилие) и свобода. Вторая группа содержит критерии, которые в наших условиях (но не вообще и не везде) не способствуют, видимо, движению в этих направлениях, - это распределение, равенство положения и социальное обеспечение. Остальные критерии можно рассматривать как относительно нейтральные. Результаты телефонных опросов москвичей по

проблемам социальной справедливости дали нам "ряд" из трех точек. Он позволяет сделать некоторые наблюдения по поводу сдвигов, изменения относительного веса, влияния различных критериев справедливости (табл. 1). Представляется, что наметились следующие тенденции.

Таблица 1 (%)

Критерии справедливости (ответ на вопрос "Что такое, по Вашему мнению, социальная справедливость, в чем она заключается?")	Характер изменений (вид кривой)	1988	1990	1991
1	2	3	4	5
"По труду" ("получать по труду")		32,0	37,3	29,8
Распределение ("принцип распределения социальных благ")		4,8	9,8	15,4
Равенство возможностей, прав		8,9	11,6	12,6
Равенство положения ("отсутствие расслоения")		8,9	12,5	4,6
Закон, законность		7,9	5,9	14,0
"Против привилегий"		2,9	5,1	3,8
"По заслугам, положению, способностям, должности, стажу и т.д."		3,4	5,1	0,7
Социальная защищенность, социальное обеспечение, обеспеченность		6,6	3,6	6,3
Социально-психологические и моральные факторы ("по совести", "порядочность", "без обмана" и т.д.)		20,1	7,7	10,2
Свобода ("свободный выбор", "свобода личности" и т.д.)		4,2	0,2	0,7
Другое		0,3	0,2	1,9

Линейно, т.е. устойчиво, набирая некоторую инерцию, развиваются, усиливаются только два фундаментальных (хотя и противоположных по значению) критерия - распределение и равенство возможностей. Более быстрый рост первого объясняется давлением обстоятельств, снижением уровня жизни. Очень важен факт, что усиление критерия распределения не приводит к ослаблению критерия равенства возможностей. Это говорит о том, что эти критерии пока (и, возможно, еще достаточно долго) не приходят в столкновение друг с другом. Можно предположить, что в переходный период будет функционировать смешанная, двойная (mixed, dual) не только экономика, но и социальность, построенная на симбиозе, неконфликтном сосуществовании рыночного и распределительного этоса. Для тяжелого и конфликтного переходного периода это, на наш взгляд, не худший вариант, если не сталкивать эти этосы лбами. По нашим наблюдениям, нынешние представления о распределительной

справедливости не агрессивны, не враждебны ценностям гражданского общества. Для них характерны слабая уравнивательность, рациональность и относительная гибкость¹.

Что же касается критерия равенства прав и возможностей, то он (может быть, только у нас или только пока?) менее агрессивен и менее требователен, чем другие критерии?. Это выражается в том что, например, в 1988-1990 гг. неудовлетворенность справедливостью в обществе росла в группе с этим критерием медленнее, чем в группах с другими критериями (в среднем неудовлетворенность выросла на 23 %, а в этой группе - на 16 %). Конечно, сыграло роль и то, что реально права и возможности расширились, но более агрессивный критерий всегда нашел бы причину для недовольства. В целом же модель справедливости, построенная на равенстве прав и возможностей, проявляет себя как наиболее гибкая, а ее устойчивое усиление, пусть медленное, означает, что усиливается и мотивационно-ценностный фундамент для ориентаций на экономические реформы и гражданское общество.

Изменение двух других "рыночных" критериев - закона и свободы - имеет нелинейный, но одинаковый характер: спад, потом подъем, но у законности более уверенный, а у свободы просто хилый. С этим последним критерием многое остается неясным, эмпирические данные невыразительны, поэтому воздержимся от выводов. Однако усиление критерия законности в связке с усилением критерия равенства возможностей и прав позволяет говорить об устойчивом развитии рыночного этоса, нормативного обоснования экономических и политических реформ. Представляется, что это необратимый процесс.

Два других "нерыночных" критерия - равенство положения и социальная защищенность - меняются нелинейно и по-разному. Равенство положения после небольшого усиления стало слабеть, а социальная защищенность, наоборот, после некоторого спада вернулась в исходное положение. Эти два противоположных зигзага можно толковать как специфический "поиск" той модели справедливости, которая соответствует резкому ухудшению жизненных условий. В самом конце 80-х гг., по нашим данным, реакция на это ухудшение была связана прежде всего с усилением критерия равенства положения. Здесь нашла отражение традиционная для нашей культуры идеология выживания, основанная на представлении о справедливости как равенстве положения, реальном равенстве. Однако сейчас поиск пошел к другой стратегии, к другому критерию, более мягкому, гибкому - к социальной защите. Эта тенденция будет, видимо, сохраняться, и в этом смысле "нерыночная" модель справедливости станет более терпимой к экономическим преобразованиям.

Большинство (3 и 4) нейтральных критериев после первоначального роста начали терять свое значение, за исключением моральных, социально-психологических критериев. Это говорит о том, что в целом система критериев становится более определенной, даже жесткой по отношению к происходящим в обществе преобразованиям. Значит роль представлений о справедливости возрастает.

Необходимо подчеркнуть, что представления о справедливости более динамичны, чем многим сейчас кажется. Они достаточно жестко следуют за изменением объективной, социально-экономической ситуации. Поэтому попытки "изменить социальное сознание и психологию людей" в том направлении, которое не совпадает, не соответствуют направлению объективных процессов,

¹Наумова Н. Человек и переходный период // Коммунист. 1991. №7. С- 81-91.

обречены на неудачу. Если на исходе переходного периода не пробивает себе дорогу естественная и необходимая тенденция к расширению среднего класса за счет снижения дифференциации и широкой, не индивидуальной, а слоевой вертикальной мобильности, - возникает "иррационально-модернизированное" общество, экономически и/или социально нестабильное. Как правило, социальной причиной этого оказывается нестратегичное, негибкое поведение политических, экономических, административных элит. И не последнюю роль здесь играет возникновение "иррационально-жесткого" варианта этики гражданского общества, где свобода интерпретируется как вседозволенность, польза как корысть, индивидуализм как "судьба "одинокого волка" и т.д. Укрепление такой этики делает невозможной эффективную социальную политику, направленную на блокирование социальной напряженности, неизбежной в переходный период. Нерациональность поведения элит выражается не только в эскалации коррупции, но и в нежелании элиты "делиться" своими возрастающими доходами со средними слоями (предпринимателями и квалифицированными работниками). Отсюда - рост неравенства, постоянная (скрытая или открытая) политическая нестабильность, чрезвычайные положения, перевороты, смены режима.

Поэтому формирование уже в переходный период подлинной этики гражданского общества, тонко аранжированной в нравственном смысле, является не только целью, но и необходимым условием успешной запаздывающей модернизации. В противном случае неизбежен возврат в следующий круг модернизации, эффективной, обреченной на исторические рецидивы.

3.3. КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ

Переход к гражданскому обществу начался в нашей стране в условиях кризиса прежнего общества, как бы его ни называть (административно-командное, этатистское, раннесоциалистическое и т.п.). Кризисное его состояние стало предпосылкой, причиной и продолжает быть атмосферой всех переходных процессов. Становление нового несет в себе глубокий отпечаток кризиса старого. Это затрудняет и без того непростое понимание происходящего на наших глазах. В том числе и динамики ценностей населения, оцуюпью и не без боязни движущегося к рыночной экономике.

1. Кризисный социум

Кризис - одно из состояний живого организма. Еще в Древней Греции под кризисом понималось завершение или перелом в ходе некоторого процесса, имеющего характер судьбы.

В социологии принято различать стабильное и кризисное состояния общества. Первое есть устойчиво воспроизводящийся социальный порядок. Второе означает нарушение стабильности, служит острой формой проявления социального конфликта, способом движения социальной системы от прежнего ее состояния, через дезинтеграцию и конфликт, к новому состоянию. В ходе своей эволюции любое общество неоднократно проходит динамический цикл "стабильность - кризис - новая стабильность".

Однако глубина и всеобъемлющий характер переживаемого нами кризиса, по сути дела, катастрофа, постигшая советское общество как целостную систему, оказались неожиданными как для подавляющего большинства населения бывшего СССР, так и для большинства зарубежных исследователей и наблюдателей. Чем объяснить эту внезапность социального обвала на одной шестой суши земного шара? Разгадка таится в особом характере советской действительности, изобилующей такими каузальными связями, которые Карл Маркс называл превращенными формами, а Мераб Мамардашвили расшифровал как особого рода детерминизмы - превращенности действия, свойства которых фундаментально неклассичны (М.К.Мамардашвили, 1990).

Суть в том, что на определенных уровнях сложной системы ее внутренние отношения так превращаются (выключаются из связей восполняются иной предметностью, синкретически замещают собою предшествующие уровни), что их фактическое содержание оказывается скрыто от наблюдателя. За три четверти века в советском обществе сформировалось столько *социальных превращений*, что это общество оказалось трудно проницаемым для наблюдения как изнутри, так и извне. Возникла тотально превращенная, замкнутая в себе реальность - своего рода социальный черный ящик. Задача исследователей - помочь его просветлению.

Как показывают проведенные за последние годы историко-культурные и социологические исследования, глубинное основание совокупности социальных превращений и скрывавшейся за ними неизбежности кризисного потрясения нашего общества составляло *тотальное отчуждение человека*. Оно возникло в 20-е годы, достигло зрелости уже в 30-е годы, а затем продолжало модифицироваться, все глубже проникая во все поры жизни общества и индивидов. Это криминальная история, заслуживающая детективного расследования.

А в кратком и сухом изложении она может быть сведена к семи слоям отчуждения, последовательно возникавшим, наслаивавшимся один на другой и в итоге замкнувшимся в тотальный комплекс. Исходным стало отстранение большинства населения от участия в управлении, от власти. Это превращение демократии в свою противоположность стало возможным благодаря доминированию государственной собственности, оказавшейся на деле в руках партийно-советско-хозяйственной номенклатуры как корпоративно организованной социальной группы. Сановное ядро советской бюрократии камуфлировалось разбуханием бюрократии традиционного, чиновничьего типа, против которой время от времени направлялся огонь официальной "критики" и "народной сатиры".

Затем номенклатура осуществила отделение работающих за зарплату от большей части результатов их труда. Доля национального дохода, изымаемого из потребления и направляемого на нужды военно-промышленного комплекса и накопление, за несколько лет увеличилась с 10 до 35-50%, а доля заработной платы в создаваемом трудящимися доходе упала с 65 до 40%, а затем и до 20-25%. Вслед за этим произошло свертывание нэпа и тотальное раскрестьянивание, означавшее ликвидацию всех хозяйственно независимых слоев населения, отчуждение всех трудящихся от самоорганизации своего труда.

На основе трех охарактеризованных слоев отчуждения человека (от власти, от самоорганизации труда и от его результатов) сложилось самое фундаментальное превращение - отчуждение структуры производства от потребностей населения. Промышленность была организована в режиме расширенного самовоспроизводства, а выпуск товаров группы "Б" (и оборудования для их производства) осуществлялся по остаточному принципу. Постепенное обнищание населения было детерминировано структурой самого производственного потенциала страны, методично пожиравшего громадные ее природные и трудовые ресурсы.

Все четыре слоя отчуждения рефлексировались в пятом - массовом пространстве превращенных форм общественного и индивидуального сознания, вызывавших политическую экзальтацию населения в условиях тоталитаризма, когда естественным был бы не восторг, а протест. Прежнее, естественно сложившееся, историческое самосознание народов СССР было замещено фетишистскими его формами, фокус которых составляли обожествление вождя и персонификация врага. В сознании каждого человека укоренялся "внутренний цензор", следивший за тем, чтобы человек говорил, писал и даже думал только то и так, что и как дозволено официальной идеологией.

Шестой, самый мрачный, слой отчуждения означал тотальную утрату гражданами личной безопасности. Никто из сановной элиты не мог поручиться за свой завтрашний день - ни всесоюзный староста Калинин, ни второй человек в стране Молотов, ни главный каратель Берия, ни сам генералиссимус Сталин. Это тем более распространялась на миллионы простых людей, которые, тем не менее, были убеждены, что живут в самой свободной стране и в самом справедливом обществе. На деле же их судьбы зависели от доносов сверху и снизу, продиктованных как идейными, так и корыстными мотивами. Правоохранительные органы превратились в свою противоположность - в машину тотального уничтожения народа, работавшую с маниакальной ритмичностью, не щадя и "обслуживающий" ее персонал.

Стоило этой машине замедлить ритм и сузить масштабы своих действий (с XX съезда КПСС), как начался процесс самоорганизации гражданского общества: возникли не зависимые от официальных органов производственные

ячейки, которые стали организовываться в самостоятельную сеть. Но это противоречило действующему законодательству и приобрело характер "теневой экономики", агенты которой вступили в альянс с поддерживавшими их группами из партийно-хозяйственной номенклатуры. В обществе сформировался седьмой, мафиозно-коррупцированный слой отчуждения: самоотчуждение возрастающей части общественного труда от законных структур хозяйственной деятельности или, что то же самое, самоотчуждение этих структур от реальных экономических процессов. Так или иначе, последний круг отчуждения сомкнулся с первым (отчуждение от власти). Более того все семь его кругов, или слоев, каждый из которых обладал двойной и тройной надежностью, переплелись друг с другом и образовали небывалую в истории ловушку, в которую попало наше общество. В итоге произошло *самоотчуждение общества от развития*. Постепенно зрел, а затем обвалюно разразился общий кризис советского общества.

Кризисы в обществе бывают частичные и общие. К частичным относятся локальные кризисы, ограниченные частью территории данного общества (страны), и сферные или институциональные, поражающие конкретную сферу или институт общественной жизни (экономику, политику, образование и т.п.). Общие кризисы охватывают данное общество (страну) в целом, их можно поэтому именовать социетальными.

В свою очередь, среди социетальных кризисов различают: социальный, развивающийся в отношениях между людьми, складывающихся и воспроизводящихся в разнообразных процессах человеческой деятельности; культурный, поражающий сами способы деятельности человека, типы производственной жизнедеятельности общества; социокультурный или универсальный, охватывающий как совокупность социальных отношений, так и культуру, равно и их взаимодействие.

Социокультурный кризис свидетельствует об исчерпании возможностей саморазвития общества в данном его качестве. Именно такой кризис охватил советское общество. Первый, инкубационный этап этого кризиса начался в середине 50-х годов, проявляясь в серии политических кризисов верхушечного характера и идеологической "оттепели". С середины 60-х годов кризис вступил во второй этап, когда официальная экономика вступила в полосу стагнации, а деловая активность переместилась в "теневую сферу". С середины 80-х годов, на своем третьем этапе, кризис приобрел всеохватывающий и очевидный характер. Он пронизал все сферы социальной и культурной жизни общества.

В области социальных отношений это был кризис советского общества как раннесоциалистического. Он проник в такие его сферы:

- политическую, где произошли потеря управляемости на всех уровнях и во всех звеньях функционирования государства, острые политические конфликты, вплоть до вооруженных столкновений на межнациональной почве;

- экономическую, где развился тотальный дефицит товаров и услуг, гиперинфляция, огромный внутренний и внешний долг государства;

- структурно-производственную, где обнажился дефицит природных и трудовых ресурсов великой страны, обусловленный ресурсопоглощающей, "самоедской" структурой милитаризированного производства;

- собственно социальную, где произошла стремительная дезинтеграция социальных групп и институтов, утрата идентификации личности с прежними структурами, ценностями, нормами.

В области культуры кризис охватил такие сферы:

- духовно-нравственную, где рухнула монолитная структура официозных ценностей, а на поверхности разлилось неприязненное взаимоотношение между индивидами;

- трудовую, где мотивы содержательного труда уступили ведущее место мотиву низкой интенсивности труда, трудовая пассивность стала принципиальной позицией большинства, а инновационная деятельность на производстве лишилась престижа и поддержки;

- этническую, где подрыв условий развития национальной самобытности многих этносов, особенно малочисленных, привел к угрозе самому их существованию, особенно вследствие хищнической политики ведомств;

- экологическую, где угроза уничтожения биологических условий жизни нависла над большим и все увеличивающимся пространством, а нормальное экологическое пространство сжимается как шагреновая кожа.

Два кризиса - социальный и культурный - сложились в одном обществе и действуют в нем одновременно. Точнее, они взаимодействуют, но весьма специфически, воплощая своеобразие российского общества как социокультурной реальности. В этой связи необходимо привлечь внимание еще к одной типологической характеристике кризисов общества. По характеру внутренней динамики их можно разделить на два противоположных типа: саморазрешаемые - их большинство, они вписываются в естественную логику саморазвития общества и потому могут быть названы нормальными; патовые или тупиковые, заключающие в себе порок заколдованного круга и потому выступающие по отношению к естественному саморазвитию как патологические. Особый случай представляет собой патологический социокультурный кризис.

Общество, переживающее патологический социокультурный кризис, есть кризисный социум. Это специфическое, редко встречающееся в истории состояние общества, характеризующееся уникальным сочетанием параметров социального и культурного развития. Именно такое состояние и сложилось в советском обществе на основе тотального отчуждения человека, наложившегося на многовековой раскол российской культуры. Это состояние можно охарактеризовать как застойное противоречие между культурой и социальными отношениями, породившее распад связей, интегрирующих общество, разложение культурного основания общественного воспроизводства при одновременном блокировании механизмов его саморазвития.

Патологический кризис СССР означал не только общий кризис раннего социализма как исторически конкретного типа социальных отношений, достигшего завершающей стадии своего развития, но и кризис в эволюции российской культуры. Если принять, что данная культура характеризуется расколом, инверсионная логика которого обуславливает заколдованный круг вариантов предкатастрофического состояния¹, то понятно, что именно эта логика возводит непреодолимые препятствия на пути саморазрешения социального кризиса. Она гоняет общество из одной кризисной ситуации в другую, направляя его, в конечном счете, к катастрофе.

В самом деле, сам по себе общий кризис раннего социализма, завершивший эволюцию этого типа социальности, одновременно открывал несколько возможностей дальнейшего развития социальных отношений в стране: 1) через регулируемые государством рыночные отношения к гуманному социализму; 2) через шоковое самоутверждение рыночных отношений к капитализму

¹Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. Т. I-III. М., 1991.

3) через сочетание шоковых и регулируемых методов становления рыночных отношений к смешанной (многоукладной, многосекторной) экономике. Первая возможность сочеталась преимущественно с демократизацией общественной жизни; вторая и третья возможности предполагают глубокую социокультурную реформу всего общества.

С середины 80-х годов, в течение нескольких перестроечных лет, основные социально-политические силы страны стремились к тому, чтобы реализовать первую возможность. Перестройка представляла собой попытку вывести страну из социетального кризиса, преодолеть тотальное отчуждение человека, не меняя радикально отношений собственности, типа общества. Начав с позднейших исторических пластов отчуждения, она стала вскрывать и снимать следующие, более глубокие его пласты, освобождать массовое сознание и социальное бытие от отчужденно-превращенных их форм.

Новые законы, либерализовавшие хозяйственную инициативу, позволили легализовать многие области теневой экономики. Началось утверждение правового государства, защищающего права человека. Утвердилась гласность, восстановлены ключевые звенья исторической правды, хотя до полной правды еще далеко. Иными словами, неплохо перепаханы седьмой, шестой и пятый слои отчуждения.

Но перестройка забуксовала, а затем и вовсе заглохла перед четвертым, самым фундаментальным пластом - отчуждением производства от потребностей населения. Лишь начальные шаги были сделаны в зонах третьего, второго и первого слоев отчуждения (раскрестьянивание, право наемных работников на цивилизованную долю дохода, преодоление самовластия номенклатуры).

Это означает, что движение по первому, социально наиболее простому пути преодоления кризиса было остановлено менее чем на полпути. Произошло это в соответствии с механизмом инверсионной логики раскола: активизация демократических сил возбудила противодействие правоцентристского блока и парализовала движение.

В конце 80-х годов произошли изменения в структуре демократических сил страны. Усилилась их ориентация на осуществление второй и третьей из приведенных выше возможностей: через то или иное утверждение отношений к капитализму или к смешанной экономике. Были разработаны и на достаточно высоком государственном уровне одобрены несколько программ соответствующего перехода. Но еще более активизировали противодействие правые силы, овладевшие центром. Вновь возникла патовая ситуация: ни одна из программ не стала руководством к действию.

Патологический кризис продолжался. Из первой, дестабилизационной стадии он к 1990 г. перешел во вторую, остроконфликтную стадию. Вся система ценностей в обществе стала напряжена и взрывоопасна. Демонстрации и забастовки приобрели массовый характер. С августа 1991 г. началась третья, разрешающая стадия кризиса, которая привела к катастрофе СССР как целостной системы.

Эта заключительная стадия началась с попытки сохранения данной системы путем "отката назад", к тоталитаризму, выразившейся в антиконституционном путче. Уже на третий день путч потерпел поражение, но вызванное им потрясение оказалось достаточным, чтобы столкнуть СССР к политической катастрофе. Лавинообразно нарастая, дезинтеграция страны завершилась в декабре 1991 г.: 15 бывших союзных республик самоутвердились на месте СССР в качестве суверенных государств.

Итак, патологический социокультурный кризис вошел в заключительную стадию, но ценой катастрофы той социальной системы, в недрах которой он возник. Конституировавшие себя суверенные государства - качественно иные, чем прежние советские республики, образования. Качественно иными будут и их взаимоотношения - не внутрисоюзными, а межгосударственными (двусторонние договоры, многостороннее Содружество и др.).

2. Конфликтующие ценности

Революция снизу, в которой захлебнулся путч, может стать началом новой эпохи для каждого народа, ранее входившего в СССР. Народы России, возрождающей свою государственную независимость, теперь сами могут определять дальнейшее свое развитие. Но между возможностью и действительностью - дистанция огромного размера. Высока вероятность того, что действительностью станут очередные социальные превращения, а не действия граждан ради собственных интересов. Поэтому глубинный выбор, перед которым находится Россия, отнюдь не является только политическим или только экономическим. Этот выбор имеет универсальный, социокультурный, общецивилизованный смысл: принимает ли Россия в качестве главного, определяющего - человеческое измерение своего развития, т.е. встанет на путь современной социальной реформации, или же она по-прежнему будет подчинять это измерение иным, безлично-институциональным параметрам?

То, каким окажется данный выбор на нынешнем этапе истории, зависит от многих факторов. Один из важнейших - структура ценностей населения, меняющихся в условиях социокультурного кризиса российского общества. Ценности - это фундаментальные нормы, позволяющие человеку осуществить выбор своего поведения в жизненно значимых ситуациях и составляющие одно из оснований целостности социальных систем. Каждая ценность имеет двуединое эмпирическое основание: в индивиде как самоценном субъекте и в обществе как социокультурной системе. Неоднозначны и выполняемые ими функции по отношению к индивиду и обществу. В кризисном социуме эта неоднозначность возрастает, что требует особой тщательности при изучении динамики его ценностей. Опыт такого исследования представляет собой проект "Наши ценности сегодня", реализованный во всероссийском масштабе в 1989-1991 гг.¹

¹Проект осуществлен соединенными усилиями Научного совета АН СССР "Диалектика развития социализма на современном этапе", Института социологии АН СССР, социологического факультета МГУ, Российского общества социологов.

Основной метод получения данных - формализованное интервью, 200 вопросов которого нацелены на комплексное и углубленное проникновение в тему по следующим ее разрезам: 1) субъекты и типы осуществляемой деятельности; 2) отчуждение человека; 3) общий кризис общества; 4) альтернативные ценности; 5) желания и ожидания населения. С 20 июня по 15 июля 1990 г. по репрезентативной для населения РСФСР выборке с добавлением "горячих точек" социальных напряженностей (три города, в которых массовые забастовки и митинги стали частыми) были получены личные интервью по месту жительства от 1418 респондентов. По большинству параметров массив опрошенных соответствует статистическим данным.

Участники исследования: Н.И.Лапин (руководитель), Н.И.Андреев, Л.А.Беляева, В.Ю.Бойко, Б.Г.Григорьев, Г.М.Денисовский, В.И.Добреньков, А.В.Захаров, А.Г.Здравомыслов, П.М. Козырева, В.В. Колбановский, А.О.Крыштановский, М.А.Макаревич, Н.Ф.Наумова, С.В.Туманов, В.А.Ядов. В полевых работах участвовала группа преподавателей и студентов-старшекурсников социологического факультета МГУ. Первые результаты опубликованы в сборнике "Ценности социальных групп и кризис общества". (Под ред. Лапина Н.И. Ценности социальных групп и кризис общества // М., 1991).

В соответствии со сказанным выше, в данном исследовании состав изучаемых ценностей формировался по двум основаниям: с одной стороны, совокупность ценностных суждений должна представить основные жизненные потребности индивидов - смысложизненные, витальные, интеракционистские, социализационные; с другой стороны, эта же совокупность должны выразить фундаментальное для кризисного общества деление ценностей на интегрирующие и дифференцирующие. В итоге были сформулированы 22 альтернативные пары ценностей (в каждой паре - одна интегрирующая и одна дифференцирующая ценность, обе в форме позитивных утверждений), представляющие 4 группы потребностей индивидов (см. приложение 1).

Данные исследования позволили эмпирически обосновать приведенный выше вывод о том, что именно в 1990 г. общий кризис страны перешел из первой, дестабилизационной стадии во вторую, остроконфликтную стадию. Оставляя в стороне аргументацию в пользу этого вывода, отметим лишь, что первая стадия идентифицирована нами с данными, полученными на основном, репрезентативном для всей России массиве респондентов ($n = 972$), а вторая стадия - с данными от "горячих точек" ($n = 445$). Для исследуемой темы особенно важно отметить, что уже на первой стадии общего кризиса наблюдался, как одно из его проявлений, кризис ценностей. Но он означал не разрушение ценностей как таковых, что и представляется обычному сознанию в виде кризиса ("все ценности разрушаются... до основания, а затем..."), а совсем иное - качественное обновление структуры ценностей: происходил переход от унитарно-идеологизированной к плюрально-человеческой структуре ценностей.

Это весьма сложный процесс, по-разному протекающий на различных уровнях структуры ценностей, в разных группах ценностей. Рассмотрим его на нескольких примерах, начиная с высшего, смысложизненного уровня ценностей, где зафиксирована высокая связь внутри многих альтернативных пар (Q выше 0,7 - см. приложение 2).

"Жизнь человека есть высшая ценность", - гласит первая аксиома гуманизма. Для россиян это не просто теоретический постулат, но насущная проблема, далекая от цивилизованного решения. У 46% опрошенных есть среди родственников убитые и раненные в различных войнах за годы советской власти, включая афганскую. Около 20% непосредственно затронуты репрессиями со стороны сталинского режима или другими преследованиями, в том числе насильственными переселениями, - были репрессированы они сами или их родственники. И сейчас 16% ощущают угрозу своей безопасности: незащищенность от преследований за политические убеждения (14,6%), по национальному признаку (11,7%), особенно много - от организованной преступности (54,7%).

Не удивительно, что свыше 60% респондентов основного массива выразили вполне определенное согласие с суждением "Жизнь человека - высшая ценность, только закон может посягнуть на нее". Правда, с более жестким, если можно так выразиться, ригористско-гуманистическим суждением "Никто не вправе лишать человека жизни, независимо ни от каких обстоятельств" согласны около 50% - это довольно много. Но следует учесть, что примерно треть из них согласилась и с противоположным суждением "Бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни", т.е. они не до конца сознают жесткость предыдущего суждения. В итоге, лишь немногим более 30% последовательно придерживаются ригористского гуманизма. Пожалуй, наиболее последовательны те, кто отрицает суждение "Бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни", - нет, не бывает таких обстоятельств, считают

26% респондентов. Их-то и можно считать ригористскими гуманистами.

Много ли оппонентов у исходного гуманистического постулата? Прежде всего, это те 20%, которые отвергают саму мысль о том, что никто не вправе лишать человека жизни. Как это никто? Во-первых, закон может посягать на жизнь человека (это разумный аргумент большинства - 62,2%). Во-вторых, бывают и другие обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни (43,6%), в том числе и такие, когда кто-либо сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека (24%). Вот эти "либеральные гуманисты" и составляют основной противовес "ригористским гуманистам". Тех и других оказывается примерно поровну - около четверти от обследованной совокупности. Кроме того, 20-23% респондентов заняли промежуточную, неопределенную позицию по проблеме ценности жизни.

Таким образом, налицо конфликт по, казалось бы, бесспорной гуманистической ценности. Исторический опыт у россиян общий, а позиции разные, конфликтующие или неопределенные. Так обстоит дело по основному массиву респондентов, репрезентующему Российскую Федерацию в целом. В ее горячих точках ценностный конфликт становится более напряженным: здесь "ригористы" составляют те же 26%, но "либералы" - уже 35%; в пользу того, что закон может посягать на жизнь человека, высказались 78% респондентов.

Иными словами, на уровне смысложизненных ценностей важнейшая из них представлена неоднозначно, что вряд ли может выполнять роль системообразующего элемента, который бы интегрировал всю систему ценностей в их отношении к индивидам и обществу. Более определенным предстает статус другой смысложизненной ценности - работы.

Респондентам была предъявлена такая пара суждений: "Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни" и "Сколько угодно можно заниматься любой работой, которая дает хороший заработок". Были основания допустить, что в условиях жесточайшего кризиса предпочтение может быть отдано заработку. Однако результаты оказались иными. С первым суждением определенно согласились около 65% респондентов, а со вторым - лишь 35%; против первого суждения высказались менее 7%, а против второго - около 24%. Еще более контрастная картина в горячих точках: соответственно, согласились 71% и 27%, а возразили - 7% и 35%. Коэффициент связи между предложенными суждениями в основном массиве - 0,73, в горячих точках - 0,84.

Содержательный труд сохраняет достаточно высокую ценность, а при обострении кризиса она даже повышается. Эта исконная ценность народа продолжает работать на интеграцию российского общества.

Обратимся к следующему, социализированному, уровню ценностей. Бросается в глаза слабая связь внутри всех альтернативных пар ценностных суждений этого уровня: в основном массиве Q всюду менее 0,3, в горячих точках лишь две пары имеют более высокое значение, но и оно менее 0,5 (см. приложение 2).

Возьмем такую пару: "Жить как все лучше, чем выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью" и "Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все". Данные по основному массиву респондентов демонстрируют равномерную "размазанность" оценок по 11-балльной шкале, а всплески в крайних точках и в центре шкалы тоже одинаковы и лишь подтверждают общую равномерность распределения. С тем и другим суждением согласны, не согласны и колеблются по 26-29% респондентов.

Соответственно, ничтожен и коэффициент Q (0,04).

Налицо парадокс: по своему ценностному содержанию суждения альтернативны, их формулировки не оставляют места для разночтения, респонденты же в данном случае как бы не замечают явных различий, а многие одновременно одобряют или отрицают взаимоисключающие суждения. Это можно объяснить развитием процесса десоциализации личности, исчезновением прежних социально значимых для нее ориентиров, утратой социальной идентичности индивидов. Рушится социализированный уровень бытия личности, происходит внутреннее ее опустошение. В этом состоит духовная драма многих индивидов на первой, дестабилизационной стадии кризиса.

На следующей, остроконфликтной, его стадии начинается ресоциализация - индивиды обретают новые социальные ориентиры. В горячих точках уже нет прежней равномерности оценок: определенно не согласны жить, как все, около 50%, а предпочитают быть индивидуальностью около 40%. Коэффициент Q здесь поднялся до 0,48.

Из приведенных данных трудно извлечь обобщающие заключения относительно функций социализационных ценностей в кризисном социуме. Одно из возможных заключений: на первой стадии кризиса эти ценности выполняют двойные функции - консолидируют солидарных с ними индивидов и одновременно отделяют этих индивидов от остальных, становятся оппозиционными общераспространенным ценностям; на второй стадии возрастает интегрирующая функция одних социализационных ценностей и ослабевает - других, в целом же усиливается консолидирующая их роль. Именно из числа социализационных образовалось ядро оппозиционных ценностей, противостоящих тоталитарной подчиненности, задавленности индивида: ценности инициативы, предприимчивости; индивидуальных критериев оценки своей жизни; права выбора страны проживания.

Третий, интеракционистский, уровень ценностей характеризуется тем, что все 5 их пар имеют тесную внутреннюю связь (в четырех парах Q более 0,85 и лишь в одной - 0,7). Максимальную альтернативность (Q = 0,98 в основном массиве и 0,95 в горячих точках) обнаружила следующая пара суждений: "В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была спокойная совесть и душевная гармония" и "В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была возможность оказывать влияние на других, была власть". С первым суждением определенно согласны около 75% респондентов основного массива и 79% в горячих точках, а не согласны - 4,4 и 6,5%. Со вторым суждением согласны, соответственно, 7,8 и 11,2 %, а не согласны - 49,7 и 56,8 %. Очевиден вердикт россиян: власть несовместима со спокойной совестью. Каждая из этих ценностей заключает в себе значительный консолидирующий потенциал: спокойная совесть - среди одобряемых ценностей, власть - среди отрицаемых.

Наконец, на четвертом, витальном уровне ценностей две пары обнаружили высокую внутреннюю связь, а две другие - ничтожную. В числе первых такая пара: "Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами" и "О своей безопасности человеку приходится заботиться самому, действуя в соответствии с собственным чувством справедливости". В пользу ценности закона, правового государства высказались 78 % респондентов основного массива и еще больше (86%) в горячих точках. Число возражающих в обоих массивах незначительно (менее 4%). Однако немалую поддержку (42 и 46 %) нашло и второе суждение - по сути оппозиционное бес-

сильному праву, особенно актуализирующееся в ситуациях обострения конфликтов, силовых противостояний социально-политических субъектов.

Приведенные данные характеризуют значительную дифференцированность ценностных позиций в российском обществе незадолго до краха СССР. Прежний идеологизированный унитаризм ценностей уступил место их естественному плюрализму. Последний в условиях кризиса принял конфликтную форму. Это подтверждается результатами, полученными с помощью факторного и структурно-корреляционного анализа.

Факторный анализ 44 переменных (ценностных суждений) позволил выявить примерно 10 наиболее значимых их сочетаний, которые удается идентифицировать как некоторые ценностные позиции. Эти 10-12 позиций (их состав в горячих точках несколько отличается от основного массива), в свою очередь, оказалось возможным интегрировать в 4 макропозиции. Первую из них можно назвать конформистской; она включает несколько разновидностей - патриотическая, эгалитаристская, агрессивная. Вторая позиция противоположна предыдущей - неконформистская; в ней различаются - самодостаточная и "хитрая". Третья позиция - предприимчивая; в ней выделяются такие разновидности: властолюбивая, социализированная, гуманная. Наконец, четвертая, наиболее распространенная позиция - гуманистическая, включающая такие оттенки гуманизма: повседневный, прагматичный, демократичный. По определению, первая и вторая макропозиции конфликтуют друг с другом. Третья имеет много точек пересечения со второй. В четвертой преобладает повседневный гуманизм. Эта структура факторов характерна прежде всего для основного массива, но ей изоморфна и структура факторов в горячих точках.

Сходные результаты дает другой метод - анализ структуры корреляций внутри одобряемых суждений и, отдельно, внутри отрицаемых. Этот структурно-корреляционный анализ показал, что в основном массиве респондентов 32 одобряемые ценности образуют три макропозиции (МП). МП-1 мы идентифицировали как потребительский конформизм; ключевыми для него являются взятые из ценностных суждений (см. приложение 1) слова "жить как все", "таким меня сделали обстоятельства". МП-2 мы идентифицировали как предприимчивый конформизм, ключевым для которого являются слова "предприимчивость", "я сам сделал себя", "жить по своим критериям". МП-3 мы охарактеризовали как повседневный гуманизм; эта позиция вбирает в себя более половины одобряемых суждений, представленных такими ключевыми словами, как "спокойная совесть", "хорошие отношения", "забота о детях и стариках" и другие.

Все три макропозиции взаимодействуют друг с другом. Первая частично пересекается со второй, а вторая - с третьей. При этом повседневный гуманизм явно преобладает: и по числу включаемых ценностей, и по тесноте связей между ними. Это совокупность общечеловеческих ценностей, имеющих смыслоразножизненный характер и сохраняющих интегрирующую функцию в условиях кризиса.

В конфликтующих макропозициях потребительского конформизма и предприимчивого неконформизма роль системообразующих выполняют социализационные ценности. В соответствии с высказанным выше предположением эти ценности осуществляют на дестабилизационной стадии кризиса, когда разворачивается процесс десоциализации, двойственную функцию: консолидируют индивидов и одновременно обособляют их в противостоящие группы. На конфликтной же стадии, когда начинается ресоциализация индивидов, наблю-

дается существенное ослабление взаимосвязей между одобряемыми ценностями, вследствие чего изменяется вся их структура. Ломаются границы между макропозициями, которые взаимопроникают друг в друга. Между ключевыми их элементами, подчас противоположными по значению, неожиданно устанавливаются тесные положительные связи.

Так, значимой величины достигает коэффициент Пирсона ($c=0.63$) между одобряемыми частями альтернативной пары суждений, в которых ключевые слова "я сам сделал себя" и "меня сделали обстоятельства жизни". В целом альтернативность этих суждений, выражающих социализационные ценности, незначительна (в горячих точках $Q = 0,13$). Невысока связь между одобряемыми их частями в основном массиве. А в горячих точках эта связь оказалась значительной. По-видимому, в конфликтной ситуации у индивида, наряду с прежними представлениями о себе, возникают новые, противоположные и тоже одобряемые им. Поэтому, когда ему предъявляют каждое суждение по отдельности, он согласен и с одним, и с другим.

В горячих точках элементы повседневного гуманизма оказываются как бы вдавленными в макропозиции потребительского конформизма и предпринимчивого нонконформизма. В результате все макропозиции получают новое содержание и новые конфигурации. Конформизм приобретает оттенок гуманистичности, а нонконформизм трансформируется в позицию, которую можно назвать *"самоопределяемый демократизм"* (она включает противоречивый набор суждений с ключевыми словами "самому заботиться о своей безопасности", "спокойная совесть", "жить по своим критериям", "равноправный диалог" и др.). От собственно повседневного гуманизма в качестве автономного, не инкорпорированного в другие позиции, остается фрагмент "хорошие отношения" - "забота о детях и стариках".

Коротко об отрицаемых ценностях. В основном массиве Их олицетворяют 12 суждений, в горячих точках - 13. В первом случае мы определили макропозицию как *властолюбивый эгоизм*, для которого характерны суждения, включающие слова "власть", "быть индивидуальностью", "Благополучие важнее свободы", "Борьба до победы". Связи между этими суждениями, как правило, невысокие ($c > 0,4 < 0,5$), но, напоминая, вся их совокупность отрицается.

В горячих точках, напротив связи между отрицаемыми суждениями выше, чем между одобряемыми (в половине случаев $c > 0,5$). В конфликтной ситуации эти связи как бы проявляются в сознании индивидов и образуют довольно четкую структуру, которую можно охарактеризовать как *властолюбивый эгалитаризм*. Ключевыми для этой отвергаемой макропозиции служат слова "власть", "равенство доходов", "сосязательность", "жить как все" и др. Любопытна связка "власть - равенство доходов": она явно указывает на то, что идея уравнительности доходов исходит не вообще от населения, а от властолюбия и вместе с ним отвергается.

Когда мы говорим об одобряемых или отрицаемых ценностях, то имеем в виду, что с соответствующими суждениями согласны больше респондентов, чем не согласны, или наоборот. Следовательно, это - одобрение или отрицание относительным большинством (разумеется, оно может быть и абсолютным). В среднем по 44 ценностным суждениям согласие 46 % респондентов основного массива, несогласие - 22%, а 27% заняли промежуточную позицию (еще 5 % не дали ответа). Возникает вопрос: что представляют собой ценностные суждения, по поводу которых относительное большинство респондентов заняло промежуточную позицию ("воздержались" больше, чем "за" или "против", каждое в

отдельности)?

В основном массиве таких суждений 14, из них 6 "маргинальны" более, чем на 30% (среди них как одобряемые, так и отрицаемые). Более маргинальны, чем одобряемы, суждения с такими ключевыми словами, как "соотносить свою жизнь с жизнью поколения", "равенство возможностей", "жить как все", "добиваться признания, успеха". Из отрицаемых высокую маргинальность обнаруживают суждения со словами "бороться до победы", "равенство доходов".

В горячих точках значительно ниже доля промежуточных позиций. И это естественно: с переходом кризиса в остроконфликтную стадию происходит прояснение сознания населения, более четкая дифференциация его позиций. Здесь уже не 14, а лишь 6 "маргинальных" суждений (все из числа 14, зафиксированных в основном массиве). Половина из них - одобряемые, другая половина - отрицаемые. К одобряемым относятся суждения с ключевыми словами: "любая работа ради хорошего заработка", "добиваться признания, успеха", "соотносить свою жизнь с поколением". Более маргинальны, чем отрицаемы, суждения со словами: "главное - здоровье и благополучие", "добиваться максимального комфорта", "быть яркой индивидуальностью".

Наличие значительного числа "маргинальных" суждений характерно для общества, в котором велик слой людей, оказавшихся в маргинальной социальной позиции. На третьей, разрешающей, стадии кризиса, после катастрофы СССР, этот слой столь разросся, что стал едва ли не основным. Но можно сказать, что "маргинальные" суждения выражают ценности социальных маргиналов? Пока ответить на этот вопрос трудно, нужны дополнительные исследования.

Есть и другой, может быть, самый важный и самый трудный вопрос: как возможен ценностный консенсус в кризисном социуме, пронизанном конфликтующими ценностями?

3. Ценностный консенсус и смешанная экономика

Ценностный консенсус - сложный духовный феномен. Он включает совокупность ценностей, вербальное выражение которых как целого получает одобрение преобладающего большинства членов данного общества или не вызывает возражений у большинства других его членов, даже если они не вполне согласны с некоторыми элементами целого. В его состав входят, как правило, интегрирующие ценности, уже получившие широкое распространение в данном обществе. Вместе с тем, в нем должны быть представлены и менее распространенные в настоящее время ценности, в том числе оппозиционные, если они весьма значимы для меньшинства, не встречают возражений большинства и имеют тенденцию к повышению своего влияния в обществе, в том числе при обострении конфликтов. Последнее особенно важно: реальность ценностного консенсуса в полной мере обнаруживается не в стабильных, а в конфликтных ситуациях.

Ценностный консенсус нельзя декретировать. Его можно и нужно терпеливо выращивать, памятуя, что оппозиционные, даже конфликтные, ценности совместимы, если они могут быть позитивно соотнесены с общепринятыми в данном обществе ценностями, а социальные субъекты имеют желание, готовы к уступкам, компромиссам.

Исходную предпосылку возможности ценностного консенсуса в российском обществе, совместимости противостоящих ценностных позиций россиян

составляет совокупность наиболее распространенных, общепринятых ценностей, идентифицированных выше как повседневный гуманизм. Из 19 суждений, образующих эту макропозицию, 5 относятся к общепринятым (их распространенность выше 70 %), 12 - к доминирующим (распространенность от 50 до 70%), 2 - к оппозиционным (30-50 %). Все общепринятые и доминирующие суждения, выявленные в исследовании "Наши ценности сегодня", входят в данную макропозицию. Значит, есть почва для прорастания ценностного консенсуса россиян!

В табл.2 представлены 7 суждений, качественные и количественные характеристики которых, полученные в нашем исследовании, позволяют отнести их к *потенциалу ценностного консенсуса*. Из них 6 суждений выражают интегративные ценности, а одно (№38) - ценность, которая обнаруживает свою способность стать интегрирующей по мере реформации российского общества. Эта небольшая совокупность суждений представляет все 4 группы ценностей (от витальных до смысложизненных) и две из трех одобряемых макропозиций - повседневный гуманизм и предпринимательской нонконформизм, а суждения третьей макропозиции (потребительский конформизм) не вписываются в функции консенсуса, что таит в себе коварную опасность. Два суждения выражают оппозиционные ценности (№ 33 и 38, их распространенность - 30-50%).

Таблица 2

№	Ключевые слова	Группы ценностей	Одобряют		Колеблются		Отрицают	
			ОМ	ГТ	ОМ	ГТ	ОМ	ГТ
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Ценность жизни, закон может посягнуть	Смысло-жизненная	60,2	78,2	18,9	9,4	14,3	11,3
11	Без свободы Жизнь теряет смысл	Смысло-жизненная	58,8	78,9	28,0	12,4	21,3	6,3
13	Интересная работа	Смысло-жизненная	64,3	71,0	23,5	20,4	6,7	6,9
19	Безопасность человека обеспечивает закон	Витальная	77,9	86,4	13,3	9,0	3,9	2,3
31	Равноправный диалог	Интерак-ционист-ская	57,8	74,1	26,3	15,7	6,0	7,9

Продолжение табл.2

1	2	3	4	5	6	7	8	9
33	Равенство возможностей	Интеракционистская	37,0	57,6	43,4	26,5	12,5	13,9
38	Предприимчивость	Социализационная	41,2	56,8	30,4	29,9	11,1	11,4

Обозначения:

№ - номера ценностных суждений, соответствующие их списку в приложении 1

"Ключевые слова" - из соответствующих ценностных суждений

"Группы ценностей" - которым соответствуют суждения согласно списку в приложении 1

ОМ - основной массив респондентов

ГТ - массив респондентов в "горячих точках"

Четыре из семи представленных суждений выражают ценности, которые уже на первой стадии кризиса имели доминирующее влияние (в основном массиве их одобрили 50-70% респондентов), а одна (№19) - общепринятое (одобрили свыше 70% респондентов). С переходом ко второй стадии кризиса возросло влияние всех ценностей, представленных в табл.2. В горячих точках оппозиционные ценности стали доминирующими, а все доминирующие - общепринятыми (распространенность суждений №1,11, 13, 31 стала выше 70%). Соответственно в большинстве случаев снизилась доля респондентов, отрицающих рассматриваемые ценности. По всем позициям резко снизилась доля "маргинальных" оценок. Все это говорит о росте консенсусного потенциала ценностей, представленных данной совокупностью суждений.

Конечно, потенциал ценностного консенсуса в российском обществе не исчерпывается этой совокупностью. Исследования данной проблемы только начались, желательно развернуть их в своего рода мониторинг.

Но решение проблемы выращивания ценностного консенсуса зависит прежде всего не от исследований, а от практических действий основных социальных субъектов. Особенно от действий по созданию условий для утверждения современной рыночной экономики. Чего хотят и к чему готовы массовые субъекты в соответствии со своими ценностями?

Наше исследование показало, что уже летом 1990 г. около 50% россиян высказались за рыночную экономику, когда оплата труда определяется спросом и предложением рабочей силы, и за такую форму собственности, при которой на прилавках магазинов много товаров высокого качества, хотя не все имеют возможность купить их из-за высоких цен (при этом рост цен беспокоит почти всех). Против и затруднились ответить примерно 25 %.

Тогда же свыше 40% респондентов высказались за передачу предприятий легкой промышленности и сельского хозяйства в частные руки. Но 35% - за сохранение этих отраслей в собственности государства. Последующие опросы показали, что доля поддерживающих приватизацию возросла до 55-65%, но и ее противники сохраняют весомые позиции - около трети населения.

На каких типах предприятий предпочитали работать опрошиваемые? 32% желали иметь работу на акционерных, арендных и иных негосударствен-

ных предприятиях в качестве основной, а еще 25% - в качестве дополнительной. Кроме того, 25% желали вести фермерское и приусадебное хозяйство, заниматься индивидуальной трудовой деятельностью - как основной работой, а еще 45% - заниматься этим как дополнительной работой. С ростом образования и квалификации людей повышается их желание работать в рыночной экономике. Однако около 48 % россиян предпочитали, как и прежде, иметь основную работу на государственных предприятиях.

Итак, около половины россиян были заинтересованы трудиться в госсекторе, треть - на частных предприятиях, пятая часть - на семейных фермах или заниматься индивидуальным трудом. Две трети хотят иметь еще и дополнительные источники заработка. Чтобы удовлетворить естественное разнообразие интересов и вовлечь максимум самодеятельного населения в производительный труд, необходимо соответствующее разнообразие социально-экономических условий труда. Прежнее засилье государственных предприятий должно смениться не какой-то новой однотипностью (например, только частный сектор), а многообразием типов предприятий по их форме собственности. Каждый человек должен иметь возможность выбрать работу в соответствии не только со своей профессией, квалификацией, а желаемым размером оплаты, но и его социальными ориентациями. Как минимум, должны быть представлены такие типы: частные, государственные, муниципальные, кооперативные, смешанные. При этом решающее значение имеет соотношение частных и государственных предприятий: каждый из этих секторов экономики должен быть значим, но ни один не может быть доминирующим. Соотношение между ними должно поддерживаться в определенных границах с помощью налоговой политики и иных экономических регуляторов. Такую структуру народного хозяйства называют многосекторной, многоукладной, *смешанной экономикой*.

Пока нет достаточной ясности, в каком направлении хотят вести дело приватизации российские власти. Наше исследование убеждает, что утверждение смешанной экономики было бы эффективным и экономически, и социально. Социально - потому, что это соответствовало бы ожиданиям и ценностным ориентациям большинства граждан Российской Федерации. Практические действия "верхов" в этом направлении способствовали бы становлению ценностного консенсуса, так нужного России, русскому и другим ее народам, на переломном этапе их истории. Становление смешанной экономики может идти рука об руку с *социальной реформацией* в современной России.

Список альтернативных ценностных суждений¹

Интегрирующие	Дифференцирующие
1	2
1. Смысложизненные ценности	
1. Жизнь человека - высшая ценность, только закон может посягнуть на нее	2. Бывают обстоятельства, когда человек сам, по своей воле может посягнуть на жизнь другого человека
3. Самое ценное на свете - это человеческая жизнь и никто не вправе лишать человека жизни (независимо ни от каких обстоятельств)	4. Человеческая жизнь - самое ценное, что есть на свете, но бывают обстоятельства, когда человека приходится лишать жизни
5. Человеку свойственно разное, но все-таки по своей природе он добр	6. Природа человека такова, что зло в нем неискоренимо и в конце концов оно в нем преобладает
7. К правде нужно стремиться всегда, независимо от обстоятельств	8. Не всегда нужно стремиться к правде, иногда нужна ложь во спасение
9. В любых условиях красота делает человека лучше и чище	10. Бывают такие условия, что никакая красота не может сделать человека лучше и чище
11. Свобода человека - то, без чего его жизнь теряет смысл	12. Нужно благополучие, а свобода - это второй вопрос для человека
13. Только содержательная, интересная работа заслуживает того, чтобы заниматься ею значительную часть своей жизни	14. Сколько угодно можно заниматься любой работой, которая дает хороший заработок
15. Смысл жизни человека не в том, чтобы улучшить свою собственную жизнь, а в том, чтобы обеспечить достойное продолжение своего рода	16. Смысл жизни человека в том, чтобы сделать свою собственную жизнь как можно лучше, и совсем не обязательно оставлять потомков
<p>¹ Эта совокупность ценностных суждений была предъявлена респондентам не систематизировано как в данном списке, а в случайной последовательности, способствовавшей восприятию каждого суждения как автономного.</p>	

2. Витальные ценности	
17. Главное в жизни - забота о своем здоровье и благополучии	18. Главное в жизни - найти и выразить себя, даже в ущерб своему здоровью и благополучию
19. Личная безопасность человека должна обеспечиваться законом и правоохранительными органами	20. О своей безопасности человеку приходится заботиться самому, действуя в соответствии с собственным чувством справедливости
21. Люди и государство должны больше всего заботиться о детях	22. Люди и государство должны заботиться о стариках не меньше, чем о детях
23. Нравственный, совестливый человек должен помогать бедным и слабым, даже если ему приходится жертвовать своим комфортом и отрывать что-то от себя	24. Человек должен стремиться жить лучше и добиваться максимального комфорта для себя и своей семьи, а другие пусть о себе заботятся сами
3. Интеракционистские ценности	
25. В жизни максимальное внимание нужно уделять тому, чтобы установить хорошие семейные и дружеские взаимоотношения	26. В жизни максимальное внимание нужно уделять тому, чтобы добиваться общественного признания и успеха
27. В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была спокойная совесть и душевная гармония	28. В своей жизни человек должен стремиться к тому, чтобы у него в первую очередь была возможность оказывать влияние на других, была власть
29. Взаимопомощь и поддержка в труде важнее трудовой состязательности и борьбы способностей	30. Трудовая состязательность, борьба способностей важнее взаимопомощи и поддержки в труде
31. В нашей жизни очень важно быть готовым к равноправному диалогу с теми, кто придерживается иных политических взглядов, ориентаций	32. В нашей жизни очень важно бороться до победы над политическими оппонентами, соперниками
33. Равенство возможностей для проявления способностей каждого важнее, чем равенство положения, доходов и условий жизни	34. Равенство положения, доходов, условий жизни важнее, чем равенство возможностей для проявления способностей
4. Социализационные ценности	
35. Жить, как все лучше, чем выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью	36. Выделяться среди других и быть яркой индивидуальностью лучше, чем жить как все
37. Главное - это уважение к сложившимся традициям, обычаям, следование привычному, принятому большинством	38. Главное - это инициатива, предприимчивость, поиск нового в работе и жизни, готовность к риску оказаться в меньшинстве

39. Для человека прежде всего важно соотношение своей личной жизни с жизнью своего поколения и его местом в истории страны	40. Для человека прежде всего важна оценка своей личной жизни по своим собственным, индивидуальным критериям
41. Родина у человека одна, и нехорошо покидать ее по своему усмотрению	42. Человек волен жить в той стране, где ему больше нравится
43. Я стал таким, какой я есть, главным образом, благодаря самому себе ("сам сделал себя")	44. Таким, какой я есть, меня сделали обстоятельства жизни

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Значимость ценностей

№	Основной массив (n = 973)				Горячие точки (n = 445)			
	% согл.	Распр.	Одобр.	Q	% согл.	Распр.	Одобр.	Q
1	2	3	4	5	6	7	8	9

1. Смысло-жизненные ценности

1	60,2	2	1	0,78	78,2	1	1	0,77
2	24,0	4	2		35,5	3	2	
3	49,6	3	1	0,16	58,2	2	1	0,33
4	43,6	3	1		51,2	2	1	
5	58,8	2	1	0,90	67,9	2	1	0,94
6	16,8	4	2		12,6	4	2	
7	58,9	2	1	0,70	65,4	2	1	0,70
8	30,3	3	1		39,1	3	1	
9	53,5	2	1	0,33	58,7	2	1	0,40
10	43,0	3	1		48,8	3	1	
11	58,8	2		0,89	78,9	1	1	0,93
12	18,5	4	2		18,6	4	2	
13	64,3	2	1	0,73	71,0	1	1	0,84
14	35,4	3	1		27,2	4	2	
15	52,7	2	1	0,97	53,5	2	1	0,93
16	7,7	4	2		11,5	4	2	

2. Витальные ценности

17	25,3	4	2	-0,05	31,1	3	2	0,13
18	27,7	4	2		30,1	3	2	
19	77,9	1	1	0,77	86,4	1	1	0,97
20	42,4	3	1		46,5	3	1	
21	76,7	1	1	-0,15	82,4	1	1	0,19
22	78,2	1	1		85,1	1	1	
23	59,4	2	1	0,82	58,5	2	1	0,66
24	24,1	4	2		31,0	3	1	

3.Интеракционистские ценности								
25	75,4	1	1	0,89	72,4	1	1	0,86
25	75,4	1	1	0,89	72,4	1	1	0,86
26	27,1	4	1		25,8	4	2	
27	74,5	1	1	0,98	79,2	1	1	0,95
28	7,8	4	2		11,2	4	2	
29	54,8	2	1	0,90	62,2	2	1	0,92
30	13,6	4	2		14,7	4	2	
31	57,8	2	1	0,85	74,1	1	1	0,85
32	22,6	4	2		28,3	4	2	
33	37,0	3	1	0,76	57,6	2	1	0,70
34	14,5	4	2		14,7	4	2	
4.Социализационные ценности								
35	28,8	4	1	0,04	21,8	4	2	0,48
36	27,1	4	2		36,5	3	1	
37	44,7	3	1	0,01	43,4	3	1	0,10
38	41,2	3	1		56,8	2	1	
39	33,9	3	1	-0,26	43,3	3	1	0,20
40	44,9	3	1		61,6	2	1	
41	57,9	2	1	0,29	46,4	3	1	0,50
42	50,6	2	1		66,1	2	1	
43	38,6	3	1	0,03	41,7	3	1	0,13
44	41,4	3	1		47,5	3	1	

Итого...	1=5	1=32	1=9	1=31
	2=12	2=12	2=12	2=13
	3=13		3=13	
	4=14		4=10	

Обозначения:

№ - номера ценностных суждений, соответствующие их списку в приложении 1;

% согл. - процент респондентов, определенно выразивших согласие с данным суждением (три крайних позиции по 11-балльной шкале);

Распр. - ранг распространенности согласия с данным суждением в обследуемой совокупности:

1 - общепринятое суждение (согласны свыше 70% респондентов);

2 - доминирующее суждение (согласны 51-70% респондентов);

3 - оппозиционное суждение (согласны 30-50% респондентов);

4 - суждение меньшинства (согласны менее 30% респондентов);

Одобр. - ранг одобрения данного суждения в обследуемой совокупности:

1 - одобряемое суждение ("за" больше, чем "против");

2 - отрицаемое суждение ("против" больше, чем "за");

Q - коэффициент интенсивности связи между числом одобряющих и отрицающих альтернативные суждения внутри каждой их пары (таблица 2x2).

3.4. СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ПОД ИЕРОГЛИФОМ "ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО"

Все время идет игра в слова, двусторонняя: люди играют словами - слова играют людьми. Кто кого переиграет, кто кого обманет. Обычно обманывают слова. Обманывают людей.

Что такое, например, "предвидение будущего"? Все человечество, как один человек, - за исключением нескольких сотен специалистов по теории и методологии исследований будущего - понимает под этим словосочетанием предсказание: что произойдет? Все подряд - президенты и министры, безграмотная торговка и очень грамотный доктор наук. Схваченные за горло этим вопросом, разработчики прогнозов вот уже которое десятилетие тщетно пытаются ответить на него. И постоянно сажаются в лужу.

Меж тем написаны сотни книг и тысячи статей, в которых досконально разъяснено, что предвидеть (в смысле - предсказывать) будущее - такая же невозможная вещь, как физическое бессмертие всего, что рождается. Вряд ли стоит повторять здесь аргументы "почему невозможно" в тысячу первый раз. Попробуйте вообразить свою жизнь, когда вам точно предсказали, что именно произойдет с вами завтра, через месяц, через год и так далее до момента смерти. И попробуйте вообразить человеческое общество, состоящее из бессмертных особей. Если у вас вроде бы логично сойдутся концы с концами - самое время обратиться к психиатру. Пока не поздно.

Но ведь очень хочется знать, что *будет*. И очень не хочется умирать. Правда? Поэтому предсказателям никогда не грозит безработица. Равно как и торговцам "эликсирами бессмертия".

А что такое иероглифы типа "социализм", "капитализм", "гражданское общество" и т.д. без конца? Швеция с ее системой социальных гарантий, более развитых и эффективных, чем в любой стране бывшей "мировой социалистической системы" - это капитализм? Израиль с его киббуцами? Саддамовский Ирак или муамаровская Ливия, где с коммунистами расправляются так же свирепо, как в гитлеровской Германии или в стресснеровском Парагвае? Полпотовская Кампучия или хайлемариамовская Эфиопия - это социализм? Сталинская Российская империя, переименованная в "СССР"? Маодзэдуновская Китайская империя, переименованная в "КНР"? Чаушесковская Румыния? Энверходжевская Албания? И где вы видели "гражданское общество"? В ЮАР? В США? В Турции? В Колумбии? В Швейцарии? В ГДР или ФРГ? Поговорите в любой из этих стран с любым человеком, чей кругозор хоть немного выходит за пределы собственной кухни, - и вы услышите если не ругань и проклятия, то уж, наверняка, суровую критику в адрес бюрократичности своего правительства и недостаточной гражданственности собственного общества.

Так как же жить? Что же делать?

В одном из коллективных трудов Института социологии Академии наук СССР (Социальные показатели образа жизни советского общества. М., Наука. 1980), после долгих скандалов с редакторами, в великий и могучий русский язык были дополнительно введены два новых слова: "индикация" и "индицирование". Первое означает представление любого из иероглифов типа перечисленных выше в виде системы показателей, раскрывающих его действительное содержание. А второе - процесс разработки такого рода показателей.

При таком подходе все становится на свои места. Проясняется принципиальное различие между "социализмами": социалистического интернационала

и "мировой социалистической системы", национал-социализмом и "развитым (реальным) социализмом", социализмом казарменным и "нэповским" и т.д. Точно так же, как между "капитализмами", скажем, шведским и парагвайским, юаровским и израильским и т.д.

Что же касается "гражданского общества", то оно представляется как своего рода общественный идеал, на пути к которому находятся все без исключения страны мира: одни - ближе к нему, другие дальше от него, одни продвигаются скорее, другие медленнее, третьи временами откатываются назад. И раскрывается этот общественный идеал в виде системы конкретных показателей развития экономики, социальных отношений культуры, политики, где фигурирует наработанный столетиями экономический инструментарий (рынок труда и его продукции, реальные деньги как инструмент стимулирования, социальные гарантии для слоев населения, неспособных выжить в условиях рынка и т.д.), представлена партийная система, формирующая законодательную, исполнительную и судебную власть, реально проявляют себя право, закон, установления, определяющие конкретные права и обязанности каждого гражданина.

Ничего подобного и в помине нет в так называемых странах победившего, реального и развитого социализма, включая и нашу собственную, родную. Точнее, как раз "в помине" все и есть. Но только "в помине" и не более того. В помине есть вроде бы и деньги-кредиты-банки, зарплата-пенсии-пособия, парламенты-исполкомы-суды, партии-президенты-министры. И многое другое. А главное - самая демократическая в мире конституция, по сравнению с которой американская - сплошной авторитаризм. Но ведь мы-то знаем, что все это - только "в помине", к реальной жизни никакого отношения не имеющее.

Реальная жизнь - это реализованная утопия казарменного социализма для целой трети человечества, от Гаваны до Пхеньяна. Это - фактически принудительный и потому неэффективный труд. Формально и фактически принудительная идеология, способная держаться только террором. Извращенные человеческие отношения, основанные на личной внеэкономической зависимости от "вышестоящего", как и в любой казарме. Эксплуатация, гнет, унижение человека такие, каких не слыхано ни ранее, ни за пределами пресловутого "соцлагеря". Система абсолютно нежизнеспособная, хромающая от кризиса к кризису, пробавляющаяся, как нищенка, лишь подачками. Но поразительно живучая, потому что создает уйму престижных синекур, за которые цепко держится уйма людей, поклонников принципа "где бы ни работать - лишь бы не работать", позволяет регулярно получать зарплату независимо от эффективности предприятия (вплоть до нулевой) и работоспособности работника (тоже вплоть до нулевой). Такие порядки привлекали и сегодня привлекают массу людей, опираясь на которых, правящая бюрократия оказывается поистине всесильной.

Так и шло вот уже сколько десятилетий: надвигается кризис, начинается очередная "перестройка", правящая бюрократия восстает против реформ, неизменно берет верх при большем или меньшем безразличии политически пассивных масс - психопатизованных, дезинтеллектуализованных и деморализованных, все возвращается на круги своя, снова на горизонте кризис, снова суета с очередной "перестройкой" и т.д., казалось бы, без конца.

Впрочем, свет в конце тоннеля вроде бы показался. Последняя "перестройка" 1985-1990 гг., в отличие от своих предшественниц 1956-1964 и 1966-1971 гг., резко ослабила всецелие соцбюрократии и привела к распаду "соцлагеря" и даже его ядра - Советского Союза. Одна за другой "страны победивше-

го социализма" спасались от своей "победы", прощались с социализмом. Несколькими в стороне стоит гигантский Китай, где расставание с социализмом происходит наиболее замысловато и мучительно. Но все же происходит, ибо начавшийся процесс в принципе необратим.

Из сказанного проистекают три вывода. Во-первых, ныне вряд ли возможны какие-то "сценарии будущего", одинаковые для всех. Во-вторых, при всем том, у стран так и не победившего социализма так много общего между собой, набранная ими инерция исторического процесса настолько сильна, что нетрудно вычленивать нечто однотипное и сейчас, и в перспективе. Наконец, в-третьих, как мы постараемся показать ниже, существуют проблемы, почти одинаково актуальные как для бывшего СССР, так и для США, для Пакистана, как и для Узбекистана. Вот на этой стороне дела мы и сосредоточим внимание.

Итак, какое будущее ожидает человечество (за рамками неизбежных, оговоренных выше различий) и как это будущее может быть соотнесено с понятием "гражданского общества"?

1

Прежде всего выведем за рамки изложения сценарии, исключая "гражданское общество" или дорогу к нему. Не потому, что они нереальны - напротив, в современном мире гораздо больше, если можно так сказать, "негражданских" обществ (особенно в странах так называемого "Третьего мира"), нежели "гражданских". И всегда возможен откат назад, к "негражданскому", тех, кто ступил на путь, ведущий к "гражданскому". Мы хотим сказать лишь, что в XXI веке "гражданское общество", как постараемся показать ниже, окажется еще менее жизнеспособным, чем в XX. А откат к нему потребует еще более значительных людских и материальных жертв. И лишь продлит агонию, вновь и вновь ставя на повестку дня вопрос об очередной "перестройке".

Оговоримся также, что основные атрибуты "гражданского общества" - от нормальной (рыночной) экономики до эффективной партийной системы, включающей "однопартийных" монстров, нормального разделения властей, затрудняющего злоупотребление властью, верховенства законов, затрудняющих произвол - вовсе не являются самоценностью. Как уже говорилось, это скорее - экономический, социальный, культурный, политический инструментальный, способствующий полноценному функционированию и развитию "гражданского общества". Да и последнее, строго говоря, тоже не самоцель, а условие оптимального функционирования и развития общества вообще и составляющих его личностей, каждой в особенности.

С такими оговорками попытаемся представить себе, что может произойти, если в обозримом будущем полностью или почти полностью сохранятся наблюдаемые ныне тенденции развития человечества. Это и явится нашим "сценарием будущего" № 1.

Чтобы человечество в грядущем столетии развивалось так же, как и в истекающем, необходимо, как известно, каждые пять-десять лет удваивать производство и потребление энергии. В наиболее развитых странах мира энергоемкость производства неуклонно снижается. Но само производство растет. А главное, на большую дорогу научно-технического прогресса выходят страны "Третьего мира", население которых составляет ныне три четверти мирового, а через столетие будет составлять по меньшей мере девять десятых. Там тоже не хотят больше жить в хижинах и ездить на волах, переселяются в современ-

ные дома и пересаживаются в автомашины. Так что потребности в энергии будут нарастать и нарастать.

Чем их удовлетворять?

Если, как сегодня, нефтью, газом и углем, то, даже если горючего хватит надолго (подсчитано, что если всем жить, как в США, то хватит всего на несколько лет), - все равно загрязнение воздушной, водной и почвенной среды станет необратимым и заставит свернуть энергоустановки под страхом массовой гибели людей. И не когда-нибудь, а через считанные десятилетия.

Если перенести упор на атомную энергетику, то встает во весь рост гигантский призрак Чернобыля. Чем больше атомных реакторов, тем больше вероятность аварии, диверсии, не говоря уже о военных действиях: кинул самую маленькую бомбу - и получил в ответ "ярче тысячи солнц", эквивалентное 300-350 хиросимных атомных. И это не говоря уже о трудноразрешимой проблеме хранения отходов атомного топлива.

Если уповать на чудо в виде овладения, наконец, секретом управления термоядерной реакцией, то остается проблема теплового загрязнения окружающей природной среды. С неизбежным следствием - подъем уровня Мирового океана. На 8 метров, когда растают льды Арктики. И еще более чем на 50 метров, когда растают ледники Антарктики. Готовы ли мы жить в мире, где суша будет, как и сотни миллионов лет назад, занимать не треть, а меньше одной десятой земной поверхности?

И если не готовы, то остается уповать лишь на "чистые" источники энергии: Солнце и его производные - ветер и воду. Но они в совокупности дают и будут давать лишь несколько процентов мирового энергобаланса. Образно говоря, вам предлагают прожить на несколько рублей в месяц вместо привычной (правда, теперь это уже в прошлом) сотни. В принципе это возможно. Но для этого необходимо кардинально изменить образ жизни людей. Если же оставить все как есть, то человечеству не пережить XXI века, даже первой половины грядущего столетия - энергетика "не пустит".

Самостоятельное значение имеет упоминавшееся уже выше состояние окружающей природной среды. Разрушение земной флоры и фауны (частицей которой является сам человек) пошло на протяжении второй половины истекающего столетия такими масштабами и темпами, что продолжить эту прискорбную картину на перспективу за пределами двух-трех ближайших десятилетий попросту не представляется возможным. Дальше начинаются чудовищные эпидемии и неизбежная гибель большей части из той дюжины миллиардов людей, которые собираются населять нашу планету столетие спустя. Только по этой одной, отдельно взятой, причине, не говоря уже о многих других.

К этому добавляется столь же катастрофическое нарушение мирового демографического баланса. В странах "Третьего мира", где все еще по инерции сохраняется массовая многодетная семья, а детская смертность резко снизилась, каждые два родителя в среднем дают жизнь четверем будущим родителям. Иными словами, происходит удвоение населения каждые 20-30 лет. Сами подумайте, мыслимо ли такое не то, что бесконечно, но вообще долее еще одного, максимум двух удвоений. Тем более, что и при существующих миллиардах треть населения в этих странах не получает полноценного питания, сотни миллионов жестоко голодают, половина не имеет никакого медицинского обслуживания, не имеет даже доступа к источникам чистой питьевой воды, т.е. обречена на массовые эпидемии. Представить все это удвоенным и утроенным можно только в новом "Апокалипсисе".

С другой стороны, в странах "Первого мира" и исчезающего на глазах "Второго мира" ("развитые соцстраны") наметилась прямо противоположная тенденция: депопуляция, выморочность. Там каждые два родителя в среднем дают жизнь только одному будущему родителю. Демографические расчеты показывают, что при таком положении численность населения должна уменьшаться наполовину каждые 50-60 лет. Сейчас эта тенденция "затушевывается" ростом продолжительности жизни: многочисленная прежде детвора "заменяется" столь же многочисленными ныне пенсионерами. К тому же нарастает поток иммигрантов из стран "Третьего мира". Но в принципе, для собственно аборигенов развитых стран мира, и эта тенденция не имеет перспективы.

Нарастающие неприятности с народонаселением земного шара усугубляются столь же нарастающим разрывом поколений. Род *Homo sapiens* сорок тысяч лет (по некоторым данным, даже больше) держался исключительно на органической преемственности поколений. Родители и дети жили, работали и отдыхали вместе, причем родители являлись первейшими воспитателями подрастающего поколения. Ныне дети сбэгрены с плеч долой в некие казармы-бурсы под интригующей вывеской "школа" на попечение педагогов-профессионалов, и с ними, с детьми, произошло абсолютно то же самое, что и со щенками, выброшенными на улицу после дачного сезона: они сбиваются в дикие стаи, формируют свою собственную "контркультуру", воинственно противостоящую господствующей культуре взрослых, и в этом противоестественном противостоянии человеческая цивилизация, естественно, идет под откос с нарастающей скоростью.

Наконец, встает под вопрос само состояние общечеловеческой культуры - ядра земной цивилизации. Сорок тысяч лет развитие культуры носило прогрессивный (в смысле, от простого - к сложному) характер, а сама культура всегда являлась, в основном и главным, созидательной, конструктивной, помогающей продвигаться от обезьяны к человеку. Но вот примерно столетие назад не самые близорукие люди разглядели тревожные признаки начитающегося упадка господствующей пока еще в мире европоцентристской культуры, в фарватере которой идут все остальные. Они назвали это декадансом, и вот сегодня, столетие спустя, никто еще не решился возвестить о смене декаданса новым ренессансом. Напротив, появляются все новые признаки нарастающего упадка культуры буквально во всех сферах человеческой жизнедеятельности, начиная с непогрешимой совсем недавно науки, с литературного, сценического, изобразительного, музыкального, архитектурного искусства, и кончая мировоззрением, моралью и правом, политикой и религией, вообще отношениями между людьми.

К этому добавляется "наркологический эффект" временного отключения от окружающего мира, помогавший когда-то людям легче переносить жесткость и жестокость ритуалов труда, быта, досуга, которыми была до минуты распланирована жизнь каждого человека, а сегодня, с помощью современных наркотиков, включая алкоголь-никотинное половодье, превратившийся в разрушительный фактор глобальных масштабов. Он ежегодно убивает на планете едва ли не больше людей, чем все остальные болезни, вместе взятые, и грозит окончательно превратить людское сообщество в сумасшедший дом.

Общий вывод из вышеописанного (кстати, описанного за последние десять-пятнадцать лет в сотнях книг и тысячах статей) "сценарий будущего", основанный на простой экстраполяции наблюдаемых ныне тенденций развития человечества, заведомо не имеет права на существование за пределами бли-

жайших десятилетий. Человечеству суждено либо кардинально изменить свой образ жизни, либо погибнуть.

И вот здесь встает сакраментальный вопрос: способно ли измениться в исторически приемлемые сроки "негражданское общество"?

2.

Действительным антонимом "гражданского общества" является не нечто фантастическое, а реально существующее общество чиновничье-обывательское. Именно к нему пока еще стопроцентно относится наша несчастная и злощастная Родина. Но и во всех прочих странах мира удельный вес бюрократизма и обывательщины довольно высок (напомним, что мы договорились рассматривать "гражданское общество" как некий социальный идеал, к которому надлежит стремиться). Так вот, исторические, экономические, социологические, политологические, психологические (социально-психологические) исследования последних десятилетий наглядно показывают, что чиновнику-бюрократу и обывателю задача качественного изменения образа жизни людей адекватно складывающейся в мире проблемной ситуации явно не по силам.

Да, чиновник может издать тьму циркуляров об экономии электроэнергии. Но моя соседка, как только придет с работы, обязательно включит все до единой лампы и откроет на полную мощность краны разом и в ванной и на кухне - ей так удобнее убирать квартиру и готовить ужин. Тем более, что во дворе при ярком свете Солнца не менее ярко сверкают не выключенные с утра лампы, а под окнами часами стоят с невыключенными моторами автобусы и грузовики. Так что стыдиться некого.

Чиновник может издать не меньше циркуляров об охране окружающей среды. Но мы, якобы культурные люди, тут же разведем дымный костер посреди зоны отдыха, выплеснем в родник помойное ведро, сорвем все цветы, до которых дотянемся, и тут же воткнем их в мусоропровод, оглушим окружающих радиолой, выставленной на подоконнике, и пустим вразнос Чернобыльскую АЭС. И хоть кол нам на голове теши - не поступимся своими принципами.

Да, японский император может выступить по телевидению с заранее подготовленной речью и призвать своих верноподданных японцев, не мешкая, переходить от многодетной к двухдетной семье, дабы избежать неприятностей с перенаселением японских островов. И дисциплинированные японцы тут же оптимально решат свою демографическую проблему. Но для остального мира этот указ не писан. Остальному миру запретит это сделать господствующая всюду патриархальщина и обывательщина, освященная всеми крупнейшими религиями мира без исключения.

Французский министр по делам семьи или германский министр по делам культуры может сколько угодно указывать французам или германцам на губительные опасности депопуляции. А процентная доля не состоящих в браке, ограничивающихся конкубинатом (сожителем), бездетных и однодетных брачных пар в этих странах растет и будет расти, потому что так "удобнее жить" в современном мире.

Российский министр просвещения или президент педагогического общества может сколько угодно говорить о губительности разрыва поколений. Но кто же променяет работу на участь презираемой всеми "домохозяйки", кто откажется от удовольствия попустословить с гостями вместо того, чтобы шагать в детсад или школу, помогать педагогу-воспитателю, латать разрыв поколений

по мере сил-возможностей?

Что же касается собственно культуры, то чиновничье вмешательство в нее мы рассмотрели достаточно и досконально знаем, к каким прискорбным последствиям такое вмешательство приводит.

Конечно, можно возразить, что если все продумать как следует, да начертать "комплексную программу научно-технического и культурного прогресса" лет на двадцать на пятьдесят вперед, да неуклонно проводить ее в жизнь, столь же неуклонно пересекая всякие поползновения...

Самое печальное, что такого рода программы в разных странах мира, не исключая и нашей собственной, почти наверняка, будут разрабатываться, проводиться, пресекаться и пр. И чем грознее будут нависать над человечеством глобальные проблемы современности - тем более отчаянно будут свирепствовать чиновники, тем более отчаянно будут увливать и страдать обыватели. Вселенский Освенцим - вот что неизбежно ждет человечество при реализации подобных программ, как это достаточно подробно и убедительно описано в пророческой последней главе "Истории одного города" великого русского сатирика М.Е.Салтыкова-Щедрина.

Все это, вместе взятое, вполне может составить "сценарий будущего" № 2. Кстати, по нашему мнению, намного более вероятный, нежели № 1, но столь же нежелательный во всех отношениях.

А какой представляется не менее реальным, но более желательным? Тот, который в нашем представлении неразрывно связан со становлением "гражданского общества".

Ибо только сознательные граждане могут сконструировать качественно новый образ жизни таким образом, чтобы без полицейско-милиейских мероприятий добиться восстановления нарушенного энергетического, экологического и демографического баланса планеты, смены наступившего разрыва поколений их прежней преемственностью, смены затянувшегося декаданса культуры ее новым ренессансом. Каким именно образом? Ответ на этот вопрос в какой-то мере дает гора литературы, воздвигшаяся за 110-15 последних лет под общим названием "альтернативистика" - о поисках путей к качественно новой цивилизации, альтернативной существующей и способной, в отличие от нее, преодолеть обрушившиеся на человечество во второй половине истекающего столетия глобальные проблемы современности. (Впрочем, точнее, вершина этой горы, подобно Эльбрусу, двуглава: вторую, лет на десять старше по возрасту, составляет "глобалистика" - литература собственно об этих проблемах).

Коротко говоря, именно "альтернативистика" и составляет искомый "сценарий будущего" № 3. В самых общих чертах данный сценарий сводится к следующему:

1. Проводится радикальная демилитаризация человеческого общества. Берется курс на мир без оружия, без солдат, без войн и, главное, без военно-промышленного комплекса, пожирающего, помимо всего прочего, львиную долю столь дефицитной для человечества энергии.

2. Одновременно берется курс на дезурбанизацию общества - на принципиальный отказ от противоестественного сгущивания гигантских масс в гигантских городах, тоже пожирающих понапрасну изрядное количество энергии. Речь идет о пешеходной доступности мест работы, покупок и развлечений, о минимизации моторного транспорта, о сублимации коммуникативных потребностей людей путем замены средств транспорта средствами связи (в частности, ТВ нового типа, со стереоскопически-голографическом "эффектом присут-

ствия", делающим излишним многие поездки сугубо информационного значения).

3. Наконец, берется курс на дезиндустриализацию общества - свертывание всех и всяческих, особенно экологически вредных производств, работающих на "псевдопотребности" - начиная с военных нужд и кончая разного рода безделушками, искусственно навязываемыми населению рекламой. На первый план выдвигается гигиена питания, одежды, жилья - залог здоровья и долголетия человека.

4. Всемерно развиваются энерго - ресурсосберегающие технологии, что позволяет получать больший эффект при меньших затратах энергии.

5. Все это, вместе взятое, позволяет целенаправленно увеличивать в глобальном топливно-энергетическом балансе удельный вес "чистых" источников энергии, с особым упором на солнечную энергию, транслируемую по микроволновым передатчикам из космоса - она призвана восполнить нехватку, если окажется недостаточно солнечных батарей, минигэс, ветряков, приливных, волновых и иных энергоустановок на земле. (Концепция "низкой энергетики").

6. Все это, вместе взятое, позволяет целенаправленно снижать воздушное, водное, почвенно-ландшафтное радиационное, тепловое, шумовое и химикатное загрязнение окружающей природной среды. (Первая часть концепции "высокой устойчивости").

7. Кроме того, берется курс на "демографический оптимум" - принципиальный отказ от массовой много- и малодетной семьи, упор на среднететную семью, которую образно можно представить в виде трех в среднем детей на каждую женщину: двое - на смену мамы с папой, третий - на компенсацию бездетности и малодетности, а также на смену безвременно погибшим от болезней и несчастных случаев. (Вторая часть концепции "высокой устойчивости").

8. В балансе рабочего времени общества целенаправленно снижается процентная доля промышленности и сельского хозяйства, сферы обслуживания и госуправления (каждая - в идеале до 5-6, в совокупности до 15-20%), увеличиваются затраты времени на восстановление преемственности поколений путем активного участия родителей и вообще возможно более широких кругов общественности в воспитательном общении с подрастающим поколением на правах помощников педагога в дошкольных и школьных учреждениях (до 25-35%), на заботу о заболевших, вообще попавших в беду ("корпус милосердия" - до 15-20%), на организаторскую работу в сфере "индустрии досуга", особенно по части "клубов по интересам" (до 15-20%), на общественные работы по спасению гибнущей флоры и фауны планеты (до 15- 20%). Это составляет третью часть концепции "высокой устойчивости".

9. Берется решительный курс на денаркотизацию общества во всех отношениях, включая деникотинизацию и особенно дезалкоголизацию, без чего представляются малоэффективными все предыдущие усилия.

10. Ставится целью поворот культуры от продолжающегося декаденса к новому ренессансу путем развития конструктивно-творческого начала во всех семи формах общественного сознания - в мировоззрении, науке и искусстве, морали и праве, политике и вере (как религиозной, так и нерелигиозной или квазирелигиозной, типа конфуцианства). Это составляет концепцию "подлинной человечности".

В общем итоге прорисовывается общая концепция "Альтернативной цивилизации - низкой энергетики, высокой устойчивости, демилитаризированной, экологически чистой, подлинно человеческой". Споры о ней в мировой общест-

венной мысли последних 10-12 лет то и дело заходят в тупик: вроде бы ясно, что без радикального изменения образа жизни людей в вышеочерченном духе или чем-то подобном изложенному выше от надвигающейся глобальной катастрофы не спастись. Но кто и как начнет переход к "альтернативной цивилизации"? Ведь это посложнее, чем убедить горького пьяницу "завязать", заядлого курильщика - бросить курить, а автолюбителя, только что дорвавшегося до предмета своего вождения, побудить добровольно пересесть на велосипед.

Ясно одно: чиновничье-обывательское общество на это органически не способно. Требуется общество сознательных граждан. Мало того, общество с существенно новой системой ценностей, с существенно новыми мышлением (мировоззрением), наукой, искусством, моралью, правом, политикой, верой.

В этом смысле "сценарии будущего", не претендуя на предсказания-пророчества, имеют самодовлеющую ценность "разведки мыслью" того, что непременно - под страхом катастрофы и гибели - придется штурмовать в грядущем столетии, а может быть, и в самые ближайшие годы.

3.

Не представляется ли все сказанное выше довольно далеким от тех отнюдь не глобальных проблем современности, которые обрушились на нашу страну и требуют все более срочного, все более радикального решения?

Нет, не представляется. Потому что если пытаться решать наши региональные проблемы - в рамках бывшего СССР, российские ли, республиканские или районно-жэковские, все едино - в отрыве от глобальных, то любое, пусть самое эффективное, на первый взгляд, решение вызовет лишь появление новой горы проблем, прямо или косвенно связанных с глобальными. Попробуем проиллюстрировать эту абстрактную истину несколькими конкретными примерами.

Если нашей стране и суждено когда-нибудь выплыть из того омута, куда она бросилась (точнее, ее бросили) три четверти века назад, то выплыть она сможет, как ныне почти всем уже ясно, только на трех "китах": переходом от параноидной ("плановой") к нормальной ("рыночной") экономике, от тысячелетнего авторитарно-патриархального произвола к цивилизованному разделению законодательных, исполнительных и судебных властей, от квазимафиозных структур к эффективной партийной системе, состоящей из правящей и оппозиционной (оппозиционных) партий, опирающихся на соответствующее распределение голосов избирателей. Первое, как показывает наш горький опыт, невозможно без второго, а второе - без третьего. При этом начинать приходится разом со всех трех: время не ждет.

Строго говоря, есть еще и четвертый "кит", который упорно тянет нас на дно: чудовищный военно-промышленный комплекс, потерявший в его существующем виде всякое значение и работавший лишь на собственное самосохранение по принципу "искусство для искусства". Но он, образно говоря, сидит во чреве первого "кита" - экономики - и заслуживает особого разговора. Ясно лишь, что без демилитаризации страны или без хотя бы введения военно-промышленного бронтозавра в современно-цивилизованные рамки нам из омута ни за что не выбраться.

Но представим себе чудо: уже в текущем году цивилизованная партийная система образовалась, дикий произвол сменился эффективным разделением ответственных властей и началось движение страны к нормальной эко-

номике. Что произойдет?

Прежде всего начнет рушиться реализованная утопия казарменного социализма, реализованная у нас в 1918 г., реставрированная после полного провала в 1929 г. и существовавшая донныне с несущественными, чисто косметическими, изменениями. Эта утопия - точнее, жуткая антиутопия - отличается не только принудительным трудом и принудительной идеологией, а также отношениями личной внеэкономической зависимости от вышестоящих (опять-таки, образно говоря, вселенской "дедовщиной" со школы и до правящих кругов), но и десятками миллионов так называемых "избыточных рабочих мест", т.е., если без дураков, выгодных и престижных синекур, никому не нужных, кроме их счастливых обладателей. Кроме принципа "где бы ни работать - лишь бы не работать", здесь царит также принцип "видимость работы - за видимость зарплаты", в результате чего значительное число предприятий "нерентабельны", т.е. их работники являются по существу такими же сидящими на шее общества персональными псевдопенсионерами, как и обладатели синекур.

Рынок кончает со всей этой сказкой, сделанной былью. Он категорически отказывается регулярно выплачивать зарплату, если предприятие не дает прибыли, а работоспособность работника равна нулю. На улице отнюдь не по своей вине оказываются десятки миллионов людей - по предварительным расчетам, почти каждый третий из 138 миллионов ныне работающих. Как быть?

Конечно, надо развертывать переподготовку миллионов и миллионов людей, памятуя, что у нас - миллионы и миллионы вакансий на самых ответственных участках общественного производства. Конечно, надо развертывать частное предпринимательство (по предварительным подсчетам, только оно одно теоретически способно поглотить основную массу потенциальных безработных). Конечно, надо пораньше отправлять на пенсию тех, кто уже не может полноценно трудиться - и, конечно же, не мешать работать хоть до ста лет тем, кто способен и склонен трудиться хотя бы в рамках неполной рабочей недели. Но ясно, что всего этого - если от теории переходить к нашей прискорбной практике - заведомо недостаточно для успешного преодоления бедствия, которое может задеть до полусотни (плюс-минус десятков) миллионов человек, не говоря уже о членах их семейств.

И вот тут оказывается как нельзя более актуальной та самая революция в балансе рабочего времени общества, которую требует альтернативная цивилизация и о которой мы упоминали выше. Пока мы не выделим львиную долю этого самого баланса на нужды семьи и школы, пока не направим миллионы людей в сферу "социальной работы" на ниве культуры и здравоохранения, в армии спасения земной флоры и фауны - не видать нам счастья ни в экологическом, ни в демографическом балансе, ни в преемственности поколений, ни в спасении деградирующей культуры. Короче, не видать нам будущего за пределами ближайших десятилетий.

То же самое относится ко всем прочим контурам грядущей "альтернативной цивилизации", которые мы перечисляли выше.

Футурологи Запада на протяжении нескольких лет разрабатывали "сценарии будущего" для нашей страны в 90-е годы истекающего столетия.

И, при всем разнообразии подобного рода сценариев, все они укладываются в диапазон из примерно пяти основных вариантов:

- продолжение "перестройки" в том виде, как это наблюдалось во второй половине 80-х годов;
- установление военной диктатуры;

- установление над страной протектората международных организаций по одному из аналогов "Плана Маршалла";
- распад СССР на отдельные независимые национально-государственные образования, каждое из которых попытается самостоятельно выкарабкаться из вышеупомянутого омута;
- наконец, появление харизматического лидера типа польского Валенсы (или хотя бы простого правительства национального единства и народного доверия), чтобы методами "шоковой терапии" выбраться из омута поскорее.

Однако ясно, что "перестройка" второй половины 80-х полностью исчерпала себя к осени 90-го и скончалась в страшных мучениях по той же причине, что и ее предшественницы в 1921-1929, 1956-1964, 1966-1971, 1979 и 1983 годах: всесилие правящей партгосхозноменклатуры, упрямо цепляющейся за власть, всесилие "теневых", квазимафиозных структур, тесно сросшихся с коррумпированной частью партгосхозаппарата, политическое бессилие масс, как уже говорилось, дезинтеллектуализованных и деморализованных жизнью нескольких поколений в параноидном мире реализованной утопии казарменного социализма.

С осени 1990 до весны 1991 года было немало попыток реализовать второй сценарий: вернуть страну к статус-кво ante 1985 г. военной силой. Можно полагать, недостатка в подобных попытках не будет и после путча августа 1991. Но чем бы они не закончились - пусть даже легким и полным успехом - ясно одно: они потребуют еще десятков миллионов безвинных и напрасных жертв, затянут агонию разлагающегося ненормального общественного строя, заведомо окажутся неспособными решить стоящие перед страной проблемы и вновь потребуют спустя какое-то время очередной "перестройки", отбросив страну на обочину мирового прогресса.

"Шоковых терапий" тоже хватает, но харизматических лидеров - не говоря уже о правительствах народного доверия и единства - на горизонте пока не видно. Приходится полагаться на тех, которые есть. И продолжать бороться за создание цивилизованной партийной системы с цивилизованным разделением властей.

Таким образом, из всего перечня возможных для нашей страны "сценариев будущего" остаются лишь "план Маршалла" и распад. То и другое мы наблюдали на протяжении 1991 года во всей красе. Но нельзя забывать, что у процессов распада есть свои пределы: и не только всюду стоящие войска, но и цепи "социалистической экономики", образно говоря, "деревянного рубля" (за неимением ни у кого иной валюты), которые связывают хозяйства регионов крепче омовцев. Мы, как каторжники, плывем на одной галере, и попытки прыгнуть за борт показывают, что вода мировой экономики и международных отношений слишком холодна, чтобы выплыть в одиночку. А что касается "плана Маршалла", то стало не менее ясно, что никто не жаждет осчастливить нас сотнями миллиардов долларов, необходимых для реконструкции прогнившей и разваливающейся экономики. Речь может пойти только о новых технологиях, которыми нам могут помочь овладеть, и о новой инфраструктуре (прежде всего, в сфере транспорта, связи, хранения, переработки и т.п.), которую нам могут помочь создать.

И вот здесь неизбежно во весь рост встают проблемы оптимизации топливно-энергетического и материально-сырьевого, а также экологического, демографического, продовольственного, транспортного, торгового баланса, энерго- и ресурсосберегающих технологий, конверсии военно-промышленного ком-

плекса все те проблемы, которые неразрывно связаны с переходом к "альтернативной цивилизации".

Вопрос стоит так: либо наша страна остается на обочине развития мировой цивилизации, превращается в свалку экологически опасных отходов более цивилизованных стран, в поле хищничества зарубежных и отечественных фирм, в заповедные уголья наркомафии и прочих мафий (в том числе своих собственных), - либо вливается в общий процесс перехода человечества к "альтернативной цивилизации".

Первый сценарий подразумевает довольно-таки мрачные перспективы. Не говоря уже ни о чем другом, загрязнение окружающей природной среды, с одной стороны, и алкоголизация (плюс начинающаяся собственно наркотизация) общества, с другой, идут такими масштабами и темпами, что по прошествии самое большее ближайших двух-трех десятилетий нашу страну со всеми населяющими ее народами не надо будет ни покорять, ни спасать - только изолировать от мирового сообщества, как ныне зону чернобыльского бедствия, либо прямо выбрасывать на помойку истории.

Так что второй сценарий ("альтернативная цивилизация") оказывается на поверку вовсе не такой уж академической абстракцией, напротив, все более актуальной задачей современности. К сожалению, суэта быстротекущих дней заслоняет его от наших взоров. Но от этого актуальность задачи не ослабевает - растет от года к году. Наверно, научная разработка этого сценария требует не только теоретико-концептуального подхода (хотя, понятно, без него не обойтись). Не менее важен практически-эмпирический подход. Например, попытки реализовать те или иные аспекты грядущей "альтернативной цивилизации" если не в общегосударственных масштабах, то хотя бы в масштабах отдельных регионов, которые находятся в особенно бедственном положении и которые можно рассматривать как своего рода "заповедники", "полигоны" для "разведки" путей перехода в качественно новую цивилизацию.

В качестве первейших кандидатов на роль такого рода "плацдармов для прорыва в будущее" можно назвать районы Севера, высокогорные районы, а также районы явного экологического бедствия (за рамками первых двух).

Но прежде всего, необходима, конечно же, концепция. И надо полагать, обсуждающиеся в данной книге проблемы явятся значительным шагом в процессе ее формирования.

Часть 4. ПАРАЭТИКА

4.1. МУКИ ГЕРЦОГА БРАУНШВЕЙГСКОГО (Категория нации в меняющемся мире)

По поводу герцога

Стефан Цвейг в романе о Марии-Антуанетте приводит эпизод, который с современной точки зрения выглядит фантастичным. Когда в 1791 году германские государства готовились к войне против Франции (Франция уже была республикой, но королева еще сидела - в Тюильри, не в Консьержери), - герцог Брауншвейгский всерьез раздумывал, в какую армию ему пойти главнокомандующим: во французскую или в немецкую.

Не правда ли, этот факт способен выбить почву из-под ног современного человека? Можем ли мы себе представить, чтобы фельдмаршал Паулюс, взятый в плен под Сталинградом, пошел бы командовать одним из советских фронтов? Нонсенс, безумие, абракадабра! Малейшее движение в сторону врага есть ИЗМЕНА. Когда генерал Власов переметнулся на сторону немцев, он перестал существовать для русских. Хотя и пытался перехватить национальное знамя и создать РУССКУЮ армию в противовес сталинской КРАСНОЙ. Не удалось. Потому что инстинкт сражающихся народов был загодя сильнее инстинкта перебегающих политиков. А уж о том, чтобы "военспец" раздумывал, в какую из сталкивающихся армий ему наняться главнокомандующим, - такое в XX веке и в страшном сне не приснилось бы.

В XVIII веке это реальность. И герцог Брауншвейгский спокойно размышляет, кем же ему командовать: немцами или французами?

В XVIII веке это нормально, потому что в XVIII веке нет "немцев" и "французов". Есть ГОСУДАРСТВА, составленные из "немцев" и "французов", иногда - составленные из них вперемешку. Есть ДИНАСТИИ, верность которым хранят войска и воины. Есть КОНФЕССИИ, которые помогают им хранить верность. Но ни НАЦИЙ, ни НАЦИОНАЛЬНОСТЕЙ как субъекта практической политики или объекта теоретического спора - нет в реальности XVIII века. Нация и, следовательно, национальность - ПОЯВЛЯЮТСЯ на исходе этого века, в результате Великой Французской революции. И тогда почвой политики становятся не подданные Их Величеств и не рабы Божьи, но - ОТЕЧЕСТВА СЫНЫ. Сыны Франции. Французы.

Их новый вождь может - по классической римской традиции - именовать себя императором, однако на новой почве он именует себя императором не Франции, но ФРАНЦУЗОВ. То есть как бы всех французов, где бы те ни находились: в Новой Каледонии или Луизиане, в Квебеке или Алжире. Раз француз, значит, свой.

Категория нации начинает прокладывать себе в новейшей истории триумфальный путь. В тех же злополучных наполеоновских войнах выковывается сознание и тех, кому французы противостоят. Если при первом столкновении с французской армией ведущие немецкие интеллектуалы, такие, как Шиллер, Гельдерин или Клопшток, стоят на стороне "чужой" республики против "своей" монархии (то есть на стороне ФРАНЦУЗОВ, или как сказали бы век спустя русские, на позициях "пораженчества", то, увидев наполеоновское вторжение

вблизи, Фихте очень скоро осознает себя НЕМЦЕМ. И если при входе в ту же войну московско-питерский интеллектуальный круг говорит по-французски охотнее, чем по-русски (см. начало "Войны и мира"), впрочем, французский для них - не столько язык "французов", сколько язык культуры, общеевропейской цивилизации, - то на выходе из войны 1912 года Россия осознает себя именно страной РУССКИХ (см. конец "Войны и мира").

Не будем путать эту страну с "Русью", которую собирали под своим скипетром московские государи: государь ВСЕЯ РУСИ и император ФРАНЦУЗОВ - в принципе разные вещи. Ко "всея Руси" могло прибавляться что угодно: Русь Малая, Русь Белая, Русь Новая; то было не национальное государство, не государство РУССКИХ, то была реализация всемирности, кафоличности: Вторая Византия, Третий Рим, твердыня Православия; народы входили в его орбиту не по национальному, а по сверхнациональному волеизъявлению, они попадали в поле притяжения, в орбиту гигантского российского Левиафана точно так же, как за тысячу лет до того и за несколько тысяч километров западнее попадали в орбиту Священной Римской Империи, а еще за тысячу до того - в орбиту Первого Рима, а за несколько тысяч километров восточнее - в орбиту Серединой Империи, то есть олицетворявшей "середину мира", центр Вселенной.

"Император французов" пробудил в РУССКИХ подданных Российской Империи. Понадобился еще век, и еще две мировые войны, и еще одна Отечественная в ходе второй из них, чтобы вызрело и на евразийских имперских пространствах то национальное сознание, которое в Европе стало определяться как раз со времен герцога Брауншвейгского (один из ближайших носителей этого титула определился-таки как НЕМЕЦ. И погиб, бедняга, в битве при Ауерштедте лет двенадцать спустя после того, как Марии-Антуанетте, австриячке, носившей корону Капетингов, французы отрубили голову).

И вот теперь мы находимся в самом центре национального взрыва, и вчерашний Союз, наследник многонациональной Российской Империи, стоит перед проблемами, первой чертой которых кажется неразрешимость.

В чем наша надежда разрешить их?

В том, что если национальное не вечно, не изначально, не имманентно, не фатально, если оно ВОЗНИКЛО в ходе мировой истории двести лет назад, - то логично предположить, что в свой исторический час оно и ИСЧЕРПАЕТСЯ, выполнив свою роль.

А если и это так, то логично обдумать и третий круг вопросов: почему именно эта форма сегодня так притягательна? почему так живуча? что в ней существенно в сравнении с другими формами концентрации человеческой энергии: классом, конфессией, родом? Не говоря уже о таких вещах, как династия и прочие ветхости эпохи Марии-Антуанетты, Марии-Луизы и Марии-Терезии.

То, что "нация" не имеет по существу ничего общего с классом, - ясно (разве что совпадает по функции в тоталитарных режимах вроде гитлеровского или сталинского). Нация - нечто принципиально иное, чем конфессия, конвиксия или консорция (хотя может и совпадать по контуру: немцы-лютеране, поляки-католики, русские-казаки, русские-чайковцы и т.д.). Но что нация - отнюдь не то же самое, что род, раса или этнос, - это, по нынешним временам, не всем и не вполне ясно, это приходится оговаривать. Нация может состоять из представителей разных родов, разных этносов и разных рас. Это замечательно показано в книге Л.Н.Гумилева "Этногенез и биосфера Земли". А наш аспект сейчас: динамика самого понятия. Непредсказуемо выворачивающийся его кон-

текст. И в результате - понятийный бред, функциональный ступор при попытках вписать категорию "нации" в современную духовно-практическую сферу.

По поводу понятий

Оставим в стороне тонкости и нюансы, многократно уточнявшиеся советскими философами в спорах по поводу понятия нации (в смысле: как правильно с точки зрения марксизма определить ее). Возьмем ИТОГ: суммарное суждение. Вот статья "НАЦИЯ" в авторитетной "философской энциклопедии" 1967 года - сводное марксистское толкование, отжатое и отфильтрованное, да к тому же освобожденное уже и от наиболее одиозных перехлестов сталинизма. Это марксистское толкование практически являлось определяющим для советской мысли и политики на протяжении семидесяти лет.

В основе его лежит известная сталинская "четыреххвостка" (переносу словечко в национальную сферу из сферы избирательного права тех лет). Точнее, не сталинская, а бухаринская, ибо Бухарин готовил материалы и консультировал Сталина, когда тот писал свои труды по национальному вопросу, но и это неважно, ибо ни Сталин, ни Бухарин не претендовали на личный взгляд, а оба - лишь на точное изложение марксистской точки зрения, марксистская же точка зрения претендовала опять-таки не на открытие", а лишь на верность объективному строю вещей. "Четыреххвостка" - четыре признака нации, в глазах марксизма объективно самоочевидные и непреложные; с этих признаков начинается всякое нормальное, марксистское рассуждение о нации; эти четыре признака: язык, территория, экономика и культура - при "некоторых особенностях характера" ("Философская энциклопедия". М., 1967. Т.4. С.12).

Сколько эти признаки существуют, - столько же язвительные оппоненты подкапываются под каждый из них. Евреи, забывшие иврит, но не забывшие, что они - евреи, армяне, живущие за тысячи километров от Армении и считающие себя армянами... "Император всех французов"... какая общая экономика у "всех французов"? И обратный ход подкопа: в лоне испанского языка сколько наций процветает? И почему в ином случае разные нации смешиваются, но не сливаются? Сосуществуют на одной территории, составляют единую хозяйственную систему, и даже равно владеют языками друг друга, и, однако, ИМЕНАМИ меняться не хотят (Канада)?

Что же до культуры и, тем более, до такой неуловимости, как "особенности характера", - то все это можно трактовать так и эдак, в зависимости от того, к чему "нация" прилепляется в качестве дополнения.

У марксистов она всегда крепится к классу. Поэтому: "особенности национальной психологии (характера)... составляют необходимый, хотя и не первичный, а производный признак нации". Производный - от социальности. Куда важнее в характере людей признаки не национальные, а социальные: "Пролетариат по природе своей интернационален, оставаясь в то же время национальным".

Самое замечательное в этом определении - оборот "В ТО ЖЕ ВРЕМЯ". Отказываясь понять бытийные, онтологические источники нации ("расовую, племенную, религиозную и государственную общность нельзя включать в общее определение нации в качестве ее необходимых признаков" - запрещает Энциклопедия, и понятно, почему: потому что места уже прочно заняты признаками общности СОЦИАЛЬНОЙ), марксизм как бы пристраивает национальное к социальному: прислоняет, пристегивает одно к другому. В этом смысле заме-

чательна проговорка молодого Ленина "Создание... национальных связей было ничем иным, как созданием буржуазных" (Соч. Т.1. С.137-138).

НИЧЕМ ИНЫМ... на такое изничтожение национального академически-взвешенные марксисты не решаются; поэтому они ищут национальному нишу, где бы оно существовало тихо, ничему не мешая. Отсюда любовь к рядополагающим связкам: В ТО ЖЕ ВРЕМЯ... ОДНО НЕ ИСКЛЮЧАЕТ ДРУГОГО... НЕ ПРЕУВЕЛИЧИВАТЬ, НО И НЕ ИГНОРИРОВАТЬ национальные особенности... НЕ УСКОРЯТЬ ИСКУССТВЕННО процесс стирания этих особенностей, но и НЕ ЗАДЕРЖИВАТЬ его.

От этих связок веет совершенным равнодушием и к бытийным основам национального, и к его перспективам: СТИРАНИЕ наций считается само собой разумеющимся, оно происходит как бы своим ходом, и лучше в это дело не вмешиваться: лучше всего так пристроить "национальное", чтобы оно не путалось под ногами и не лезло в глаза.

Что поразительно в этом марксистском воззрении на нацию - это подсознательное ощущение, что под явлением нет бытийного базиса. Это ощущение интуитивно, и оно абсолютно верно: каждый раз, когда мы пытаемся нащупать истоки нации, мы убеждаемся, что шарим в пустоте. Мы натываемся на экономику, на социопсихологию, на культурную политику, на что угодно... Но ПОЧЕМУ все эти "признаки" в результате дают нацию, а не просто "население", - неясно; в основе нации остается тайна; само национальное оказывается ПСЕВДОНИМОМ, а псевдоним чего -опять-таки неясно, и ЗАЧЕМ НУЖЕН псевдоним - тоже.

Главная соперница марксизма - русская идеалистическая философия (когда-то ничтожная ему соперница в сфере практической политики, теперь стремительно вырастающая в могущественную и победоносную соперницу в сфере идеалов) - русская философия (если опять-таки оставить в стороне массу нюансов и особенностей в позициях отдельных мыслителей) суммарно тоже не дала ответа на вопрос об онтологии национального. Или так: она дала ответ, но определенно отрицательный. Потому что ключевая мысль русских идеалистов о том, что нации суть АНАЛОГИ ЛИЧНОСТИ, любимые и несхожие дети у Бога и т.д. - есть именно "аналогия", не больше; она подводит к тому же, что и персонализм вообще: к тому, что основа личности - таинство, что личность столь же неисчерпаема и необъяснима, сколь прекрасна и непобедима. Русские философы дали гениальные "портреты" нации (Бердяев о немцах, Булгаков о евреях, Розанов об итальянцах, и все они - о русских, главной точки их интереса), но ответить на вопрос ЗАЧЕМ господу-богу понадобилось столько несхожих детей, и, тем более, зачем он их допускает до таких братоубийственных войн, какие выпали на век этих идеалистов, - они не смогли. Вернее, они и НЕ СТАЛИ отвечать на этот вопрос, поняв, что вопрос не посилен сознанию. Это все равно, спрашивать, зачем господь "стравил евреев с арабами, и еще раньше - с турками, и еще раньше - с римлянами, собрав их всех в святой земле. Да, несомненно, земля - Святая, богоданная. Самое место назначить свидание! Но (как с чисто еврейским юмором спросил один приехавший в Иерусалим путешественник) зачем назначать свидание разным народам в одном и том же, путь даже в Святом месте, - совершенно необъяснимо.

Как необъяснимо (планиметрическому разуму) и другое: зачем человечеству СТОЛЬКО языков?

Чтоб не строило башен?

Давайте попробуем выйти "за пределы доктрин", а поскольку в XX веке

это практически невозможно, то выйдем за пределы нашего помешавшегося на доктринах века.

Вот изданная на рубеже веков в Санкт-Петербурге "Большая энциклопедия" - двадцать томов безукоризненной профессорской науки, summa summarum знаний, накопленных к концу XIX столетия и изложенных (стиль "fin du siècle") с подчеркнутой академичностью, то есть - вне доктрин, вне "борьбы партий", вне "практической политики".

Что же такое "нация"?

"Высшая форма единения людей в большие исторические группы, основанные на моральных началах, на желании людей состоять в союзе без всякого к тому принуждения..." ("Большая энциклопедия", т.13, СПб, 1900, С.715).

Поразительно: никаких "признаков" и "условий". ЧИСТО МОРАЛЬНОЕ решение. ЖЕЛАНИЕ людей, и только.

Как полвека спустя сказал Бен-Гурион: еврей это тот, кто НАЗЫВАЕТ себя евреем.

Но ведь это - эфемерность! Это ж "чистое воображение" - сцепление призраков, дуновение слов! А где же базис, основа? Где государство, наконец? Где подданство?

А эти вещи академики-энциклопедисты с полной лингвистической невозмутимостью относят к другому понятию" к "национальности". Национальность есть синоним подданства. Псевдоним государственности. Место прописки.

К слову сказать, это подданство и явилось главным яблоком раздора между дравшимися за суверенитет республиками бывшего СССР. Но о драке ниже, а пока - об энциклопедически невозмутимых определениях. Академики XIX века размечают уровни проблемы:

- нация есть "продукт" СОЗНАНИЯ, реализующийся в культуре;
- национальность есть "продукт" КУЛЬТУРЫ, реализующийся в языке (наконец-то, появился "признак").
- народность есть "продукт" ЯЗЫКА, а также происхождения.

Считают необходимым оговорить: этническое единство относится ТОЛЬКО к народности - нация и национальность реализуются на других уровнях.

Опять-таки, к слову сказать, этническое единство - еще одно теперешнее яблоко раздора, и довольно ядовитое - со времен Розенберга и гитлеровского Райха. Этот яд (голос крови!) пропитывает и сегодня межнациональные споры, так что авторитетнейший историк и этнограф Лев Гумилев чувствовал себя обязанным охладить наиболее яростных защитников этнической чистоты: ни одна нация не состоит из этнически чистых элементов; смешаны ВСЕ, не теперь - так раньше; нация может объединиться вокруг "крови" и может - в противовес "крови"; вокруг религиозной конфессии и в борьбе против конфессии; она может составиться первоначально даже вокруг какой-нибудь авантюры (консорция - конвиксия; или иначе: казачество - колонизация; путей много) и в результате стать (или не стать) нацией. Так что казахская нация есть, а "чистых" казахов нет, и "праказахов" тоже, как нет ни "чистых" русских, ни "прарусских", ни (рискну сказать) и "чистых" евреев, тем более, что "чистые" евреи, "праевреи" во времена оны были одновременно весьма испорченными месопотамцами и, так сказать, пришельцами "с того „берега".

Академическая наука XIX века говорит: этноsubstrat - такая же сомнительная основа нации, как и любой другой вариант ОСНОВЫ.

Ибо основы нет - есть безосновность. Ungrund, тайна.

Возвращаюсь к ортодоксальному марксизму: "Расовую, племенную...

общность нельзя включать в общее понятие и определение нации..." ("Философская энциклопедия". Т.4. С.13).

Какое совпадение с академиками! Академики жертвуют этносом ради духовности, марксисты - ради классовости. Момент истины, вычлняемый из двух этих проекций, заключается в том, что при всей объективности существования наций (наука XIX века превыше всего ставит объективность) и при всей чуткости к духовным ценностям - вы не можете понять, "зачем" нации нужны человечеству. Их базис таинствен. Их сверхзадача неясна. Национальное - явный псевдоним, но чего? Чего-то неизреченного. Поэтому марксизм, при всей его ненависти ко всяческой абракадабре и неопределенности, рад бы вообще не заниматься национальным вопросом и занимается им только тогда, когда НАТЫКАЕТСЯ на него в практической политике: то это "Бунд", то поляки, то размежевание в Закавказье, то размежевание в Туркестане, то отделение Молдавии от Румынии, то присоединение Литвы, Латвии и Эстонии (Литва, как известно из А.Островского, на нас с неба упала").

"С неба" упали на нас и нынешние национальные распри. Все взорвалось "на пустом месте", "веками стоявшее" разваливается на глазах, и непонятно, почему такое количество людей разом сошло с ума; мы совершенно не готовы понять их и объяснить происходящее; мы только подсознательно чувствуем, что ДЕЛО НЕ В НАЦИОНАЛЬНОМ, что это только псевдоним, но псевдоним чего, - не осознаем.

Мы только сомнамбулически твердим: никогда такого не было; жили-жили, и вдруг - гром среди ясного неба; куда ж нам деть наш исторический опыт, когда мы так долго и хорошо жили в единстве?!

По поводу истории

В Российской Империи понятия не имели о нациях, и мы не без усилия опрокидываем туда теперешнюю Вавилонскую башню понятий и терминов.

Российское государство складывалось не как национальное. И не как "многонациональное": это потом, когда понадобилось найти ему место на шкале этнических притязаний, задним числом ему пришили "многонациональный" статус. А по внутренней задаче ничего подобного и в голове не было у первых (и последующих) собирателей Руси. Русская власть с самого начала мыслила себя вселенской; она была наследницей мировой государственности как таковой, даже и по титулу - "Третьим Римом", а из КАКИХ племенных элементов этот Рим складывается - было совершенно несущественно. О племенной принадлежности вспоминали только в тех случаях, когда она делалась камнем преткновения, или, что то же самое, знаменем борьбы. "Восстали черемисы" в тылу Ивана Грозного - вспомнили, что они "черемисы"; а влились в армию Ивана - и никому не важно, черемисы они, или вогулы, или остяки. И "татары", Ивану противостоящие, тоже были понятием не этническим, а государственным, и сколько в Казани половецких потомков, а сколько монгольских, никто не считал.

Государство Российское складывалось попеременно из добровольных присоединений к Империи и присоединений насильственных. Добровольность тоже была вполне материально обоснована. Грузинам легче было спастись от персов в объятиях Москвы, чем от Москвы в объятиях персов, а украинцам надо было отбиться от поляков и турок, а армянам - от турок же и т.д. Так что "добровольность" - блюдо далеко не вегетарианское, но добровольность БЫ-

ЛА. В других случаях была вооруженная борьба. Но и в этих случаях - борьба не этносов, а скорее религиозных общин. То есть война с исламом, но не с аварцами - при Шамиле (дети которого пошли служить Российскому государству). Война с католичеством - но не с поляками в Смутное время: война с Лжедмитрием, война против Владислава, которого поляки везли на Московский престол.

Владислав тот, кстати, был Ягеллон, прямой потомок Ульяны Тверской. Михаил же Романов, за которого русские клали головы в костромских лесах, был по происхождению Дивинич, то есть литовец, скорее же прусс "по крови", но кровь-то как раз никого и не волновала. Волновало другое: верность земле, верность престолу, знамени. Великая русская императрица Екатерина II была "чистейшая немка", выучившая русский язык для того, чтобы сесть на русский трон. Да, честно сказать, на русском троне никогда и не было "чисто" русских людей. А были Рюриковичи - скандинавы, принимавшие в свои жилы, помимо русской, еще и вливания литовской, греческой и прочей крови. Да что говорить: один из самых "русских" по неустойчивости нрава государей - Иван Грозный - по отцу происходил прямиком от Дмитрия Донского, а по матери - через Глинских - прямиком же от Мамаю! И когда эти двое его предков стоят друг против друга на Куликовском поле в качестве "русского" и "татарина", - любопытно заметить, что "русский" этот - по происхождению варяг, а "татарин" на самом деле - восточный монгол, сделавший карьеру на золотоордынской службе.

Так ведь и то важно, чья СЛУЖБА! И литовец мог оказаться в стане Дмитрия, и русский - в стане Мамаю (Ягайла, Ульянин сын, "литовец", пошел на помощь Мамаю, а его братья, такие же Ольгердовичи, один из Пскова, другой из Брянска, - пошли к Димитрию). Тридцать лет спустя после Куликовской битвы, при Грюнвальде - татарская конница уже воевала на стороне "русских", а противостоявших ей "немцев" тоже надо брать в кавычки, потому что воевали там не "немцы", а тевтонский ОРДЕН, и чехов там было еще и побольше, чем немцев, и могли там оказаться люди любой крови.

"Верхушка" на Руси всегда была не национальна. Но и "серединка" тоже, то есть государственная структура. Мордвин мог стать патриархом (и принять все муки - уже в качестве патриарха). Сподвижниками Петра I рядом с Меншиковым были еврей Шафиров и швед Боур, про которых никто не знал, что они еврей и швед. Когда вековое московско-ордынское противостояние (позднее оправленное в цвета национальной русско-татарской оппозиции) оформилось в начале XVI века как религиозное, причем "обасурманившийся" хан Узбег начал рубить головы непокорным Чингизидам, - те бросились спасаться... в Москву; в результате русская конница оказалась на треть татарской; русское дворянство (как бы произошедшее от сословия "всадников") тоже оказалось на треть татарским; триста лет спустя эта "кровь" прочитывается в фамилиях русских писателей: Кантемир, Тургенев, Салтыков, Булгаков...

Традиционное "смешение кровей" вообще делается чем-то вроде ЗНАКА в русской поэзии: Блок - немец, Некрасов - поляк, Лермонтов - шотландец, Жуковский - турок, Фет - немец (или еврей?), Пушкин - эфиоп и немец (а по новейшим предположениям - цыган и еще неизвестно кто), и это опять-таки совершенно не важно, а если и важно, то как раз в смысле, обратном "чистоте крови"; то есть чем больше в нашей крови вселенского, мирового, всеобщего, - тем лучше; это - и русская традиция, и русская радость - всему откликаться.

Советская власть унаследовала природу Российской империи. Действи-

тельно, при Ленине власть была сильно окрашена присутствием евреев, при Сталине - кавказцев, при Хрущеве и Брежневe - украинцев, но это вовсе не результат "масонского заговора", "кавказской экспансии" или "украинского проникновения", это - стиль, веками свойственный данному государству, где у руля может встать грузин (вернее, смесь грузина и осетина, что в контексте нынешних грузинско-осетинских отношений особенно пикантно), но у руля он встанет в качестве вершителя РУССКОГО ДЕЛА (что есть для него синоним советского, то есть имперского, всемирного), причем грузинскую (осетинскую?) фамилию Джугашвили он сменит на русскую Сталин и заявит о своей приверженности российскому государству с такой грозной определенностью, что никто не рискнет заметить его грузинского акцента.

Такова верхушка пирамиды. Но и основа ее - смешанная. Русские СЛОЖИЛИСЬ "на глазах всего мира" как результат "мирного слияния" славян и угро-финнов, с последующими тюркскими и другими "присадками". И это смешение, это непрерывное перемешивание слоев народа было опять-таки реальностью жизни: народ кочевал; то были КАЗАКИ, ВОЛЬНЫЕ ЛЮДИ; их потому и пришлось привязывать к земле крепостным правом (бесправием), что - гуляли, бродили, странствовали. И мало кто помнил, где его корни и где лежат кости предков; куда отчетливее в памяти россиянина было: кто из предков КОМУ СЛУЖИЛ, и еще: ощущение воздуха, простора, шири, воли, возможности жить, где хочется, и гулять, где вздумается.

Полагать, что этот стиль навязан русскими другим народам, так же наивно, как думать, будто кто-то навязал его русским; этот тип ориентации ПОЯВИЛСЯ в качестве "русского" как результат сложения воли и качеств разных племен, сначала ГУЛЯВШИХ по этой Евразийской долине, а потом на ней СЕВШИХ и вынужденных организовать в некое КРЕПКОЕ ЦЕЛОЕ.

Первыми в качестве "крепезного материала" оказались, как ни парадоксально, - татары. Точнее сказать, ордынцы, потому что нынешние национально определившиеся татары ведут свое родословие от половцев; ордынцы же откликаются в калмыках, казахах и узбеках. Но это ТЕПЕРЬ важно и существенно, а ТОГДА это было неважно, потому что в сплот Империи шел любой этнический материал, и он назывался "русские".

Мог бы называться "литовцы". Повернись немного иначе верхушечная история во времена Гедимины, Кейстутиса и Ягайлы, и на роль объединителей великой страны вместо "русских" угодили бы "жематийцы" или "аукпггатийцы"; впрочем, люди в массе своей были бы те же самые и сделали бы приблизительно то же самое, и характер у них выработался бы, я думаю, похожий (то есть "широкий", малопредсказуемый, эмоционально-взрывной, двужильный, лукавый, бесшабашный, беспорядочный, совестливый и т.д.). И теперь стояли бы на месте "русских" те же (или такие же) люди под титлом "литовцев" и выслушивали бы, какие они оккупанты, мигранты, угнетатели, завоеватели и сильники.

Нет ничего рискованнее справедливости задним числом, когда начинают наводить новый порядок, гипнотизируя старые адреса.

Теперь это самое и происходит. Как сломались миллионы людей в "национальную систему фраз", так все вековые счеты, все амбиции, все неподделенные куски, все застарелые претензии и комплексы напяливают на себя актуальный псевдоним - "национальный вопрос".

По поводу "национального вопроса"

Вопрос еще вчера - в СССР ставился так: Центр грабит и давит, а республики не даются и сопротивляются. Или так: Москва держит, а "националы" рвутся прочь. Или так, еще проще: русские - "оккупанты", "жандармы", "империалисты", а нерусские - жертвы, ведущие против них необъявленную справедливую войну.

Насчет того, кто кого грабил и от кого кому больше перепадало добра, - лучше всего спросить экономистов, а они спорили на эти темы с компьютерами в руках и не смогли свести баланса: настолько все переплелось и перепуталось. Решаются такие вопросы только практически, причем решаются мгновенно - с помощью рынка, но вот только решения не угадаешь...

Насчет того, кто кого держал и давал вырваться, тоже не все просто, ибо еще не выяснено, что же держит крепче: тот Центр, что в середине, или та дюжина исполнительных Центров, что по периферии. Это как раз практически и выясняется в Карабахе, Осетии и Приднестровье.

Насчет борьбы русских с нерусскими: это - самый ходовой псевдоним происходящих трений, споров, потасовок, драк и побоищ. Однако практика показывает несколько другое. Трения и ссоры, вплоть до драк и побоищ, начинаются чаще всего между живущими по соседству НЕРУССКИМИ народами: между армянами и азербайджанцами, узбеками и киргизами, грузинами и осетинами, молдаванами и гагаузами, литовцами и поляками, татарами и башкирами... Список слишком обширен, чтобы быть случайностью. Там же, где в эти стычки и драчки, в побоища и блокады втягиваются русские, - они втягиваются не как "русские Центра", а как местное нацменьшинство, живущее в таком же "анклаве", как и их сцепившиеся соседи.

Что же делали при этом "русские Центра", то есть "войска центрального правительства", или (отчего не называть их так?) "федеральные силы"? Кстати, почему "русские"? Они-то уж как раз многонациональные, они именно центральные, федеральные! Они - умиротворяли, пластались между дерущимися, уговаривали целящихся, подставляли себя под пули, сдерживали крайних боевиков. Разумеется, убивали и сами. Но не как РУССКИЕ, не как этнос, а как "имперские", "советские" - как внеэтническая сила.

Существует версия, что эта центральная сила использовал, местные противоречия, играла на них и даже провоцировала их: настраивала осетин против грузин, грузин (месхов) против узбеков. Тирасполь против Кишинева и т.д. Разумеется, использовала и, разумеется, провоцировала, но почему - с таким успехом? Можно, конечно, путем провокации решить ту или иную конкретную тактическую задачу, но невозможно спровоцировать и поджечь целые слои и народы, если в этих слоях и народах огонь уже не тлеет скрыто, если в них не накопилась взрывчатка, ждущая запала или детонации.

Все раздражены против всех, все готовы восстать на всех, вражда бежит по кругу. Определить "осознанный вектор" этого кругового раздражения невозможно, потому что оно безадресное по сути, но можно разгадать его подсознательную тягу, его статистическую склонность.

Склонность к ДРОБЛЕНИЮ.

Огромная, чудовищная, всех измучившая, отвердевшая за века громада хотела раздробиться, разделиться; она металась и мучилась; готовы драться все против всех: на Украине православные дрались с католиками, в Казахстане тягались друг с другом жузы, Москва сидела без молока в блокаде, и эту бло-

каду объявили ей ближайшие русские же области. По России бродила идея: разделить не только Союз на нации, но и Россию на области: "земли", "края", "штаты"...

Идет цепная реакция дробления, и Грузия, которая только что отбивалась от "державшей" ее Москвы, теперь сама "держит" то абхазов, то осетин, а те рвутся и отбиваются.

Не буду углубляться в моральную сторону дела, ибо морали для меня существует не на уровне нации, а на уровне личности. К тому же в свальной драке проповедей не слушают. Хочу понять другое: ЧТО сваливает людей в эту драку? Что их валит в кучу и есть ли надежда вытащить их из кучи?

Еще взгляд в историю. "Воля" князей, "собиравших" когда-то Русь, - это, конечно, фактор. Но есть геополитическая реальность, которая сделала этот фактор постоянным и, в конце концов, победоносным. На огромной Евразийской равнине, лишенной естественных внутренних границ, империя оказывается меньшим злом, чем круговой чресполосный грабеж. КТО объединит, - это уж вопрос исторической беллетристики, КАК НАЗВАТЬ объединителей - вопрос исторической лингвистики (назвали варяжским именем "Русь", что, возможно, первоначально означало: рать, дружина). Это все детали. А суть - в страхе дробления, междоусобия, хаоса.

Социализм, то есть большевизм, диктатура пролетариата, однопартийность и прочая жуть, ныне являющаяся синонимом беззакония, адских сил и еврейских заговоров, - по существу есть не что иное, как гигантская попытка удержать рыхлую и кипящую громаду от распада и хаоса. Это азиатская силовая сдержка против риска европейской динамики. Стальной противовес русской шаткости, ртутности, непредсказуемости - всем тем качествам, которые и позволили русским стать "народом-соединителем", а вернее сказать: эти качества ПОЯВИЛИСЬ у русских по ходу и в результате выполнения этой задачи.

И вот теперь эта сдержка, эта клетка разваливается. Страшно! Страшен хаос, страшен риск, страшна непредсказуемость надвигающегося на нас всеобщего передела. Инстинктивно сопротивляется народ, панически голосит интеллигенция. Выхода нет - дробление неизбежно. Оно продиктовано общим ходом развития цивилизации. Лопнуло наше социалистическое дело не от военного удара, лопнуло оттого, что мы проиграли Западу "экономическое соревнование". Значит, обесценен сам принцип общей клетки, принцип по существу ВОЕННЫЙ (и укрепившийся под именем социализма именно между мировыми войнами). Значит, для следующего этапа жизни нужен не большой танк, а маленький трактор, не межконтинентальная ракета, а межконтинентальный факс, не система наведения на цель, а система персональных компьютеров.

Причем тут "нации"? Ну, лопнуло "по национальным швам", так разве в этом причина? Там, где не было "национальных швов", все равно лопнуло - ПО ДРУГИМ ШВАМ.

Латать национальные швы - занятие совершенно иллюзорное. Потому что они не национальные. Это только псевдоним. И решения принимаются - псевдонимные. С любых концов.

Объявляли референдум: хотите ли вы сохранить Союз? Кто "вы"? "Все". "Все" идут голосовать. Триста миллионов московских служащих, уральских машиностроителей, краснодарских колхозников, тюменских нефтяников и ленинградских корабелов говорили: хотим! Три миллиона литовцев говорили: не хотим.

Почему ТЕ триста миллионов должны решать судьбу ЭТИХ трех мил-

лионов? Почему тюменский нефтяник будет решать судьбу Литвы?.. Впрочем, он ее и БУДЕТ решать, но - иначе; он ее решит с помощью цены на нефть. Но и литовец будет решать судьбу Тюмени - с помощью ответной цены на творог. Так это же совсем другие решения! По принципиально другой логике. А национальные разборки - что они решат сами по себе? Да ничего. Маска, а под ней - еще маска...

Матрешечный эффект - вот что это такое. Из куклы под названием "СССР" выскакивает кукла под названием "Республика Литва", но и из нее норовит выскочить кукла под названием "Польский национальный район". Так почему надо остановиться именно там, где написано "Литва"? Почему Вильнюс будет решать судьбу Аукштайтии или Жемайтии? Почему "Украина", а не "Полтавщина", "Харьковщина", "Винниччина"? Почему "Грузия", а не: "Абхазия", "Аджария", "Осетия"? Почему "Россия", а не...

Русские - в самом тяжелом положении. Как мучительно стараются они почувствовать себя нацией, они - "мировой народ", носители "вселенского начала", как отчаянно подгребают под себя фольклорный реквизит: сарафаны и матрешки, как старательно перекрашивают историю Империи в национальный русский цвет, как нервически отталкиваются от евреев... и сами же подсознательно стесняются, мучаются, стыдятся своего "осознанного" антисемитизма, потому что знают: Империю строили под именами русских все, кто хотел.

И матрешки не спасают: в самый неподходящий момент выясняется, что эту игрушку завезли в Россию японцы.

И референдум не облегчил души. Тем более, что по поводу референдума в самый неподходящий момент делали замечания ехидные западные комментаторы.

По поводу замечаний Глеба Рара

Глеб Рар, обозреватель с радиостанции "Свобода", касаясь того всеобщего референдума (быть или не быть Советскому Союзу?), высказал ряд интереснейших замечаний, которые я записал по радио на слух, но за смысл сказанного ручаюсь. И за тон, который постараюсь передать поточнее. И за фактуру, то есть за используемые Раром реалии.

Глеб Рар спросил невинным и доброжелательным голосом:

- А почему в Центре уверены, что сохранять нужно именно СОВЕТСКИЙ Союз? А если первой прорвет круг тоталитаризма Россия и вырвется вперед по пути демократии, то это уже будет Союз РУССКИЙ? А если впереди окажутся украинцы, то это будет, так сказать, Русь КИЕВСКАЯ? А если тон станут задавать татары, то...

Так комментировал наши проблемы Глеб Рар, и ни один логично мыслящий человек его не оспорит, тем более теперь: логика (и динамика) предмета именно таковы. Логику Глеба Рара можно только подхватить, продолжить, попробовать перенести на предметы, ему более близкие, и на земли, ему более родные по причине дислокации радио "Свобода". Например, спросить:

- А если в Германии вырвутся вперед живущие там турки? А если арабы, заполнившие юг Франции, пойдут дальше других в деле освобождения от диктатора Парижа? А если в Англии захотят задавать тон индусы? А если в США японцы... Надеюсь, друзья в Америке оценят мою щепетильность: я молчу о неграх... но если такая выйдет безделица, что японцы купят в Калифорнии какую-нибудь радиостанцию, или телекомпанию, или киностудию... естественно, с

тем кусочком земли, на котором стоит она, - то как нам с Глебом Раром называть отныне этот кусочек: это все еще Америка или это уже Япония? И эти живущие в Калифорнии японцы к кому должны тянуться душой? К конгрессу Соединенных Штатов? Или к императору "всех японцев"?

Вы скажете: да при чем тут душа?! Есть законы, и ими все регулируются. А душу лучше оставить для домашнего употребления. Хочешь говорить дома по-японски - говори на здоровье. Хочешь по-китайски - пожалуйста. Можешь жить в Чайна-Тауне. Можешь жить в Little Italy и есть пиццу. Можешь жить в Брайтоне и слушать одесские анекдоты. Но когда тыходишь в АМЕРИКАНСКУЮ действительность: в бизнес, в политику, в федеральные сюжеты и просто в жизнь страны, - будь добр вести себя по-американски. И говорить будь добр на английском языке. Желательно - на правильном английском. С поправками на американское произношение.

По поводу языка

Язык - дело серьезное. На этом придется задержаться. Вопрос настолько важен, что иногда кажется при самоопределении наций решающим. На каком языке говоришь - на том и мыслишь, и мыслишь так, как присуще этому языку. Язык - не просто "средство общения", это концентрат опыта, код поведения, пароль культуры, шифр опознания. Можно сколько угодно отслаивать "знаки" от "ценностей", успокаивая себя тем, что слова языка всего лишь только "означают", - но когда на глазах язык из "средства" превращается в цель и даже в самоцель, а слово из "знака" - в знамя, то это реальность. Возрождение иврита у евреев, тысячелетия проживших вне своего древнего языка, забывших его, но помнивших, что они евреи, - говорит о том, что отсутствие у нации своего языка (столь часто приводимое ради опровержения этого "признака нации") есть в сущности ОЖИДАНИЕ языка. Это - "вопиющие" отсутствие. И вопиет оно не только как средство общения - больше, неизмеримо больше: как средство самореализации.

Вопрос о языке как средстве общения решается почти организационно. Как пошутил философ Мераб Мамардашвили: "Можно договориться, на каком языке общаться, как договорились в XVIII веке, что всеевропейским языком будет французский, и всем выучить".

Можно договориться, можно и выучить. Межнациональные, больше того, мировые языки как средство общения - дело удобства: какой удобнее, такой и выбирают. Была латынь. Был французский. Сейчас английский. Региональные: испанский, русский. Вот-вот на роль регионального, общеевропейского языка заявит себя немецкий. Это вопрос ситуации, вопрос соотношения факторов, вопрос реальных условий, и решается он рационально.

Однако с рациональной точки зрения совершенно непонятно, ЗАЧЕМ господу-богу на земле такое умопомрачительное количество языков. Их же тысячи! Только ради того, что любой язык, даже язык самого малочисленного народа, - непреходящая духовная ценность? Но, во-первых, ценность, увы, преходящая, ибо языки исчезают вместе с народами. И, во-вторых, если это ценность не востребуемая, "вещь в себе", то есть если никто вне данного народа его языком и его духовными ценностями не интересуется, - то что же это за ценность? А главное: всеми этими доводами не объяснить КОЛИЧЕСТВА языков. Для межнационального общения столько не нужно, даже затруднительно. Более того языки... ДРОБЯТСЯ. Английский, например, уже достигнув мирового

статуса, вместо того, чтобы сохраняться неизменно в этом почетном качестве, - отщепляет от себя версию за версией: американскую, австралийскую, индийскую... Поневоле подумаешь, что господу-богу нужно именно БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО языков, что они, по его замыслу, должны быть именно НЕСХОЖИ, что тут весь тайный замысел - в языковом ДРОБЛЕНИИ человечества.

А это дробление языков - не "рифмуется" ли с тем "дроблением наций", которое на нас надвигается?

Земля чресполосна, неоднородна, она требует разного опыта. Освоить эту землю, жить на ней можно лишь в том случае, если человечество хранит тысячи подходов, десятки тысяч вариантов опыта, сотни тысяч оттенков традиции, миллионы стереотипов мышления. Слияние, стирание - смерти подобно, а именно к нему толкает человечество мировая экономика, именно его рождает всечеловеческое общение. Чресполосье языков - ГАРАНТ НЕСЛИЯННОСТИ, система барьеров ПРОТИВ СТИРАНИЯ человечества в однородный порошок. Хитрость господ?... примем ее смиренно; отдадим переводчикам их хлеб; а теперь оставим эту таинственную сферу, едва очертив ее. Ибо тайна языка и тайна нации не только не объясняют, но даже и утемняют друг друга, уходя в одну и ту же бытийную неизреченность, - отойдем осторожно от края этой пропасти и попробуем вернуться к тому, что можно объяснить: к ЗЕМНОМУ аспекту национальной проблемы. Есть UNGRUND - бездна, и есть GRUND - земля, на которой сидим и о которой, собственно, так яростно и спорим на "дванадцати языках".

Ungrund неизречим, но по поводу grun, а кое-что объяснить можно.

По поводу земли и ее исконности

Итак, вернувшись к Глебу Рару, попробуем по его примеру всмотреться в то, как один народ "вырывается вперед" на фоне "другого народа", - всмотримся в этот процесс на микроуровне и, так сказать, промоделируем все с нуля.

Вот середина России. На заброшенные, пустующие, разоренные (кем? чем? ну, скажем так: коллективизацией, войной и нашей бесхозяйственностью), втуне лежащие, бурьяном зарастающие русские земли приезжает... ну, допустим, бригада строителей из республики... Гушании. Чтобы не обижать людей, я беру народ, вымышленный писателем Семеном Липкиным для его повести "Декада". Но хоть народ вымышлен, да ситуация реальна, и вы можете подставить сюда любое другое имя. Ну, гушаны так гушаны. Итак, их ВЕРБУЮТ строить в России дорогу. Они едут и строят. Живут около той дороги, а потом около другой, а потом и остаются совсем: отстраивают себе постоянный поселок на пустующей земле. Выписывают себе жен - из Гушании. Рожают детей - гушан, естественно. Поселок ширится, дети растут. Нужен детский садик, в котором будут говорить по-гушански. Нужна школа - учиться, тоже по-гушански. Нужно издательство - печатать гушанскую газету. Ни на одной ступени этого эскалатора вы не имеете права сказать людям "нет". Потому что в пределах страны человек, во-первых, имеет право жить, где он хочет, и, во-вторых, имеет право оставаться собой, то есть хранить и развивать свою культуру. Так что когда в гушанском поселке посреди России образуется местный совет, то это тоже абсолютно законно и логично. И когда эта самая гушанская местная власть требует себе культурной автономии, - ни у кого нет оснований ей в этой автономии отказывать.

Попробуйте теперь сдвинуть этих гушанов с места. Попросите их прочь,

чтобы построить на этом месте ГЭС, АЭС или еще что-нибудь "общесоюзное". Они скажут: извините, это НАША ЗЕМЛЯ.

Так завязывался узел, кровавый и нераспутываемый. Как только к слову "земля" прибавлялся эпитет "наша", - так являются боевики. Южная Осетия - земля исконно грузинская, а также осетинская. Нагорный Карабах - земля исконно армянская, но и исконно азербайджанская. Палестина - земля исконно турецкая, а также исконно арабская, а также исконно еврейская. Жаль, не осталось там наследников Иерихона, который евреи разрушили, - те были бы еще "исконнее". Еще бы обезьян пригласить - вот уж исконнее кого нет.

Вопросы для дальнейших размышлений:

- Возникнет ли вся эта цепь неразрешимостей, если вовремя САМИМ строить на своей земле дороги?

- Может ли называться НАШЕЙ земля, которая У НАС заброшена и пустует?

- В тот момент, когда вы признали право японца приехать в Калифорнию и купить там кусочек земли, - должны ли вы логически признать тем самым его право строить там кусочек Японии?

- Когда говорится: "моя земля", что имеется в виду? Чья - "моя"? Кто владеет землей? Личность? Нация?

Тут - центр проблемы.

По поводу центра

Нет, я имею в виду не тот Центр, который в политических уравнениях эпохи перестройки обычно противопоставлялся краям и республикам.

Я имею в виду Центр нашей духовной ситуации, центр, от которого разлетаются к краям эмоции, - подспудный центр тяжести народной жизни и прежде всего - некую ключевую фигуру современной реальности.

Ключевая фигура - человек, зависший между городом и деревней, живущий в поселке, который только что переименован в город. Или вот-вот будет переименован. По сути это все та же деревня, с одним уточнением: это деревня, НЕ ЖЕЛАЮЩАЯ БЫТЬ ДЕРЕВНЕЙ. Если это уже "город", то обитает его житель, скорее всего, в "общаге", или в коммуналке, или имеет "полдома" при "полугороде" - нечто, от больших угодий оторванное, нечто "без корней", промежуточное, перекладное, пересыльное.

Ключевая фигура - человек, живущий на пересыльном пункте между деревней, из которой он бежит, и городом, куда он стремится. Если он все-таки "зацепляется" в городе, то, как правило, вливается в огромную массу "лимитчиков". Если остается в деревне, то тоже на время. Ему хочется сбежать: с фермы на усадьбу, с усадьбы на центральную усадьбу, оттуда в райцентр и т.д., куда достанет сил. Продолжается описанное Ключевским набегание волн от краев к центру. Края человека не держат, земля не держит - он с нее бежит, бежит в центр, в кучу, в очередь, в "мир", в люди. А кто остается на земле - все равно остается не на своем "кусочке", а - в колхозе, в совхозе, в общей массе, "на миру".

Ключевая фигура - это странник, гуляка, бегун, беглец, бомж, переселенец, сезонник.

Два категорических императива определяют традиционную русскую психологию: охота к перемене мест и житье всем миром.

Не надо, впрочем, думать, что это специфически русская или исконно

русская психология. Она у русских ВЫРАБОТАЛАСЬ опять-таки по ходу и в результате их роли, и она, эта психология, захватывает и подчиняет себе всякого, в том числе и нерусского, попадающего в наш котел.

Правильнее сказать, что эта психология ненациональна, и что нет более пестрой этнической массы, чем лимитчики, вечные мигранты, шабашники, участники "великих строек", - чем вся эта гигантская масса, шатающаяся по гигантской стране. Что же до национальной принадлежности такой фигуры, то это только удобный признак (хотя и имеющий опору в реальности), что ключевая фигура, "серединный" человек в центре пестрого этнохоровода, ассоциируется у нас с человеком РУССКИМ. Ибо в нашей ситуации обрусевает любой.

Он весь соткан из противоречий - этот психологический тип. Он неустойчив и вместе с тем консервативен; в нем есть двузначное долготерпение и неуправляемая возбудимость; он одновременно послушен и агрессивен ("агрессивно-послушное большинство" - назвал представителей этой массы один левый парламентарий).

Он невероятно предприимчив, наш "центральный характер". Изворотлив, лукав, хитер, живуч, находчив, но - в ситуации быта. В вопросах глобальных он невероятно доверчив, даже легковверен. Он жизнестоек в ситуации глобальной безопасности, в ситуации фундаментальной защищенности и обеспеченности, недаром слова "обеспеченность" и "беспечность" в русском языке - почти близнецы, и недаром, по наблюдению славянофилов, перепоручает наш человек все государственно-практические вопросы "царю-батюшке", а сам остается в духовно-комфортной невесомости. Он и живуч в этой невесомости, он в себе уверен, когда прикрыт "миром", "толпой", "системой". Но стоит этому человеку оказаться в одиночестве - и он теряется, делается непредсказуем и опасен. Он не выносит индивидуального стресса, индивидуального риска, индивидуальной ответственности, он не выносит личной неопределенности, зато в строю и в потоке может двигаться с закрытыми глазами.

Он социалистичен по инстинкту. Это он, наш "центральный", центроустремительный характер, вынес на своем горбу, выстроил в огромной стране социализм, и смешно думать, будто строй этот был навязан или залетел к нам в сознание с запада в виде заразной болезни. Не случись этого самого социализма, не сочлились он на западной религиозно-философской (иудео-христианской основе, - наш человек выткал бы себе нечто подобное на другой основе, и на восточной даже скорее, чем на западной, потому что этот строй оказался удобен для удержания гигантских пространств и для сбережения тайных жизненных сил на протяжении необозримых поколений. В сущности, этот наш социализм есть победа азиатского консерватизма над европейским динамизмом в лоне так называемой русской души, а внутренняя предрасположенность азиатскому способу самосохранения коренится в самой российской реальности, в глубинных, подсознательно ощущаемых горизонтах ее, эта реальность ждет посева и лежит, готовая к нему, задолго до того, как ветром с запада наносит марксистские семена на наш лес и на нашу степь.

Да, русский человек склонен к социализму, то есть к такому управлению орудиями и средствами производства, когда нет немедленной возмездия за ошибку, когда спасение в крайней ситуации обеспечено человеку за счет того, что беда распределится на всех поровну.

Эта система "общей ответственности" уходит корнями в русскую общину, которая держала людей на плаву в ситуации непрерывной опасности, когда не было ни естественных границ, ни естественных гарантий выживания; то есть

когда пять лет подряд нет урожая, а если он и есть, то в любую секунду его могут отнять оголодавшие или ограбленные соседи.

Да, русский человек - непрерывный мигрант, "перекати-поле", вечно-вербованный, вечно-временный. Но эта "временность" воистину вечна, она уходит корнями в русское странничество, в русское скитальчество, в бродячий, бродяжий, бродящий фермент, единственно дававший ощущение единства на разбросанной, пестрой, едва связанной, грозящей распасться земле.

Да, русский человек агрессивен, хоть и отходчив. Потому что он по вековому опыту и укладу - казак, воин. Он веками жил на земле, которую не успевал осваивать, - он ее едва успевал захватывать и защищать.

Может быть, поэтому и не оставалось у такого человека сил на выработку развитой "серединной" культуры. А все-таки ВЫСШУЮ культуру - русскую культуру мирового звучания - он выкормил, вынес, выдержал. Сам, оставаясь в полудикости, подпер собой дворянский слой, и в этом слое, среди игры, творческого досуга, дуэлей чести, свободных романов и легкого, но серьезного чтения смог появиться Пушкин.

Не надо думать, что эпоха, давшая миру великую русскую культуру, была счастливой: напротив, она была полна невыносимой боли, неизбывного трагизма, и это очень скоро сказалось.

И вот теперь, когда СКАЗАЛОСЬ, - иссяк, обессилел, надорвался наш "серединный" человек, тот, который держал на себе и кормил всю гигантскую империю и ее великую культуру.

Чтобы выйти из катастрофической ситуации, надо "браться за дело", надо "приблизиться вплотную" к вещам и орудиям, надо ужесточать ответственность, выводя ее прямо на индивида.

Надо брать собственность.

Не берет ее наш человек.

Когда возмущенные колхозники из чувства зависти поджигают хозяйство фермера, вторгшегося в их привычную жизнь ("не приняли его люди"), когда рэкетеры "курочат" предпринимателя, причем рэкетеры эти вербуются из той же среды "кооператоров", но - неудачников ("а этот лучше нас хотел жить"), - то тут звенья одной цепи. В народе нет готовности к личной ответственности. Человек не хочет брать ее на себя.

Когда женщина рождает ребенка от кого пришлось, а отца у него нет: либо гуляет, либо пьет, либо шабашничает, либо в бегах, либо сидит в тюрьме (тюрьма у нас в народе - не РАЗРЫВ жизни, а ВАРИАНТ жизни), и когда женщина, чтобы свести концы с концами, идет служить в контору, вливаясь в тот самый слой бюрократии, от которого стоном стонет страна (русская бюрократия, особенно низовая, состоит сейчас, говорят, почти повально из женщин), и в этой конторе оказывается женщина "при деле", но ничего не делает или халтурит, то и это звенья той же цепи. Нет семьи как очага личной ответственности. Вместо дома - "мир".

Когда воруют все, то это уже не воровство, а образ жизни. Воровство как понятие имеет смысл рядом с понятием собственности. Но когда нет понятия собственности, воровство не осознается как воровство. Индивидуальности нет. "Единица вздор, единица ноль". Все - всехнее: земля и все на ней.

Вот мы и подходим к последнему узлу нашей проблематики. Ходом мирового экономического развития диктуется необходимость брать вещи покрепче в руки: брать землю, брать то, что на ней выстроено, и должно работать.

"Единица" - брать не хочет.

И тогда берет - нация. Национальность.

Нациобесие начинается там, где зияет вакуум личной инициативы. Национализм есть гиперкомпенсация индивида, не умеющего себя ни с чем идентифицировать. Чем больше страх индивидуальной ответственности, тем сильнее инстинкт: спастись "всем миром". Было время, когда весь мир назывался "класс". Теперь классы, отряды и прочие линнеевские категории не работают. Вся безумная от незакрепленности энергия устремляется в новое русло - в "нацию".

Так создается система обратной связи, обратно пропорциональной зависимости. Тот, кто не хочет брать землю лично, берет ее "национально".

Единственный вариант, при котором брезжит разрешение межнациональной тяжбы за землю, - это если эту землю возьмут конкретные люди. Личности.

"Национальный вопрос" не столько разрешится тогда, сколько снимется. Он отодвинется, ослабнет, перейдет в сферу чисто культурную, чисто духовную. Где ему и место.

Вряд ли, впрочем, драматизм исчезнет и при таком решении вопроса. Трагедия человеческого существования, неизречимая тайна бытия найдет себе очередные псевдонимы.

Может быть, в грядущих близких поколениях, когда литовцы, наконец, "отобьются" от поляков, молдаване от гагаузов, осетины от грузин, армяне от азербайджанцев, а все они вместе - от русских, а русские - от них всех (и от самих себя), - тогда-то и обнаружится в новых, национально разгороженных, этнически очищенных клеточках бытия все те же разрывающие человека силы. Не под имперскими знаменами, так под национальными, не под красными, так под трехцветными разных колеров.

И интеллигенты опять будут мучиться над тем, как смягчить, очеловечить эти новые конфликты. С кем идти, куда вести, кого возглавлять и во имя чего?

Интеллигент по определению обречен на роль герцога Брауншвейгского, и дай бог, чтобы муки его хоть чем-нибудь увенчались.

4.2. СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО КРАЖА?

Социальная структура нашего общества стала похожа на Дворцовую площадь. Под разговоры о "среднем классе" исчезли даже его зародыши. Наверное 99% населения России могут только кормить и от силы одеть семьи. Ни о каких покупках движимости-недвижимости эти люди и не мечтают - хорошо хоть родительское не продают... Итак, 99% тех, кто "только ест", и 1% тех, кто их ест, - невероятно разжиревших богачей. Как раньше между народом и "слугами народа", так сегодня между бедняками и богачами нет почти ничего общего, никаких плавных переходных ступеней. Эти люди живут в двух разных странах. Да, ровная, плоская Дворцовая площадь, а посередине задранный прямо вверх, в небо столб - вот модель нашей социальной структуры.

Конечно, богачом надо считать не того, чья квартира и машина стоят свыше миллиона рублей. Вообще, считать деньги в разгар инфляции - что считать капли дождя в разгар ливня. Богачи - это владельцы (совладельцы) крупных, быстро растущих фирм. Когда идет столь бурный рост, важен не наличный капитал, а потенциал, перспективы. Кто же эти люди?

Хотя издательство "Рэкетир" и не публикует списков, фамилии Боровой, Стерлигов, Теняков, Туманов, Атальянц у всех на слуху. Можно вспомнить еще десяток. Ну и, понятно, "Иоанн Креститель нашего бизнеса - без вести пропавший Артем Тарасов. Никак не входившие в номенклатуру, не бывшие и "крестными отцами" мафии, вроде бы "зауряд интеллигенты" (иные и без высшего образования обошлись), они за два-три года новой эпохи стали ее символами, миллионерами.

Означает ли это реальную смену господствующего класса?

Кто был - тот и остался

Да, списков миллионеров у нас нет. Но уверен - если бы были, в них бы значились, в основном, все-таки не вчерашние инженеры, научные сотрудники и не даже официанты и продавцы. Для того, чтобы понять, что главные миллионеры - это вчерашняя партийно-хозяйственно-торговая номенклатура, не нужно проводить мудреные опросы. Стоит только вслушаться в слова "мирная революция".

Отнятие собственности и власти мирным не бывает. Если бы она теряла все, номенклатура дралась бы за свое насмерть. Дралась бы. Но - не дралась же!

Правильно. Не дралась - потому, что незачем. Номенклатура осталась собственницей и властительницей. В этом смысле "путч" крайне показателен. Основная номенклатура, "широкие номенклатурные массы" не поддержали товарищей пуго-крюков. За семь лет "перестройки" свалилась лишь давно перезревшая верхушка партийно-государственной номенклатуры. Им на смену вышел второй эшелон. "И наши внуки в добрый час из мира вытеснят и нас". Перестроились ряды номенклатуры. Вот в чем был социальный смысл "перестройки". Месяца не потерпели бы эти люди Горбачева, с его общечеловеческим нобелевским мышлением, если бы для них эта политика была всерьез опасна. Но перестройка для большинства (вспомните принцип "демократического большинства") номенклатуры была не только не опасна - была спасительна.

Бедняжка номенклатура выстрадала капитализм. Свой, монополюбно-номенклатурный капитализм, высшую и последнюю стадию социализма - социализм с человеческим лицом. Раньше конкретных хозяев не было. Отныне у хозяев появляется "морда лица". Им надоело изображать приказчика при отсутствующем хозяине, быть "управляющим" ничейного казенного имущества. Термидор, буржуазное перерождение коммунистических чиновников, о котором вопил Троцкий еще в 20-е годы ("За спиной крайних аппаратчиков стоит оживающая внутренняя буржуазия. За ее спиной - мировая буржуазия")¹, наконец-то триумфально свершился. Коммунизм разгромлен коммунистами. Они разбили скорлупу коммунизма и растащили осколки по карманам. Великая номенклатурная мечта о приватизации, о разделе госсобственности "между собой" стала реальностью.

Поэтому столь комично смотрелась "борьба с номенклатурой" в 1988-1989 г. Меня уже тогда поражало - кто борется "за рынок" и с кем! Валерия Новодворская, которая всю жизнь - что при социализме, что при капитализме - жила и будет жить, как птичка небесная, эта Новодворская требовала: "Рынка!" А номенклатурные коммунистические бароны сопротивлялись рынку, морщились, "как пьяница пред чаркою вина"... На миллионных митингах братья-демократы гневно кричали на миллионеров-номенклатурщиков. Что же кричали? "Из наших хозяев-феодалов немедленно становитесь нашими хозяевами-капиталистами - а то мы вас в порошок сотрем!". Нет, кричали, помнится, не это - да выкричали себе ровно то самое!

И вот антикоммунистическая народно-буржуазная революция триумфально завершилась. Сухой стручок отпал и опустился во двор "Матросской тишины". "А" упало, "Б" пропало - кто остался?

"Все неясное стало ясным. Множество людей с веревочными усиками и королевскими бородами (на митингах, в редакциях и парламентах. - Л.Р.)... внезапно посыпались в сторону, и на передний план, круша всех и вся, выдвинулось безглазое ветчинное рыло с пшеничными бровями и глубокими ефрейторскими складками на щеках"². Прошу прощения за "ветчинное рыло" - с классиками не спорят. Но вот, однако же, любопытно! Информация, с которой начинается проспект любой западной фирмы - сведения о составе правления и о совете директоров, - у нас скрывается тщательнее, чем технология ядерного оружия. Почему бы это?

Господствующий класс остался - по крайней мере в массе своей - господствующим. Он осуществил за семь лет интеллигентского шумного трепачества свою тихую, положительную, скромную работу - фактически приватизировал госсобственность, эту бывшую корпоративную собственность всей номенклатуры. "Крот истории" тихонько рыл-рыл и прорыл, а ныне, степенно отряхиваясь, выползает на поверхность. Номенклатурный крот советской истории. Разумеется, отчасти номенклатура потеснилась в пользу своих племянников Стерлиговых, но это лишь рябь на поверхности. В главном господствующий класс остался прежний. Забавный символ: журнал "Партийная жизнь" переименован в "Деловую жизнь". Что ж - номенклатурщики никогда не были "Фрайерами" (это мы с вами), всегда были "деловыми", "в законе". С другой стороны, поскреби нашу "деловую жизнь", и вылезет из-под нее старая партийная закваска. В общем все понятно: за такой короткий срок, если нет крутой резни, если идет

¹ Коммунистическая оппозиция в СССР. Т.4. С.222. Бенсон, 1988.

² И.Ильф, Е.Петров. Золотой теленок. Тула, 1965. С.195-196.

эволюционный процесс, господствующие классы не могут уйти. Добрых сто с лишним лет - весь XIX век и начало XX - в Европе шло великое перемешивание господствующих классов, возникновение буржуазии. И, конечно, крупные феодалы (а именно бюрократическими феодалами и можно считать господ высших коммунистов) частью влились в ряды высшей буржуазии, частью разорились и т.д. Но до сих пор приставки "фон" или "де" не редкость, когда звучат фамилии крупнейших западных бизнесменов. Да и в России крупная буржуазия начала века во многом состояла из дворян и высших чиновников (Путилов, Вышнеградский, Тимирязев и др.).

Жванецкий ошибся

Да, не чьи-то "программы" и идеи определяют нашу жизнь, а баланс социальных сил. Решающей силой была и осталась номенклатура. Уточним: номенклатура, которая боится народа. Вот так и идут реформы: как выгодно номенклатуре, оглядывающейся на народ. Что же - все хорошо? Мирно, уродливо, органично - так, как только и может быть не в идеале, а в совке. Все хорошо - и какое кому собачье дело, "чем вы занимались до 17 года"? Когда я сажусь в такси, меня что волнует - биография, партийность, национальность водителя или его умение руль крутить?

Но - ерунда какая-то! Миллионеров до черта, а не производят ни черта! Миллионеры богатеют, страна разоряется. Ученые объясняют: только богатые люди могут сделать страну богатой. Убедительно, но ведь что я вижу: они лезут по мачте выше и выше, отпихивая друг друга, - а корабль, со всеми его мачтами, погружается в воду все больше и больше...

Причем это не обывательское мнение. Святослав Федоров: "Потому у нас столько бирж и развелось, что это самый легкий и примитивный путь к обогащению за чужой счет. Ничего не производя, грести огромные деньги в свою кубышку... Это спекулянты, которые государственные товары сплавляют по драконовской цене"¹.

Да, с первого дня так и повелось: в огромном большинстве не производят те капиталисты, коих так трогательно защищает свободомыслящая пресса и "Советская Россия", а просто разворовывают и перепродают. Тут есть два аспекта: моральный и материальный.

В моральном плане мы все бессознательно (и тем более глубоко) впитали идею справедливости, идею соответствия затраченного труда и дохода. Как это соответствие определить, всегда не понятно, но кроме рынка (да, я купил мандарины за 20, а продаю за 200. Ну и что?) есть еще какой-то интуитивный критерий.

Когда я узнаю, что сняв телефонную трубку и проурчав в нее пару слов, наш российский Рокфеллер заработал столько, сколько я не получу за 500 лет труда, а моя бабушка за 50 лет безупречного идеального честного и, безусловно, нужнейшего людям труда (детский врач!) скопила 5 тысяч рублей, что равно доходу брокера за 2-3 часа спекуляции... Н-да... Ничего, ничего... Я спокоен, спокоен...

Однако это так - эмоции. И под водительством бывших членов ЦК коммунистов (тт. Тюлькин и Косолапов) я не пойду громить других членов того же ЦК, ставших капиталистами, не об этом же речь... Это, ребята, ваши партийные

¹Куранты. 16.01.1992.

дела, сами разбирайтесь друг с другом. Всем известно - "нет правды на земле, но правды нет и выше". Хоть я и не Сальери, но и мне это ясно "как простая гамма". И так, Бог с ним, моральным аспектом. Воруют, набивают карманы, но где же результат-то всех этих бирж, торговых домов, концернов и ассоциаций? Не только результата нет, но и движения к нему не видно.

Так мы возвратились к главному - материальному аспекту. "Все воруют - а страна богатеет", - сказал когда-то Жванецкий. Но ведь нет же этого! Все воруют, а страна, как ни странно, только разворовывается, от осины почему-то никак не родятся апельсины...

In God we trust

Так почему же столь непроизводителен (пока что непроизводителен) наш "ублюдочный капитализм"? Почему номенклатура и "примкнувшие к ней" нувориши показывают себя такими горе-хозяевами? Чего нам не хватает, чтобы выйти на широкую капиталистическую дорогу?

Конечно, одним ответом тут не отделаешься. Но я выношу за скобки собственно технические и экономические проблемы. Остановлюсь лишь на одном, собственно человеческом, морально-этическом аспекте. Беда буржуазии в том, что ее основные представители - стихийные марксисты. Нет, никакого Маркса эти спекулянты сроду не читали (будь они номенклатурщиками или вчерашними диссидентами), а если кто и читал, то уж никак не руководствуются текстами классика. Дело не в этом, а в том, что наши миллионеры точно так же ничего не поняли в капитализме, как и автор "Капитала".

Как известно, Маркс писал, что "буржуазия разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она... оставила между людьми только одну связь - голый интерес, бессердечный чистоган". Она утопила в ледяной воде эгоистического расчета священный порыв набожной мечтательности... лишила ореола святости все роды деятельности, которые считались до сих пор почетными... превратила врача, юриста, священника, поэта, человека науки в своих платных наемных работников"¹.

Похоже на нашу жизнь, не правда ли? Похоже. Но вот одно не похоже что-то: "Только она (буржуазия. - Л.Р.) впервые показала, что может создать человеческая деятельность"². Рано, конечно судить, но даже намеков нет, что наша буржуазия что-то такое сильно замечательное создаст. Да и вообще - абсурд же! Кого на самом деле под словом "буржуазия" так здорово описывает Маркс? Да попросту - бандитов. Их единственная цель - деньги любым способом. Ясно, что самый короткий, самый рациональный путь - спекуляция и воровство.

Вот эти идеи точно соответствуют привычкам наших номенклатурщиков, специалистов по получению взяток и наших торговцев, специалистов по вручению взяток. Перекачка ничьей госсобственности в свой карман - вот и весь бизнес. Бизнес-паразит, бизнес-вор. И не случайно, то и дело мы читаем в газете о кооператорах-рэкетирах, грабящих (в прямом, а не в фигуральном смысле слова!) других кооператоров. Банд-группа под названием "малое предприятие"... Пока все логично.

¹Маркс К., Энгельс Ф. Избранные произведения. Т.1. М., 1935. С.154-155.

²Там же. С.155.

Но откуда же другая фраза Маркса, что вот эти-то "романтики с большой дороги" впервые показали человечеству "что может создать человеческая деятельность"? В какой же сфере - в области работы ножа и топора, наверное?

Маркс лишь вынужденно констатирует факт. Уже в XIX веке на Западе капиталисты неслыханно обогатили свои страны, создали процветание, невиданное раньше в истории, действительно впервые показали, что такое человеческая деятельность. Как же это вышло? Почему отдельный капиталист, если он стремится только к прибыли (а это, несомненно, именно так) не делит, а умножает, не ворует, а производит? Ведь это же безумно хлопотно, трудно, ненадежно... Вот - вопрос вопросов. Зачем капиталисту производить?

Конечно, можно сказать: если все станут красть, то скоро и воровать будет нечего (что нам, кажется, предстоит проверить). Но отдельный капиталист не думает "за всю Одессу". Он просто ворует. И другие тоже. "Все воруют, а страна...". Н-да, вот именно. Но "у них" же это не так!

Нет, воля ваша, - чего-то не понял наш классик-с, между двумя его полужениями - пропасть. В эту самую пропасть и сползает наш капиталист, волоча за собой всех нас. И кто им, этим "буржуям второй свежести", вообще внушил, что они капиталисты? Ребята вас впервые в жизни, но зато круто обманули!

Конечно, сегодня на Западе у капиталиста выбора нет: начнешь воровать и тебе крышка. Это у нас - свобода, а у них-то жесткая система. Принимай правила или падай в корзину мусора. Осознанная необходимость быть честным. Но - это уже развитый капитализм. Для нас же актуально другое: с чего все это начинается, как происходит первоначальное-то накопление?

А вы возьмите американскую и нашу икону, квинтэссенцию капитализма - доллар. На нем написано: "In God we trust". Это что же значит? "Прибыль - любой ценой"? О, нет. Переводится так: "На бога мы уповаем".

И вот немецкий социолог Макс Вебер, обобщая историю капитализма, написал книгу (известную в мире не меньше, чем "Капитал") - "Протестантская этика и дух капитализма". Название говорит само за себя. Он задается вопросом: что движет капиталистом, что движет капитализм, что является спецификой капитализма? Жадность, погоня за деньгами, за прибылью, как считает Маркс и мы? Но "безудержное, свободное от каких бы то ни было норм приобретение существовало на протяжении всего исторического развития; оно возникло повсюду, где для него складывались благоприятные условия"¹. Ни царь Лидии Крез, ни скупой рыцарь, ни пират не были капиталистами не только по характеру "производственных отношений", принятых в их эпоху, но и по своей психологии, по своему духу. Наоборот, "повсеместное господство абсолютной беззастенчивости... в деле добывания денег не было... характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются "отсталыми" по западноевропейским масштабам"². И верно: как мы не любим сицилийскую мафию, беззастенчивую в деле добывания денег, а ведь ее остров - отсталый район, по сравнению с тем же севером Италии, где такой мафии нет...

Вебер подчеркнул давно известный, в общем-то факт: капитализм - явление духовное, явление культуры (как и любой иной строй, конечно). Особенно ранний капитализм - потому-то он и смог выделиться из разбоя и стать сверхмощной производительной силой, что был тесно связан с религией, имел

¹ Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С.78.

² Там же. С.79.

очень четкие этические границы. Капитализм удачнее развился в странах, исповедовавших протестантскую религию (Англия, Голландия, США). Там нравственным идеалом считался "кредитоспособный добропорядочный человек, долг которого рассматривать приумножение своего капитала как самоцель". Обогащение любыми способами ради "кайфа" - (идеал Остапа Бендера) - сказал Остап. - Там внутри есть все: пальмы, девушки, голубые экспрессы, синее море, белый пароход, мало поношенный смокинг, лакей-японец, собственный бильярд, платиновые зубы, целые носки, обеды на чистом животном масле и, главное... слава и власть, которую дают деньги"¹. Вот - такая человеческая, близкая нам всем (американцам тоже не чуждая, уверяю вас!) идеология чистого потребления. Но не ею руководствуются те капиталисты, которые создали и двигают вперед "общество потребления". Не она господствовала в холодном пуританском обществе в суровых сектах мормонов, у наивных квакеров Новой Англии - среди тех чудаков, которые создали чудо, именуемое Капитализмом, вокруг которого мы вьемся, как нищий, отощальный кот вокруг чужой горячей каши.

А может, самое важное - бескорыстие злато мания, готовность "за три целковых на Васильевский остров ползком доползти"? "Ведь теперь их всех такая жажда обуяла, так их разнимает на деньги, что они словно одурели". Нет, мы уже говорили: голая жадность порождает не производство, а грабеж, в крайнем случае - спекуляцию.

"В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог". Так начинается все в цивилизации - и капитализм не исключение. In God we trust. Капитализм начался не с дикой жажды обогащения - ради себя, или обогащения - ради обогащения, а с иррационального, религиозного почитания труда и богатства, как вещей угодных Богу, составляющих не личное дело человека, а его долг и призвание.

Вот несколько цитат из английских теологов XVIII века: "Мы обязаны призывать христиан к тому, чтобы они наживали столько, сколько можно, и сберегали все, что можно, то есть стремились к богатству"². "Не для утех плоти и грешных радостей, но для Бога следует вам трудиться и богатеть"³. А вот знаменитая американская секта мормонов: "Однако ленивый или нерадивый не может быть христианином и спастись. Его удел - погибель и он будет выброшен из улья"⁴. Из улья... Прелесть какая!

Однако это не было просто тихое трудолюбие. Нет, тут была действительно фаустовски-неистовая, неостановимая ("время - деньги"), созидательная деятельность ради обогащения перевернувшая весь мир. Человек должен, работая, добывать деньги, но и деньги обязаны не лежать, не тратиться на удовольствия, а работать, делать деньги. Но только потому это обогащение одних не обернулось бессмысленным разорением друг друга (или переливанием из пустого в порожнее), а привело к накоплению общего чудовищного богатства, что оно контролировалось и направлялось надындивидуальными религиозными этическими нормами. Как пишет Вебер, "самому предпринимателю такого типа богатство "ничего не дает", разве что иррациональное ощущение хорошо исполненного долга в рамках своего призвания"⁵. С религиозной

¹ Золотой теленок. С. 143.

² Вебер. С.201.

³ Там же. С. 191

⁴ Там же. С.267.

⁵ Там же. С.90.

монашеской страстью они занимались своим бизнесом. Они не расписывали морального кодекса строителя капитализма - с этих христиан хватало и 10 заповедей. Дело было только в том, что они соблюдали эти заповеди и потому строили не "цивилизованный" (неверное слово), христиански-протестантский бизнес. Так начинался капитализм. А затем сознательно религиозные убеждения перешли в законы бизнеса, в традицию, в стереотип культуры и определяют поведение вполне нерелигиозных бизнесменов (которых, кстати, все же меньшинство и сегодня). Если первый камень лег ровно, то и все здание будет прочным.

Конечно, капитализм - не специфически англо-американское явление. Он не признает национальных границ, как таблица умножения. Вроде бы и созерцательный буддизм (Южная Корея, Япония) оказался не худшей питательной средой для бешеного роста капитализма, чем протестантизм. Бурно развился капитализм и в странах католической религии. Но, во-первых, выше речь шла лишь о становлении капитализма, о рельсах, по которым он дальше покатится, о генофонде капитализма, который дальше будет воспроизводиться, об образце, которому будут подражать. И, во-вторых, во всех религиях есть нечто общее. Это, прежде всего, ограничения эгоистических желаний, "беспредела", почитание традиций, уважение к трудолюбию. Вот эти простейшие на словах, сложнейшие на деле (кстати, рационально недоказуемые) постулаты и являются необходимым этическим условием "строительства светлого капиталистического будущего".

Дилемма Раскольников

Формирование "капиталистического сознания" было штукой трудной. Точнее всех эти трудности описал Достоевский.

Все помнят одного из самых отвратительных героев "Преступления и наказания" - П.П.Лужина. Гнусный тип, как только могла Дунечка... Бр-р-р... Однако же, господа, дело вот в чем: Достоевскому Лужин противен именно своей "капиталистичностью". Лужин - настоящий идеолог капитализма. Вот послушайте его: "Наука же говорит: возлюби, прежде всех, одного себя, ибо все на свете на личном интересе основано. Возлюбишь одного себя, то и дела свои обделаешь как следует и кафтан твой останется цел. Экономическая же правда прибавляет, что тем более в обществе устроенных частных дел и, так сказать, целых кафтанов, тем более для него твердых оснований и тем более устраивается в нем и общее дело. Стало быть, приобретая единственно и исключительно себе, я именно тем самым приобретаю как бы и всем и веду к тому, чтобы ближний получил несколько больше рваного кафтана, и уже не от частных, единичных щедрот, а вследствие всеобщего преуспевания"¹.

А ведь не так-то он прост, этот подлец Лужин, а? Ну, мысли-то он излагает А.Смита. "Чем государство богатеет?" А вот чем - эгоистической, индивидуальной деятельностью своих членов. Каждый за себя - один Бог за всех. Но этот один Бог так устраивает, что в обществе, где каждый работает на себя, и всем хорошо! А ведь верно - любой американец дал себе труд родиться американцем и одним простым этим актом, благодаря общему богатству его чертовой Америки, достиг того, чего советский человек не добьется, хоть из кожи он вылезит вон! В известном фильме "Валерий Чкалов" наш прославленный герой

¹Достоевский Ф.М. Собр.соч.,т.5. М., С.156.

с улыбкой широкого социалистического превосходства говорит наивному американскому репортеру: "На меня работают 150 миллионов человек, а я работаю на них! Вот так и живем в СССР! Американец и рот открыл... Непонятно, чему он так-то уж изумился: ведь как раз в его Америке это именно так. Каждый, приобретая лично себе, увеличивает и общее богатство общества, "работает на всех". Он только об этом не кричит, не думает, не принимает встречные планы... Он думает о себе, работает на себя - а увеличивает богатство своей Америки и каждого американца. А вот у нас, увы, эдак не получилось... Слишком много нас заставляли думать обо всех, работать на 150 миллионов и надеяться не на себя, а на 150 миллионов человек... Результат известен...

В этой же фразе Лужин насмерть бьет и всех "друзей народа" и всех воюющих с ними социал-демократов. Вы, господа, печетесь о народе? Отлично-с. Так не зовите Русь к топору, вернее, зовите - чтобы строить, а не разрушать. Пусть каждый мужик думает о себе - оно вернее будет-с. Пожалуй, эдак, не печась об "общем-то деле", страна скорее пойдет в гору. Не надо делить, пусть каждый умножает свое - и всем поболее достанется.

Ай, да Лужин, ай да сукин сын! Прав шельма, прав...

Но Раскольников бьет его насмерть.

Вспомните: дальше, натурально, заходит разговор об убийстве старухи-процентщицы. Лужин поражается: как же это интеллигентный человек (ибо мужики не закладывают золотых вещей) - и топором?! Нехорошо-с...

Вот тут-то и вступает Раскольников. "Да об чем вы хлопчете? - неожиданно вмешался Раскольников. - По вашей же вышло теории!

- Как так по моей теории?

- А доведите до последствий, что вы давеча проповедовали, и выйдет, что людей можно резать..."¹.

А действительно, если довести до последствий - что же выйдет? Да все то же. Я хочу чего? Обогащения. Для кого? Лично для себя. Ну - топор в руки и пошел "дровосекствовать" в узких улочках Петербурга... Оно конечно, от такого моего обогащения "общего богатства" не прибудет - ну, да и черт с ним совсем! Я же не о нем пекусь.

Описав полный круг вернулись в исходную точку - зачем производить, пока кто-то еще производит топоры и финки? (Кстати, заметим, что Раскольников вольно или невольно выступает тут как раз учеником Лужина, как бы "доводит до последствия" его идеи). Что же возражает Лужин?

"На все есть мера, - высокомерно продолжал Лужин, - экономическая идея еще не есть приглашение к убийству, и если только предположите..."².

Достоевский, естественно, представляет слова Лужина как жалкий, лицемерный, ханжеский треп. "На все есть мера...". Ничтожная попытка обойти логический таран, которым его вдребезги разбил Раскольников!

Однако Достоевский же много раз писал, что самое чуждое и ненавистное русскому человеку - это чувство формы, чувство меры, спасительное ханжество, если угодно. Ну, если уж нет у тебя глубокого религиозного чувства, которое говорит "обогащайся для Бога, для исполнения своего предназначения в сей юдоли страданий, обогащайся лично, но только средствами, угодными Богу", если нет такого чувства, то пусть будет хоть ограничитель, чувство меры. Нет у нас этого чувства. Все - или ничего. Или - не думать о личной выгоде,

¹ Там же. С. 159

² Там же. С. 159

или - топором и точка! Так рассудил Раскольников. Разумихин же и более простую причину разбоя приводит: "Деловитость приобретается трудно, а с неба даром не слетает. А мы чуть не двести лет от всякого дела отучены...", "... на даровщинку, поскорей, без труда! На всем готовом привыкли жить, на чужих помочах ходить, жеваное есть. Ну, а пробил час великий, тут всяк и объявился, чем смотрит..."¹. Так же точно говорит и Раскольников: "А тебе бы сразу весь капитал?"

Он странно посмотрел на нее.

- Да, весь капитал, - твердо отвечал он, помолчав"².

И Остап Бендер: "Мне нужно пятьсот тысяч. И по возможности сразу, а не частями.

- Может, все-таки возьмете частями? - спросил мстительный Балаганов.

Остап внимательно посмотрел на собеседника и совершенно серьезно ответил:

- Я бы взял частями. Но мне нужно сразу"³.

Ну, что тут скажешь... Ну, где же взять "сразу"? Или за игорным столом или в чужой тумбочке, это ясно...

Вот вам российский капитализм - капитализм сильно жадного Обломова. А все разговоры о "норме", "мере", "так сказать, нравственности" - к черту эту жвачку для умственно отсталых! А вот совсем уж грубая характеристика русского "буржуа", которую дал Салтыков-Щедрин: "Повторяю: это совсем не тот буржуа, которому удалось неслыханным трудолюбием и пристальным изучением профессии (хотя и не без участия кровопивства) завоевать себе положение в обществе; это просто праздный, невежественный и притом ленивейший забулдыга, которому благодаря слепой случайности удалось уйти от каторги и затем слопать кишасные вокруг него массы "рохлей", "ротозеев" и "дураков"⁴.

Конечно, душа не приемлет такого обращения к О.Бендеру ("...я, знаете, не финансист. Я - свободный художник и холодный философ"), тем более к "студенту Р.Р.Раскольникову". Но вообще-то Салтыкову было на месте виднее - таковы, видно, и впрямь были массы русских буржуа, занятых личным обогащением, невзирая на "меру" и "норму".

Как же, однако, так здорово шел в гору русский капитализм?

Во-первых, вопреки мифам наших дней, он шел не так бурно. Нельзя развитие 5-6 лет начала века экстраполировать на весь век и говорить, что мы бы и догнали и перегнали Америку.

Во-вторых, дело спасали миллионы мужиков, мелких ремесленников, руководствовавшихся "дикими", "патриархальными", "косными" правилами. У них была привычка вкалывать - ничего не поделаешь.

В-третьих - влияние западного капитала.

В-четвертых - "русские пуритане", староверы. Не Раскольниковы, а раскольники составляют цвет и опору купечества. У них были очень сильны именно нравственные, религиозные начала, цивилизовавшие их бизнес.

Впрочем, что было - то прошло. А что же сегодня?

¹ Там же. С.33.

² Там же. С.33.

³ Золотой теленок. С.24.

⁴ Салтыков-Щедрин М.Е. Избранные произведения. М., 1965. С.445-446.

Эпилог

Сегодня у нас начинает строиться "атеистический" посткоммунистический капитализм. Камень, который у них лег во главу угла, презрели наши строители. У них 10 заповедей. У нас одна, но зато какая! "Все позволено" (а от того, что позовут священника "освятить открытие биржи", суть не изменится). У них - священная частная собственность (не моя, а - его). У нас - "собственность - кража". Немногие наши дельцы слышали эту формулу великого Прудона, но они ее исповедуют всем своим существом... И как могло быть иначе, когда ничья госсобственность молила: укради меня! Мы вообразили, что Обломову достаточно выучиться красть, чтобы стать заправским капиталистом.

Атеистический капитализм! Поистине - мы опять идем самобытным путем. Капитализма нет еще - а рэкета больше, чем в Америке. Да и как иначе? "Банкир плодит бандита" - таковы уж наши банкиры. Рэкет навязывает свои правила бизнесу. Конечно, есть и у нас бизнесмены с западной, "протестантской" этикой. Они могут быть и атеистами, не в этом суть. Эти люди с "монашеским" истовым отношением не к деньгам, а к своему Делу, трудоманы, как их называют. На них - вся надежда России. Люди безукоризненно точные и честные, осуществляющие свое Призвание (пусть они и не говорят столь пышных слов и не могут точно обозначить, в чем это Призвание состоит). Но все дело в том, что они не задают тон в нашем бизнесе (как и в западном бизнесе прудпруды бандитов и хищников - но они не задают там тон). А важно лишь одно - кто определяет правила игры, кто к кому приспособливается, что считается нормой, а что - патологией.

"Не стоит село без праведника", - этими словами закончил один рассказ Солженицын. Бизнес тоже без праведников превращается в простое воровство. Но "праведность", "религиозная этика" в бизнесе не могут быть насажены - они должны развиваться органически, изнутри. До тех пор, пока этого не произойдет, у нас не начнется здоровый, производительный капитализм, а будет продолжаться смердящее разложение "совка".

4.3. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ АСКЕЗИС

Исследование предпринимательского этоса и соответствующих ценностно-нормативных ожиданий заключается, собственно говоря, в решении двух задач. Требуется, во-первых, отграничить "предпринимательство" от "непредпринимательства" и выработать нечто вроде идеального типа; во-вторых, поместить найденный специфицирующий признак предпринимательского этоса во вселенную "объясняющих" измерений, чтобы посмотреть на его сопряженность, например, с "производительными силами", национально-этнической аффилиацией, конфессиональными убеждениями, брахоцефалией, авантюрными наклонностями, сексуальной депривацией... Ведь речь идет о "вселенной" переменных, где методически легитимны любые сопряженности, если они правильны формально. Некоторые из упомянутых сопряженностей подробно изучены и служат отличительным признаком тематических ограждений в науке и даже "школ", другие кажутся экзотическими. Последнее не означает меньшей "научности" объясняющих гипотез. Вполне может оказаться, что распространение рыночных отношений и так называемой "цивилизации" есть не более чем симптом нарастающего господства "круглоголовых", которые к тому же живут стаями. Эта безумная и отвратительная гипотеза еще не проверялась, хотя она может стать нетривиальным обобщением идеи о взаимосвязи протестантской этики и духа капитализма.

Предпринимательская деятельность идентифицируется обычно по сфере и способам получения дохода. Таким образом, рыночный торговец и биржевой спекулянт (это слово не имеет здесь никакого оценочного смысла) считаются по преимуществу предпринимателями, тогда как доцент марксистско-ленинской философии являет, по крайней мере, своим собирательным образом, антипредпринимательский синдром. Социологическое исследование вынуждено исходить из подобных предположений, и только затем для них создаются необходимые концептуальные орнаменты. Здесь не учитывается, что предпринимательский этос склонен являть себя в видимостях, которые, как известно, светят отраженным светом. Как все подлинное, предпринимательская "лошадность" не любит обнаруживать себя кому ни попадя и старательно прячется от нескромного социологического анализа и грязных лап. Делается это примерно так же, как сделал знаменитый витебский ребе Мендель, приехав к своему учителю Иакову-Иосефу без шляпы, в башмаках с серебряными пряжками и длинной трубкой в зубах. Народ обомлел, когда увидел, во что он одет. Тем не менее, раввины долго беседовали. Затем, когда изумленные евреи спросили Иосефа, что он думает о выходке Менделя, тот ответил: так рабби Мендель в куче золы заносчивости укрыл смирение духа, чтобы силы зла не могли коснуться его.

Отсюда следует, что предпринимательский этос - нечто иное, чем вид занятий, благосостояние или даже некий синдром, обозначаемый фразеологизмом "продувная рожа". Речь идет о некоем латентном измерении, образующем специфическую оптику и модус соотношения с миром. Этот модус основан на рационализации индивидуального существования, подчинении своей жизни планомерному стремлению-заданию, а своих действий - постоянному самоконтролю и проверке их этической значимости. Такой метод рационального жизненного поведения М.Вебер называет аскезой, совершая рискованную транспозицию богословского понятия в контекст мирского служения.

Этимология древнегреческого слова "аскезис" имеет мало общего с рас-

пространенными представлениями о добровольных лишениях и жертвах, уходе от мирских радостей, фанатическом самоистязании и суровости. Более всего аскезис ассоциируется с "умерщвлением" плоти, что могло бы быть совершенно правильно, если бы это не было всем известно. Первоначально "аскезис" означал искусство обработки грубых материалов, в частности, выделку шкур, и, помимо всего прочего, образ жизни атлетов, которые обязаны не допускать ничего вредного для себя и систематически упражнять свои силы, необходимые для состязания и борьбы на арене. Смысл аскезиса полагается здесь как отказ от некоторых сторон существования как вредных, причем отказ адресован все-му, что не способствует упражнению сил атлета. У философов стоической школы "аскезис" употребляется уже применительно к упражнению в добродетели и воздержанности - эта способность человека также требует немало умения и самовоспитания. То же самое верно для упражнения в науках, врачевании и философии: имеется в виду труд посвящения себя какому-либо делу, профессия и призвание. По свидетельству Григория Богослова, аскетические упражнения практиковались эллинскими философами, знавшими, что любовь к мудрости - весьма многотрудное дело. Атлетическое состязание выступает у Апостола Павла аналогией христианского подвижничества: "Не знаете ли, что бегущие на ристалище бегут все, но один получает награду? Так бегите, чтобы получить. Все подвижники воздерживаются от всего: те для получения венца тленного, а мы - нетленного. И потому я бегу не так, как на неверное, бьюсь не так, чтобы только бить воздух; но усмиряю тело мое, дабы проповедуя другим, самому не остаться недостойным" (I Кор. 9, 24-27). Удивительна кристальная отчетливость, с коей явлен Апостолом смысл аскетического подвижничества христианина.

Христианская богословская традиция значительно расширила и изменила значение термина, связав его с монашеским служением - аскетизм с определенным временем, особенно в католической церкви, отождествлялся с отказом от собственности и безбрачием. В самом общем виде под аскетизмом понимается планомерное употребление, сознательное применение целесообразных средств для приобретения христианской добродетели, для достижения религиозно-нравственного совершенства (С.В.Зарин). При этом указывается на техническую сторону христианского совершенствования, так как его главным деятелем является высшее теологическое начало - благодать Святого Духа. Сам по себе аскезис, как и любые усилия, не одухотворенные Божественным промыслом, может оказаться бесплодным. Этот смысловой момент является принципиальным при рассмотрении предпринимательской аскезы.

На первый взгляд, обращение к аскетическому подвижничеству имеет мало общего с рыночной деятельностью, однако и в том, и в другом случаях речь идет об исполнении дисциплинарного обетования и организации своего жизненного служения свободно от внешних - детерминирующих - обстоятельств. В этом отношении аскеза равнозначна подвижничеству, разрывающему цепь причинно-следственной принужденности; аскет зависит только от своего служения, но не от внешних обстоятельств. Предпринимательство и отвергаемое протестантизмом монашество аскетичны в том смысле, что требуют от индивида сознательного отказа от следования склонности к удовольствию. Превращение аскезы в метод рационального жизненного поведения создает постоянную напряженность между естественной стороной жизни и призванием личности. Поскольку аскеза являет собой рационализацию пути к личному спасению, самый важный вопрос заключается в определении того, что полагается

в качестве "естественного" и греховного; иными словами, что подлежит отказу. Мы выяснили, что христианская аскеза вовсе не считала необходимым "умерщвление плоти". Светлая, радостная аскеза Святого Франциска - не исключение из обычной аскетической практики католицизма. Деятельная, осмысленная просветленная жизнь оставалась целью даже для святого, ориентированного на загробное блаженство. М.Вебер отмечает, что именно поэтому его посюстороннее существование было строго рационализировано и заполнено единственным стремлением - приумножить славу Господню на земле. Таким образом, уже нельзя определить область аскетического преодоления как область сугубо "мирского". Внутри мирского осуществляется напряженный выбор пути, и христианин обязан "входить узкими вратами" в каждый момент своего земного существования, создавая своим религиозным трудом свободу от вынужденных действий. Что есть греховное и неприемлемое - решается уже исходя из методических соображений. Собственно говоря, и сам вопрос формулируется иначе: не *что*, а *как*. В этом принципиальное отличие сакральной этической регуляции от мирской. Например, иудейский Закон предписывает максимально регламентированную топикку социального действия, где вся методическая аргументация не идет дальше ссылки на Тору или Галаху. Иудею необходимо лишь знать, что можно, а что нельзя для того, чтобы следовать верным путем. Ритуальная этика гарантирует безошибочность поступка, и аскеза здесь возможна лишь как следование предписанию, не предполагая ни выбора, ни, тем более, подвижничества. Иное дело - христианский этос, выродившийся со времени "похорон Бога" (М.Харрингтон) в техническую цивилизацию. Смысл жизненной программы личности зависит здесь от мотивированного выбора, и греховное - предмет аскетического отказа - возникает как методическая проекция веры на "непригодный" для дела материал. Противостояние "хорошего" и "плохого" развертывается уже в естественной жизни, и аскеза становится равнодушной к своему предметному содержанию. Реформаторское "расколдование" мира одновременно означает и превращение его в дом молитвы, ведь "труд - наша молитва". И, самое примечательное, трансформация и обмирщение христианской аскезы предуготовили нравственно-этическое пространство для универсального обращения ценностей, где все можно, лишь бы это делалось правильно и методично - добропорядочно. Здесь аскетическая доктрина переходит в тотальное осмысление жизни как делового предприятия, и актер-хозяин получает возможность самостоятельно оценивать степень его успешности.

Удивителен метаморфоз христианского идеала в этосе предпринимательства. Методическая рациональность деловой аскезы, сохраняя формальную напряженность в противостоянии греховному, "переворачивает" это соотношение: смыслообразующим принципом мирской аскезы становится *техника накопительства* - то, что из веку осуждалось христианской догматикой как самая омерзительная из плотских страстей. Она обладает бездонной ненасытностью, никогда не успокаивается, а, напротив, только разжигается успехом в приобретении имущества. По словам Иоанна Кассиана, свойство этой страсти таково, что душе, однажды плененной ею, она не позволяет соблюдать никакого правила честности и не дает насытиться никаким увеличением прибыли. Эта страсть неистова, потому что не насыщается никакой мерой. "Любостыжательность" рассматривалась в патриотической литературе как происходящая "не из природы, а от воли". Исаак Сирий связывает "любостыжательность" с "приобретением чего бы то ни было такого, к чему привязана воля", т.е. с порабощением души. Но наступает такой исторический момент, когда неистовство

приобретательства рационализируется и принимает вид аскезы, нетерпимой к естественному в человеческой жизни. Личные качества (Бенджамин Франклин называет честность, бережливость, прилежание) становятся требованиями предприятия - деловой машинерии, независимой от личного выбора и воли действующего здесь субъекта. Предприниматель не вправе распоряжаться даже своей волей и лишь реагирует с большей или меньшей степенью мастерства на изменения ситуации. Поэтому деятельная природа мирской аскезы, столь настойчиво акцентируемая Максом Вебером и противопоставляемая им созерцательному поведению мистика, реализующего в миру свое религиозное инкогнито, оказывается в значительной степени видимостью. "Аскет" просто вынужден быть деятельным, но ни структура, ни цели, ни мотивы его деятельности не подчинены свободной созерцающей воле. Аскеза означает в данном случае не более чем деловитость в осуществлении своей цели личного спасения и имеет по преимуществу формальный характер. Формальный характер аскетических пуританских предписаний проясняет, например, неприятие театра, эротики, искусства, развлечений: они не подчинены технической целесообразности и, вместе с другими "наслаждениями", иррациональны. Особенно очевидно этот формально-технический элемент пуританской аскезы явлен в запрете "потребительства": богатство и деньги предназначены для приумножения богатства и денег. В этом отношении этос предпринимательства обнаруживает крайние степени аскетического ригоризма и самоограничения. Напряженность положена в функциональном предназначении денег: они могут быть растрчены "впустую" для получения "наслаждений", и тем самым свершится зло; они же могут использоваться для наживы, и это дело будет богоугодным. Таким образом, аскеза принимает форму предпринимательской бережливости, неутомимого, систематического профессионального труда для достижения богатства - свидетельства Божьего благословения (М.Вебер). Жизнь подчиняется ценностно-рациональной калькуляции. Именно в аскетической калькуляции заключается существенное отличие утилитарной этики Бентама-Милля от предпринимательского протестантского ригоризма у Вебера. В первом случае критерий оптимального жизненного поведения формируется на основе результатов выбора "максимального блага" в жизненной игре, где все зависит от внешних обстоятельств и социальное равновесие за счет способности индивидов к разумному эгоизму; при этом каждый стремится урвать себе как можно больше, хотя и боится ближнего, зная его намерения. Во втором случае результат достигается следованием императиву нравственного долга и важен лишь постольку, поскольку подтверждает правильность избранного пути к спасению. Вполне понятно, что аскеза, как этический принцип и "понимающая" конструкция, возможна лишь в веберовской, но не в миллевской схеме. В системе "приспособительного" поведения аскеза не могла быть ничем иным, как сознательным проигрышем и отказом от борьбы за место у кормушки, - некоей разновидностью социальной патологии, "пережитком" средневековья, в конце концов, юродством. Прогрессистское воззрение на жизнь, основанное на идее борьбы за существование, превратило аскетическую установку в антиобщественное явление. Аскетизм стал трактоваться интеллигентной публикой как "вредный для жизни общественной" (Скабичевский), и, действительно, отказ от "удовольствий" в период всестороннего удовлетворения потребностей под знаком социального прогресса представлял немалую общественную опасность. Мы можем видеть, что аскеза, как следование внутреннему императиву долга, выступает критерием, скажем, интерналистского предпринимательского этоса, противо-

стоящего стимульно-реактивному "приспособлению".

Но все же независимость этой аскезы от "среды" не стоит переоценивать. Она остается мирским служением и возможна лишь в мире, лишенном сакральных ценностей, - расколдованном и поддающемся целенаправленному преобразованию. Сама аскеза становится здесь расколдованной и в меру деловой, потому что лишена зависимости от высшего метафизического начала. В расколдованном мире теряет свой сакральный смысл и, вероятно, самое бытие *стыд* - основа аскезы и ее внутреннее витальное чувство, многожды описанное в святоотеческой литературе. Испытание стыдом - отделение и обособление духовной жизни человека от материальной - дает возможность не только отстраниться от зла, но и оправдывает этические нормы добра высшим божественным волением (Вл.С.Соловьев). Здесь наличествует неукоснительность "страха и трепета", но нет бесконечной дурной функциональности, оправдывающей поведение человека его значением для "другого": ролевыми предписаниями и ожиданиями. Если смысл социального действия - его функция, то все нефункциональное становится бессмысленным, а функциональное, напротив, приобретает фиктивный смысл договоренности. Если бы бога не было, его следовало бы выдумать, и его выдумали - нового социологического бога. Выдумали и принципы морали. В анти-утилитаристской "общественно-договорной" теории справедливости Джона Ролса стыд квалифицируется как сожаление об утраченном самоуважении - небольшая потеря для делового человека. Такой стыд мог бы испытывать и участник тараканьих бегов в Константинополе.

Линдон Джонсон однажды назвал американцев нацией верующих ("Nation of Believers"). Мартин Марти нашел смысловую оппозицию этой формуле и озаглавил свою книгу о религиозности американцев "Нация поведенцев" - пожалуй, так лучше всего перевести филологическую инновацию "Nation of Behavers". М.Мартин имеет в виду превращение религии из веры в образ жизни и поведение - процесс, который был обозначен Вебером как "расколдование мира". Им, "поведенцам", в принципе наплевать, во что ты веришь и веришь ли ты вообще, - главное, вести себя так, как требуют правила. За этим процессом стоят не просто похороны Бога и формирование гражданской религии - внеконфессиональной религии, безразличной к "догме". Устранившись от мира, деистический просвещенческий Бог оставил человека самому себе и дал ему свободу превратиться в совокупность поведенческих реакций, - в "человека дела". Вне сомнения, здесь же возник и "новый человек" - не выдуманный в лабораториях бихевиористов, а самый настоящий "поведенец", который не бытийствует в жизненном мире, а потребляет его и ведет себя так, как ему нужно. Следовательно, основной вопрос предпринимательского этоса: что ему нужно? Существенно не только то, как решается этот вопрос, но и то, кем он решается. Мировоззренческая революция Нового времени состояла помимо всего прочего в том, что прерогатива выбора принадлежала уже скептически настроенному индивиду, готовому подвергнуть критике любой социальный институт. Разумеется, традиционные институты, основанные на харизматических ценностях, никакой критики не выдерживали. В один прекрасный день в мире что-то сломалось: слова Марьи Кирилловны Троекуровой: "Поздно, Дубровский, - я жена князя Вереяского" - свидетельствуют отныне лишь о том, что она дура и придает излишнее значение десакрализованным социальным установлениям. Таинства становятся пережитками, и отсюда как раз и начинается деловая этика. Бог не исчезает, а умирает - отживший свое время мастер механики и геомет-

рии. Эта способность воспринимать сакральное чрезвычайно важна для понимания предпринимательской аскезы: если монах отказывается от общения с миром для того, чтобы обрести чистый божественный опыт, то деловой "аскет" отрешается от всего нефункционального, в том числе от стыда, предрассудков власти и устройства "града земного", таинств, бесполезных догматов и самого Бога, если, разумеется, деловой скептический разум оценит их как малообоснованные. В этом отношении Америка явила миру эталоны новой религиозности. Микаэл Харрингтон замечает, что религия в этой стране всегда была в миллю шириной и в дюйм глубиной, всепроникающей, но не очень существенной. Общественность была более озабочена моралью, чем догмами - это увидел и Макс Вебер, сказавший, что принадлежность к церкви в Америке гарантирует добропорядочность бизнесмена и его надежность в коммерческих сделках. Во всем этом проглядывает какая-то странная парадоксальность протестантской цивилизованности. Пушкин начинает свой обзор "Записок Джона Теннера" с мощного проникновения по ту сторону прогресса Северо-Американских Штатов: "Америка спокойно совершает свое поприще, донныне безопасная и цветущая, сильная миром, упроченным ей географическим ее положением, гордая своими учреждениями. Но несколько глубоких умов в недавнее время занялись исследованием нравов и постановлений американских, и их наблюдения возбудили снова вопросы, которые полагали давно уже решенными (имеется в виду исследование американской демократии А. де Токвилем. - Г.Б.). Уважение к сему новому народу и его уложению, плоду новейшего просвещения, сильно поколебалось. С изумлением увидели демократию в ее отвратительном цинизме, в ее жестоких предрассудках, в ее нестерпимом тиранстве. Все благородное, бескорыстное, все возвышающее душу человеческую - подавлено неумолимым эгоизмом и страстию к довольству (comfort); большинство, нагло притесняющее общество; рабство негров посреди образованности и свободы; родословные гонения в народе, не имеющем дворянства; со стороны избирателей алчность и зависть; со стороны управляющих робость и подобострастие; талант, из уважения к равенству, принужденный к добровольному остракизму; богач, надевший оборванный кафтан, дабы на улице не оскорбить надменной нищеты, им втайне презираемой: такова картина Американских Штатов, недавно выставленная перед нами". Пушкинское описание напоминает невыносимые оппозиции в 66-м сонете Шекспира ("Зову я смерть"), и сама внутренняя противоположенность демократического предпринимательского этоса (ее даже можно считать "диалектичностью") не случайна и вытекает из технического равнодушия к содержанию происходящего в мире. Созданная протестантской этикой предпринимательская аскеза осуществляет отказ и от "наслаждений", и от "трансценденций", поскольку и те, и другие не соответствуют рационально-технической оптике и функциональному модусу жизни. Аскет становится техническим "актером", культивирующим свой метод и себя в этом методе, отвергая все, что не поддается методической обработке. Отсюда вытекает также и видимая толерантность рассматриваемого этоса: можно верить в любого бога, обязательна лишь сама вера. Национальность, пол, возраст, политические убеждения, размер обуви уже безразличны для участия в социальном взаимодействии. Требуется чистое действие, и сам субъект отождествляется со своей ролью в каждый данный момент. Создается универсальное техническое пространство, в котором все подлежит калькуляции, в том числе моральные оценки, свидетельствующие о надежности "актера" и знании им правил мирского служения. В записной книжке делового аскета Бенджамина

Франклина было перечислено 13 добродетелей (воздержание, молчание, порядок, решительность, бережливость...), и ежедневно он фиксировал нарушения посредством черной точки. Распространенные в XVIII веке пуританские дневники-самоотчеты греховности столь благочестивы, что не могут не вызывать ощущения мелкого паскудства. Такого рода организованность немислима для самого сурового монашеского подвижничества не потому, что схимник не считает своих грехов, а потому, что сама калькуляция прегрешений не имеет значения для спасения. В протестантской же этике бухгалтерский учет является необходимым элементом технически правильных и надежных отношений с богом.

Стоит особо отметить одну существенную черту предпринимательской этики, точнее, оптики, связанную с вытеснением из оценочного субъекта качественных признаков и замещением их количественными измерениями - величина выдается здесь за величие. Исчерпывающая оценка личности формулируется в данной оптике указанием ее "стоимости": доход и престиж обнаруживают довольно значимую корреляцию во всех развитых "рыночных" обществах. Пожалуй, Зомбарт прав в том, что для обозначения высшего успеха здесь применяется критерий "рекорда" - весь двадцатый век устремлен к рекордам: в тираже, в скорости, в силе, во всем, к чему может быть применен "рейтинг", а рейтинг может быть применен ко всему, кроме вещей, заведомо пустых и неизмеряемых. Так возникает всеобщая бухгалтерия-мировоззрение, где все, не выразимое в калькуляционных процедурах, считается (опять - считается!) несуществующим или по крайней мере принадлежащим к области "вещей в себе!". В этом отношении идеальную эпистемическую модель предпринимательского этоса являет социологическая методология, которая оперирует языком переменных и не может выйти из своего удобного дома. Так же и предприниматель вынужден жить в скалькулированном мире, отвлекаясь от которого, он перестает быть предпринимателем. Помимо всего прочего это означает, что его предпринимательская аскеза - не просто рационализация жизни, но способ дистанцирования от всего неисчисляемого и метафизического.

Не искушенный в философии человек имеет право спросить: если предпринимательский дух основан на аскетической рационализации труда и деловой самоотверженности, откуда же берутся проходимцы, количество коих нельзя признать незначительным? Веберовская трактовка предпринимательского духа содержит четкий ответ на этот вопрос: речь идет об идеальном типе предпринимательства, построенном правильно и дистанцирование от возможных ситуативных aberrаций; хищничество, обман, насилие воспринимаются в данном контексте как "имеющие место", но несущественные для духа капитализма. Действительно, императивы капиталистического предпринимательства в полном соответствии с требованием неокантианской этики должны обладать свойством всеобщего закона и таким законом выступает в веберовской концепции легитимность социального действия: хищничество, обман и насилие приобретают в предпринимательской практике легитимную форму и становятся приемлемыми в формально-методическом плане, то есть технически эффективными и допустимыми. В.Зомбарт формулирует легитимные принципы предпринимательства, не уклоняясь от отнесения их к "отрицательным" ценностям. Его высказывания стоят того, чтобы воспроизвести их в оригинальном виде: а) абсолютная рационализация; б) чистое производство; в) покупателя отыскивают и нападают на него... Излишне распространяться о том, - пишет Зомбарт, - что ни с чем не считающееся преследование этой цели должно уничтожить

всякое чувство благопристойности, вкуса, приличия и достоинства; г) наивысшее возможное удешевление производства; д) свобода локтей - возможность делать или не делать то, что считают необходимым в интересе дела... хотя бы иметь право убить конкуренцией всякого другого, если того требует собственный интерес. Эти принципы являются одновременно и деловыми, и моральными, поскольку деловая мораль предполагает максимальную эффективность использования всех средств для осуществления собственной целерациональной задачи. Оправдание такого рода индивидуального добра-блага основано на чувстве стыда за свой проигрыш в конкурентном "забеге". Поскольку это конкурентности предполагает формальное равенство в борьбе за успех, победитель оказывается и самым добродетельным. История предпринимательства насыщена эталонами добродетели, представленными в жизнеописаниях Г.Форда, Э.Карнеги, Г.Гугенхайма, Э.Гарримана, Дж.Рокфеллера. Последний, по свидетельству современника, "умел с почти наивным отсутствием способности с чем-либо считаться перескочить через всякую моральную преграду". О соотношении морали и капиталистического накопления написано немало. Лучше всего это получалось у Маркса, сказавшего, что нет таких преступлений, которые не совершил бы капитал из 300-процентной нормы прибыли. Он не учитывал главного: моральные и иные личностные качества предпринимателей имеют весьма опосредованное отношение к их же предпринимательской этике. Деловая этика предполагает отрешение от моральных ценностей наряду с прочими "трансценденциями".

Итак, принимая веберовское воззрение на идеальный тип предпринимательства как на аскетическое служение в расколдованном мире, мы вместе с тем должны отдавать отчет в существовании некоего противоречия, заложенного в технической природе аскезы и ее отстранении от цели. Цель здесь оправдывается средствами, а задача делового предприятия - процессом решения самой задачи. В своей инструментальной замкнутости мирское служение не автономно, поскольку средство никогда не обладает достоинством самодостаточности, но привязано к своему предмету. Поэтому сверхзадача, которую решал Вебер, сверхзадача, заключающаяся в возвышении гипотетического императива склонности до этики долга, обречена на то, чтобы остаться сверхзадачей. Мирской аскет, претендуя на автономию свободной воли, остается внутренне несвободным и сохраняет свою "разорванную" природу уже в обстоятельствах вседозволенности, сопровождающих процесс обращения ценностей. Категорический императив не утрачивает при этом видимости всеобщего законоположения, но, по сути, его значение не выходит за рамки "морального затруднения", которое деловой аскет вынужден преодолевать (и довольно умело преодолевает). Технически это осуществляется путем отнесения императива к другому лицу, но еще более совершенно отчетливым и недвусмысленным отделением морального суждения от правовых норм, подкрепленных полицейскими и судебными санкциями.

Тот факт, что на страже нормативной системы "гражданского общества" стоят судья и полицейский, не означает, что этический императив, основанный на автономии свободной воли, приобретает статус общепризнанной легитимации долга. Напротив, кодифицированные нормы добропорядочного поведения, нисколько не утрачивая декламационного морализаторского пафоса, тихо изменяют автономной воле, которая прекрасно знает подлинные мотивы деяний мирского аскета. Автономная воля, наблюдая процесс этой измены, уходит в сферу моральной рефлексии "Я", становится совестью. Ей неловко вмешиваться

ваться в ход спектакля, где ее роль уже расписана в соответствии с замыслом режиссуры. (Предположим, в Тюменском драматическом театре идет пьеса "Деловые люди". Эти люди прекрасно изображаются опытными актерами, осуществляющими свое деловое призвание среди великолепных декораций. Пространство спектакля образуется суровой природой Сибири, напряженным трудом нефтяников при переходе к рыночной экономике, перспективами товарно-сырьевой биржи, "Тойотами" на заднем плане. И - вдруг - на сцену проникает аутентичный предприниматель (не актер) и начинает резать правду-матку в полном соответствии с императивом долга. Спектакль ломается, кто-то лезет в драку, зрители требуют деньги назад. Понятно, что аутентичная добрая воля должна убраться со сцены и, вообще, как можно реже показываться в деловом "бомонде".) Она должна принять схиму и удалиться от расколдованного мира. Так домом свободной воли становится личное самосознание.

На симпозиуме "Макс Вебер и современность" (Москва, март-апрель 1990 г.) Вольфганг Шлюхтер сказал, что "Протестантскую этику" можно читать и как исторический анализ возникновения той этики, которую Кант сформулировал философски. К этому можно добавить, что "Протестантская этика" показывает и преодоление этики Канта в некоем избирательном средстве с неокантианским стремлением понять Канта, выйдя за его пределы. Мирская предпринимательская аскеза преодолевает автономию свободной воли и ее независимость от успеха тем, что успех оказывается необходимым как подтверждение осмысленности аскетического служения. Можно форсировать этот аргумент и немного переиначить евангельское наставление в духе протестантской этики: "Если вы будете искать Царства Божия, то остальное приложится вам". А если нет? Такого рода инверсия приводит к заключению, что свободная воля к добру имеет единственную возможность существования: принять свое аскетическое отрешение от мира. Деловой же аскезе остается преобразовывать мир в соответствии со своей технической сверхзадачей и компенсировать отсутствие созерцательного проникновения в замысел бытия энтузиастическим порывом. Носителем такого порыва становится аскет - "хомо фабер", рассматривающий мир как "окружающую действительность", материал для перестройки.

В своем "Введении в историю христианской теологии" Уильям Плейчер замечает, что именно сдвиг в месте религии, а не изменения в какой-либо конфессиональной доктрине, превратил период, называемый Просвещением, в один из водоразделов в истории христианского мировоззрения. Это было время великого религиозного возрождения, но мир уже воспринимался иначе, чем в Средневековье и даже в период Реформации. Тогда считали, что жизнь дается людям лишь потому, что она включена в движение божественной деятельности. Ныне же человек стал полагать, что Бог существует потому, что включен в движение его человеческой жизни либо как рациональный наставник по части морального поведения, либо как причина обращения в веру. Центр мироздания переместился от Бога к людям и на смену "религии откровения" пришла "естественная религия", требующая не подчинения авторитету, а разумного познания законов устройства мира, скепсиса и, в конце концов, дела.

Чудо, тайна и авторитет не выдержали энтузиазма деловых людей. Вообще, понятие энтузиазма чрезвычайно существенно для установления синдрома предпринимательства и деловой аскезы. В своем исходном смысле энтузиазм означает сверхъестественную одержимость, способность слышать "голоса" и угадывать небесные знамения. В XVIII веке "энтузиазм" еще продолжал сохранять неприличный оттенок и разумные умеренные люди старались дер-

жаться подалее от энтузиастов. Тем не менее, традиционная религия подверглась атаке, прежде всего со стороны энтузиастов. Личное энтузиастическое общение с Христом и вера "сердцем" были противопоставлены интеллектуализму и созерцательности традиционного христианства. Эта линия завершилась Просвещением, усмотревшим свою задачу в критике существующих общественных институтов, дабы показать их неразумность и противоестественность. Новые деловые люди требовали, чтобы эти институты и весь старый порядок были заменены новым порядком, более разумным, естественным и, следовательно, необходимым. И завершение создания нового порядка было демонстрацией эффективности и правомерности этого мероприятия. Эрнст Кассирер делает поразительное наблюдение: вечные истины разума были постепенно изжиты критическим энтузиазмом и XVIII век понимал разум уже не как устойчивую систему ясных и самоочевидных истин, а

как вид энергии, которая получает свою полную осмысленность лишь в действии и результате. Этот величайший мировоззренческий сдвиг оказался созвучным энергетическому импульсу делового подвижничества: мирская аскеза превратилась в рациональный инструмент технического преобразования мира энтузиастами, - по своей сути одержимыми и бесшабашными, хотя весьма уверенными в своей деловитости. Созданная деловыми людьми техническая цивилизация отныне являла собой грандиозное рационально организованное социологическое предприятие, предназначенное для осуществления все тех же энтузиастических целей. Работа этого предприятия осуществлялась под знаком непрестанного отрицания "статус-кво" и выхода за пределы достигнутого. Это объясняется отчасти тем, что импульс энтузиаста всегда направлен на новые возможности и самая действительность предстает в деловом мыслительном пространстве такой, какой она может быть. То, что есть, считается здесь преодоленным и несуществующим - все уверены, что время уничтожает прошлое. А настоящее - фактический порядок - научно изучается для того, чтобы выяснить, как преодолеть его (Ирвинг Цейтлин). В этом отношении импульс социалистического революционаризма в его оголтелой и мягкой версиях является прямым продолжением энтузиастической деловой аскезы. С этого же импульса возникли секты и партии, вносящие сознание в практику переустройства мира. Знаменитая формула - "Философы лишь различным образом объясняли мир, но дело заключается в том, чтобы изменить его", - проясняет сверхзадачу указанного "дела".

Таким образом, мы имеем возможность указать на источник возникновения предпринимательского этоса - атакующий дух энтузиастического революционаризма, а также на особенности "нового класса" - деловых людей, взламывающих традиционные институциональные и нормативные структуры. Благодаря "Вишневному саду" мы хорошо представляем невозполнимость утраты метафизических ценностей, ради которых он, собственно говоря, и существует, - в них нашел последнее прибежище тихий аристократический дух, поддерживаемый преданностью старого слуги, не признавшего свободу. Деловой человек Лопехин не знает этих смыслов, зато знает, что сад может приносить доход. Здесь нет даже позиционного конфликта, потому что сами правила деловой игры обрекают вишневый сад на умирание. Аскет и нигилист Евгений Базаров вынужден умереть, чтобы преодолеть свое "научное" служение и войти в жизнь бесконечную. Архетипика такого исхода воспроизводится всегда и везде, где только энергичный предпринимательский дух берется за дело. Суть "дела" не сводится к внешним формам хозяйственной деятельности, в частности, к

капиталистическому типу оперирования стоимостями. Зомбарт обозначает их как "хозяйственное тело" и отличает от душевных свойств и функций, сопровождающих хозяйствование, - "хозяйственной души". Нетрудно догадаться, от чего зависит характер-этнос хозяйственного организма. Характер предпринимателя определяется настроением его души - это тривиальное влечет за собой вопрос о психологических типах предпринимателей (речь идет, конечно, не о поведенческих реакциях, а о "гештальтах").

Совершенно очевидно, что величина богатства не является необходимым и достаточным типом предпринимательства. Богатство можно сколотить путем грабежа и разбоя, надувательства, в результате получения наследства, отыскания клада или выигрыша в карты. Под деловым предпринимательством имеется в виду нечто иное: рациональная легитимная деятельность, направленная на воспроизводство стоимости. Такая деятельность может быть связана с обращением капитала, но может ограничиваться продажей индивидуального труда. Тем не менее деловое предпринимательство и соответствующий ему этнос возникают из внеэкономических и, как правило, нелегитимных форм экономической деятельности. Общеизвестна, например, роль морского разбоя в формировании капиталистического хозяйства Европы, наложившая свой отпечаток на личные качества предпринимателей XVI-XVIII веков. Исключительное значение для всех времен и народов, создающих рыночный уклад жизни, имеют страсть к дальним странствиям и приключениям, авантюризм и необремененность хорошими манерами. Такой тип личности есть основания обозначить как "авантюрный".

Значение авантюризма в становлении предпринимательского этноса не следует преувеличивать, поскольку в любом типе общественной организации он не выходит за рамки отклоняющегося, аномального поведения. Однако если вспомнить, что переход от "традиционного" (в том числе тоталитарного) хозяйственного уклада к рыночному осуществляется, как правило, в ситуации аномии, когда правосознание общества и эффективность правоохранительных институтов резко ослабевают, преимущество оказывается на стороне людей с авантюрными способностями. Авантюризм не эквивалентен дикости. Иногда этим термином обозначается определенная степень отчуждения от государственно-политических и религиозных институтов, присущая дисперсным культурно-этническим группам. Такую "авантюрную" роль в Восточной Европе выполняли, например, цыгане, но более всего имеется в виду еврейская диаспора.

Экономическая история обязана этим выводам Макс Веберу, который настойчиво проводит мысль, что хозяйственная этика евреев присуща политически и спекулятивно ориентированному "авантюристическому" капитализму. Эта этика была этикой капиталистических париев. Буржуазное же предпринимательство и рациональная организация труда обязаны, по мнению Вебера, этическому императиву пуританизма, который, впрочем, "находился под сильным влиянием талмудического формализма в трактовке заповедей". Возможно, здесь сказываются чрезвычайно распространенные убеждения, будто Европа опутана еврейской паутиной. Так же полагал и Маркс, писавший в 1844 году, что "бог еврея - деньги". Эту версию нельзя ни доказать, ни опровергнуть, и, скорее всего, решение вопроса о роли иудейской традиции в формировании капиталистического или авантюрного предпринимательства в русле анализа внеинституционального, диффузного положения евреев в политической, культурной и религиозной структурах общества. Действительно, они были париями, но отверженность от общественных институций давала евреям возможность

сохранять безразличие к ним и относиться к чужому миру в значительной степени формально - посредством "гешефтмахерства", которое в данном отношении эквивалентно аскетическому отрешению. Скрупулезно подсчитывая количество евреев в торговых и промышленных предприятиях Европы и Америки, Зомбарт имеет основания считать, что именно это племя внесло в западный мир идею капитализма. Более того, ему кажется, что своим открытием Америка обязана евреям и "все эти Колумбы были лишь управляющими Израиля". Правда, янки, по мнению Зомбарта, такие же проходимцы, как евреи. Во всем этом сказывается неокантианская априористская установка на отождествление "делания денег" с "еврейским духом". В России такая мысль выражалась не менее отчетливо. Примечательна телеграмма, посланная императору Александру III одним из выдающихся государственных деятелей России, инспектировавшим ее юго-западные области. Для оживления края он советовал отправлять туда "вагона два евреев". Профессор И.Озеров свидетельствует, что когда в 1889 г. в село Павлово приехали десять евреев, оно сразу же достигло экономического расцвета.

Как бы то ни было, эти исторические детали содержат сильный объяснительный компонент, связанный с формальным отношением к миру, который и для пуританина, и для иудея, и для авантюриста предстает в качестве отстраненного чужого материала. Свобода от оценки и от конечных целей бытия, коль скоро она принимается личностью, превращает ее в "еврея", какую бы национальность человек не имел. Если данный тип предпринимательства и можно назвать авантюрным, то это авантюризм осторожный, продуманный и скалькулированный. Он самым существенным образом отличается от иррациональной предпринимательской деятельности, имеющей значительное распространение в период становления рыночных отношений. Этот авантюрно-энтузиастический импульс не ориентирован исключительно на хозяйственную деятельность. Чаще всего энтузиасты проявляют общественно-политическую активность в области групповой борьбы.

Если вспомнить о советских реалиях конца 80-х годов, то это весьма диффузная, но заметная группа обозначалась термином "неформалы". Такой статус не может не быть промежуточным, переходным. Его результатом является включение энтузиастов в новые структуры власти или в частнопредпринимательскую деятельность, впрочем, получение административного статуса открывает вход в эффективное предпринимательское дело. Возможен и третий путь - в "оффсайдеры". Авантюризм как способ жизни не обязательно заслуживает уничижительных оценок. Он означает помимо всего прочего нетривиальность мышления, широту жизненного диапазона, практически не ограниченный выбор социальных ролей и способность к имперсональной коммуникации. Все это превращает авантюризм в существенный энергетический импульс разрушения "старых" социальных структур, что самым очевидным образом сказывается на внешнем облике и стиле поведения "звезд" рыночной экономики и рыночной политики. Волевой напор, умение говорить "на публику", скандальность становятся значимыми факторами становления предпринимательского менталитета. Нетрудно увидеть, что все эти личностные качества обретают свою социальную значимость лишь в процессе борьбы с явным противником. Как только противник повержен, настает время "рационализации", умеренности и аккуратности. Авантюристы, если они не смогли изменить себя в соответствии с требованиями стабилизации, должны покинуть "зал" и занять подобающее им место в лиминальных зонах социума. Аналогична судьба "профессиональных

революционеров", которые обрекаются на уничтожение или перерождение своей же победой.

Обсуждение вопроса о предпринимательском этосе не исчерпывается указанием на положенный в нем дух авантюризма. Такова форма, в которой находят свое выражение аскетическая страсть и воля к очищению от "старого" в расколдованном мире. Имеет смысл посмотреть и на содержание "старого", подлежащего отказу. Прежде всего отвергается традиционная статусно-стратификационная схема и соответствующие ей "условности". Обычно атака на традиционные институты осуществляется в риторическом орнаменте "равенства" и "справедливости" с особым акцентом на уничтожение "привилегий". Контингент "нового класса" формируется в значительной своей части из маргиналов, не обладающих устойчивым социальным статусом в традиционной структуре и испытывающих явную или неявную депривацию: сами они знают, кто они такие.

Если обратиться к дополнительным объясняющим признакам, данный диагноз можно конкретизировать. Не успевая пройти необходимый цикл социализации и получить стабильный профессиональный статус, в число маргиналов попадает прежде всего молодежь ("барометр революции"). Из числа взрослых людей активистами "нового дела" становятся также бездельники - люди, которые по разным причинам не сумели ничему научиться и при старом советском режиме занимались общественной работой или что-нибудь имитировали. Роль этой довольно многочисленной прослойки в становлении "социалистического рынка" нельзя недооценивать. Однако дело не в людях, а в замысле, который одухотворяет предпринимательскую аскезу в период ее противостояния со старыми институтами. Можно предположить, что заметную роль в бизнесе в этот период играют те, кто не добился социального воспризнания и самоидентификации в своей "оригинальной" профессии, или вообще таковой не имел. Деловое предпринимательство, особенно на своей стартовой стадии, требует не просто высокой мобильности, но преодоления "профессии" (как призвания) наряду с прочими статусными "привязанностями".

Деятельность энтузиаста имеет здесь гиперпрофессиональный характер, поскольку сфера приложения "дела", по сути, безразлична. Естественное отсутствие компетентности здесь не только не препятствует успеху, но создает видимое преимущество "новому дилеру": недоучившийся советский студент, делающий "дело", обладает сверхзнанием, недоступным яйцеголовому профессору экономики. Последний найдет свое утешение в афоризме: "Ну, что ж?.. И орнитологи не летают". Такое сверхзнание являет собой некий метаморфоз харизмы - способность заразить своим энтузиазмом "ближнего" и заставить его отдать деньги на самое фантастическое предприятие, например, акционерное общество по контакту с внеземными цивилизациями или по борьбе с венерическими болезнями. Зомбарт называет такую способность "спекулятивным духом" и отмечает, что в отличие от использования внешних сил принуждения, как это практикуется государственной предпринимательской политикой и разбойниками, "спекулянт открывает новый источник могущества в себе самом: это сила внушения, и с помощью ее одной он осуществляет все свои планы. На место страха в качестве движущей силы он ставит надежду". Такому предпринимателю свойственна "поэтическая способность вызывать перед глазами других картину увлекающего очарования и пестрого величия, дающие представление о чудесах, которые он намерен совершить". Этот энтузиастический импульс часто приводит к выдающимся результатам в создании стартового капитала, после чего следует рутина "рационализации". В против-

ном случае предприятие превращается в аферу, которой, собственно говоря, оно и было изначально. В советском переходном обществе начала 90-х годов спекулятивный дух приобретает невиданную силу, совмещаясь с вне рыночными механизмами образования капитала посредством использования рычагов государственной власти. "Аппарат", еще недавно противостоявший рынку, отныне становится его основным двигателем. Раздача государственной и партийной собственности "своим людям" в сфере бизнеса после августа 1991 года представляет собой типичный пример квазилегитимного принуждения. Эту ситуацию можно оценивать как угодно, но рынок формируется именно так. Вход в предпринимательскую аскезу сопряжен с немалыми неудовольствиями.

Впрочем, техническая рациональность обладает удивительной способностью к преодолению и лагерной организации общественной жизни, и авантюристической аномии. Лишь бы лагерные и авантюристические привычки не оказались сильнее. Господствующий в мире технический разум диктует "свободу оценки", но остается шанс восстановить метафизические ценности, пройдя путь аскезы до конца.

4.4. СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ

Какое место занимает религия в современном цивилизованном обществе? Л.Н.Толстой, как известно, считал религиозный вопрос главным вопросом для каждого человека. У современного человека, однако, на первом плане стоят другие заботы. И вряд ли он согласится с утверждением о том, что религия важнее, чем политика, право, экономика. Может, разве что, заметить - вот когда будут разрешены основные проблемы жизнеобеспечения, тогда можно подумать о душе и боге. А пока льется кровь, гибнут от голода тысячи людей, возрастает опасность экологической катастрофы - до этого ли? Религия, конечно, может внести свой вклад в дело созидания лучшего будущего, но нет оснований отводить ей главную роль как в общественной, так и в личной жизни.

Таковы суждения здравого смысла, который обычно, схватывая очевидное, скользит по поверхности и упускает суть дела. Абсурдность многочисленных ситуаций ныне и в прошлом порождены, как это ни странно, именно здравым смыслом. Во истину: если хотите быть мудрым в мире сем, будьте безумными! В этих словах Апостола Павла больше правды, чем в наших постоянных ссылках на здравый смысл, хотя, конечно, этими словами трудно руководствоваться в жизни. Применительно к предмету нашего разговора: высказывание Толстого верно не только в том смысле, что религиозный вопрос должен был бы быть по своей значимости самым важным для каждого человека и что всякая иная субординация есть извращение, но и в самом прямом смысле - религиозный вопрос является главным, независимо от того, сознает это человек или нет. Нынешнее западное цивилизованное общество, отводящее религии и церкви определенное, закрепленное правом место, может не сознавать реальной религии. Может не помнить, что правовые и нравственные основы его созданы не просто при участии, а непосредственно самим духом христианского жизне- и миропонимания. И дело не только в истоках, в происхождении нынешнего общества, но и в его нынешней сути. Б.Рассел открыто и смело заявлял о своем атеизме, и тем не менее он в своей "Истории западной философии" писал о том, что западная этика и правосознание порождены духом христианства. Так и в жизни отдельного человека: религия может занимать незаметное место, однако в общем и целом внутренний мир этого человека сформирован христианской (мусульманской и т.д.) культурой. Надо учесть при этом, что и такие антихристианские направления, как французский материализм, ницшеанство, марксизм, немыслимы без этой религии; их внутреннее содержание определялось противоборством с христианством. И сами идеи "нового человека", "нравственного возрождения", отказа от собственности, равенства и братства, истинной жизни и др. - явно христианского происхождения.

В самом общем виде: если человек (общество) живет теми или иными заботами, далекими, казалось бы, от религии, то и эти заботы являются производными от духовно-нравственной ориентации, сформированной религией в прошлом и так или иначе и ныне являющейся разрешением религиозного вопроса. При таком подходе не столь уж важно, считает ли человек себя верующим или нет. Один считает себя верующим, исполняет обряды, но эта его вера может держаться только на поверхности сознания, не оказывая сколь-либо серьезного воздействия на образ жизни, на мотивацию поведения. Другой считает себя атеистом, но по нравственно-психологическому складу может стоять очень близко к христианскому мироощущению. Богословская интерпретация

этого случая - "душа-христианка", "христиане до Христа", "анонимные христиане". Большинство на современном Западе причисляют себя к верующим, однако, как уже заметил Л.Фейербах, эта вера поверхностна и не определяет их поведения. При всем том различия ценностных ориентаций европейца, американца и, скажем, представителя арабского региона существуют и могут быть во многом схвачены определениями - "христианин", "мусульманин" (независимо от того, являются ли они ревностными верующими, вольномыслящими или атеистами).

За позитивными ответами на вопрос о вере в бога абсолютного большинства жителей "цивилизованных" стран стоит очень часто лишь только желание верить. Люди устали об безверия, сомнений, скептицизма. Они ищут опоры, пытаются найти точку отсчета для измерения происходящих событий. М.Хайдеггер охарактеризовал умонастроение европейца середины XX столетия как "обезбоженность". Это не вера и не атеизм, это состояние, в котором человек не может окончательно определиться, сказать "да" или сказать "нет". Считающие себя верующими не делают выводов для своей жизни из веры, считающие себя атеистами не доводят, как заметил Ж.-П.Сартр, своего атеизма до логического конца, не делают его своим жизнепониманием. Для акта сознательного самоопределения современный человек не находит достаточных оснований. Отсюда снижение тонуса духовной жизни. Нет высшей идеи, нет высшего смысла жизни. Вместо "истинной жизни" целью становится комфорт. Идеал богатства сменяется равенством гражданских прав. Царство небесное - гражданским, правовым обществом, отечество - государством. Место "нового человека" занял "цивилизованный человек".

Более ста лет назад Ф. Ницше возвестил о пришествии в Европу нигилизма. "Нигилизм стоит за дверями: откуда идет к нам этот самый жуткий из всех гостей?"¹. Нигилизм означает, что "высшие ценности теряют свою ценность". Исчезает высшая цель, все лишается смысла. Причину этого Ницше видел в самом христианстве, развившем чувство правдивости. Люди не находят более оснований чтить мораль. Мораль превратилась в проблему. Она более не находит себе санкции.

Можно согласиться с Ницше во многом. Французский атеизм, наиболее смело и последовательно водружавший против христианства и религии вообще знамя здравого смысла, вырос на почве христианской культуры. Но внутри всякого религиозного сознания осуществляется диалог между верой и разумом. Упор на разумное познание вел к развитию науки и усиливал веру человека в себя, в свои силы и право самому определять цели и устанавливать ценности. Познать внешний мир, посредством знаний утвердить свое господство над ним и тем самым состояться, найти себя - таков лейтмотив европейского развития, обнаруживающийся уже явственно в умонастроении гуманизма непосредственно перед эпохой Возрождения. Средневековый теоцентризм получает противовес в антропоцентристском уклоне. Духовные отцы Нового времени, а затем и просветители усилили эту струю в европейской культуре, возвысив авторитет разума и науки. Наумному познанию подвластно все, высшие ценности должны получить рациональное - обоснование. В XIX веке восторжествовали научные методы познания, и тогда сама мораль превратилась в проблему: зачем мне надо быть нравственным? Но не может быть ни "научной морали", ни "научной религии", ни "научного искусства". В XX веке наука и основанная на

¹Ницше Ф. Полн.собр.соч. М.,1911. Т.3. С.7.

ее достижениях техника стали во многом определять жизнь людей. Высшие же ценности, не получающие научного обоснования, повисли в воздухе. Возник мировоззренческий кризис, ныне обретающий глобальный характер.

Прославляемые у нас "плюрализм" и "деидеологизация" могут быть способами поиска истины, но не могут рассматриваться как самоцель. Человечество как никогда нуждается в духовной ориентации. Правовая защита свободы совести, убеждений нужна лишь постольку, поскольку духовная разобщенность людей велика и непреодолима в предвидимом будущем. Такая защита является большим благом для нашей страны, для России, пережившей идеологический тоталитаризм. Ясно, однако, что со временем будет возрастать потребность в обретении высшей идеи, объединяющей общество и приводящей людей к согласию. Может ли быть такой идеей демократия, правовое общество? До какой-то поры. Но далее? Любое правовое устройство - это лишь средство обеспечения жизни. Высшие основы жизни, по отношению к которым право, политика, экономика являются лишь средствами обеспечения, - духовные. Духовную же жизнь составляют нравственное, эстетическое и познавательное начала (добро, красота, истины). Вместе взятые и освященные высшей санкцией они образуют то, что называется религией в широком смысле слова. В этом понимании религия является всепроникающим началом культуры.

Нет оснований оспаривать известное утверждение о том, что исторические эпохи отличаются одна от другой прежде всего переменой религии. Относительно возникновения капитализма можно сказать, что уже после Маркса было выявлено с большой достоверностью то духовное основание, которое сделало возможным его появление. Маркс, однако, считал зависимость духовной жизни людей от экономики непреложным законом, как это писалось в наших учебниках. Напротив, указывая на эту зависимость, унижительную для человека, он считал исторически неизбежным подчинение экономики разуму и воле человека. Его заблуждение заключалось в том, что всю прошлую историю он выводил из материальных, экономических факторов. Такой зависимости не было и в прошлом. Экономика не была базисом ни в древнейшем обществе, ни в феодальном, ни в современном ему капиталистическом, экономический строй которого являлся производной величиной от религиозно-нравственных оснований и эстетических идеалов. Можно говорить как раз об "обратном влиянии" экономических отношений на нравы, образ жизни, искусство и т.д., которое достигло в последние столетия европейской истории и американских Штатов весьма высокой степени. Отсюда вытекала и другая крупнейшая ошибка марксистской теории, заключающаяся в указании способов преобразования буржуазного общества в социалистическое, а затем в коммунистическое: насильственное отнятие собственности (экспроприация) и быстрое индустриальное развитие должны, по мысли Маркса, духовно преобразить человека. Сформулированный в молодости тезис о том, что сущность человека есть "совокупность общественных отношений", оказался для Маркса основополагающим. Под него подводились впоследствии выводы исторических и экономических исследований.

Октябрьская революция и последовавшие за ней социальные преобразования вдохновлялись, несомненно, марксистской коммунистической идеологией. Об этом нужно сказать, во-первых, потому, что и в этом случае роль духовного фактора была определяющей, а во-вторых, еще и потому, что многие авторы публицистических статей и даже специальных исторических и социально-философских исследований пытаются вывести все последствия революции

из особенностей национального духа России, сняв всякую ответственность с революционного учения. Дело доходит до того, что и коллективизацию, порабощение большинства населения страны - крестьянства и уничтожение значительной его части без всякого стеснения выводят из традиций общинного землепользования. Трактовка событий XX века как "самоистребление народа" подобна тому, как если бы мы сказали про пассажиров, захваченного террористами самолета, что их было больше и стало быть сами они и виноваты. Нельзя объяснить смысл происходившего после революции лишь свойствами тех, кто возглавлял государство. Ходом событий управляла железная необходимость с первых же дней захвата власти большевиками. К террору нужно было прибегать ради самосохранения и ради спасения дела, которому они служили. Без насилия и диктата невозможно было двигаться и дальше, если желать осуществления идеи создания общества, в котором не было бы богатых и бедных.

Марксистская коммунистическая идеология сыграла роль религии, вытеснив собой православную церковь и мечеть. Неверно было бы говорить, что была осуществлена попытка построения безрелигиозного общества. Была насаждена своего рода религия со своими богами и святыми, со своими бесами-искусителями и еретиками, со своими обрядами и ритуалами. На базе этой новой религии возникали и строились общественные отношения, политико-правовые институты, научные и образовательные учреждения. Удивительно, в какой степени эта кристаллизация общества затронула все стороны жизни - мораль, эстетические вкусы, образ жизни и т.д. и т.п. Зарождалась новая культура, которую, конечно, нельзя характеризовать только как сплошь негативную. Было и немало свершений, достоинств, преимуществ перед буржуазным Западом. Впервые в истории в громадной стране было достигнуто опять-таки вопреки Марксу состояние, в котором первенство принадлежало духовной жизни. Оговоримся, что духовное вовсе не всегда и не всюду имеет положительный вектор. Дьявол и бесы (по христианской терминологии) существа духовные, но служащие злу. Духовный человек не значит нравственный человек. Была, однако, вера, была великая идея, и она давала силу и радость, служение великой идее наполняло жизнь смыслом. Примечательно, что в те самые времена, когда самому понятию веры придавался негативный смысл ("не вера, а знание") в обществе господствовала самая слепая и фанатичная вера, искоренявшая всякое сомнение, всякую попытку самостоятельного мышления.

При всем своеобразии советского марксизма сходство с религией (христианством) было заложено в этом учении изначально. Это их сходство было сразу же схвачено первыми критиками марксизма, и в какой-то степени признавалось и основоположниками, в частности Энгельсом. Правда, поменялись знаки перед такими ориентирами, как любовь и ненависть, насилие и милосердие, гордость и смирение и т.д., - с минуса на плюс и с плюса на минус. Этот искус человечество должно было так или иначе испытать. Заплатив за свою попытку колоссальную цену, люди должны уразуметь, что путем государственного принуждения и страха нельзя построить счастливого общества и сделать человека лучше. По Евангелию, дьявол в пустыне искушал Христа властью. Западная цивилизация, породившая идею диктатуры пролетариата, испробовала этот путь.

Марксистская коммунистическая идеология и вера - плоть от плоти западноевропейского происхождения. Это своего рода религия спасения, предложившая свои пути выхода из положения, сложившегося в промышленно развитых странах Европы в середине прошлого века. Есть изрядное преувеличе-

ние в часто высказываемом мнении, будто наша страна в результате революции отошла от "столбовой дороги мировой цивилизации". Вожди революции были западниками чистой воды, их план был "догнать и перегнать". Опора на науку, индустриализация, коллективизация, плановое ведение хозяйства - все это продолжение и прогнозирование тенденций развития капиталистической экономики. Трудно понять и тем более принять то, что страна наша ежеминутно в речах и выступлениях новых лидеров отделяется от "цивилизованных стран". Что имеется в виду? Уровень образования? Нет. Технология производства? Различия здесь в степени, количественные, хотя и значительные. Народная нравственность? До последних лет она была по всем показателям не ниже, чем в США. Уровень жизни (примечательно, что этим понятием ныне обозначают только лишь материальную обеспеченность)? Но это не является мерилем цивилизованности. Может быть, то, что называют правовым обществом, общественным устройством? Об этом следует поговорить особо, но отметим, что тоталитарные режимы в принципе возможны и в самых развитых странах, какой, например, была Германия до войны, не говорим об Испании во времена Франко, каковую, несмотря на ее великие заслуги в культуре наши мыслители вполне могли бы отторгнуть от "цивилизованного мира".

В годы перестройки мы приблизились к "цивилизованному миру" в одном существенном измерении, может быть, и самом существенном. Была окончательно подорвана вера в коммунизм, заменявшая людям веру в Христа и Аллаха. Разумеется, освобождение от заблуждения и иллюзии - это хорошо, но только при условии приближения к истине, а не замене одной неправды другой. Возможен на какое-то время и такой вариант, при котором угаснет сама потребность в высшей правде, в идеале.

Разочарование в ложном идеале может привести и вообще к отказу от всяких идеалов. Религиозная потребность - величина меняющаяся. Хотя она и не исчезает, но может возрастать, может и уменьшаться. Не надо громких слов, высоких идеалов! Давайте, наконец, жить просто, не силясь достичь небес! - такого рода умонастроения вполне объяснимы обстоятельствами недавней истории, да и вообще они не новость. Л.Н.Толстой в письме к Суворину заметил: "Кто искренне думает, что высшие и отдаленные цели человеку нужны так же мало, как корове, что в этих целях "вся наша беда", тому остается кушать, пить, спать или, когда это надоест, разбежаться и хватить лбом об угол сундука"¹. Ф.М.Достоевский, которому никак при всем желании никто не может отказать в глубоком проникновении в природу человека, тоже настаивал на том, что без высшей идеи не может существовать человек и человечество. Отсутствие или потеря общей идеи ведет к утрате смысла существования и саморазрушению общества и личности. Идея "ведет", из великой идеи вытекает великое дело. В этом случае человек находит свое место в жизни, поприще. А только в деле, в соединении слова с жизнью может существовать и развиваться нравственность. Такова схема, которую вряд ли можно оспорить. Под великой, или ведущей, идеей Достоевский понимал не доктрину, не головные убеждения, а скорее - чувство и волевое устремление. Великая идея не подвластна формулировке, она не умственная, не сочиненная, не сделанная².

Народ является инстинктивным носителем великой идеи, лучшие представители образованных сословий - сознательными носителями. Соединение

¹Толстой Л.Н. Собр.соч. М.,1984. Т.19-20. С.584.

² Достоевский Ф.М. Собр.соч.в 30 т. Л.,1976. Т.17. С.269,286.

цивилизации с подспудными народными силами и является задачей, стоящей перед Россией: создать новую форму, нашу собственную, взятую из почвы нашей и из народных начал¹. Но вместе с тем характер будущей деятельности должен быть в высшей степени общечеловеческий, стремиться надо к синтезу всех тех идей, которые с таким упорством, с таким мужеством развивает Европа в отдельных своих национальностях.

С точки зрения писателя, "общество основывается на началах нравственных: на мясе, на экономической идее, на претворении камней в хлебы - ничего не основывается, и деятель надувает пока одних дураков"². Нравственность же вытекает из религии. Религия является формулой нравственности.

В какой мере эти утверждения оправданы и применимы к современным условиям? Мы обеспокоены сейчас прежде всего угрозой голода, межнациональными отношениями, экологическими проблемами. Как первоочередные задачи мы ставим создание правового общества, реформу экономики на рыночной основе, упрочение демократического строя. Само собой разумеется, никто не отрицает важности духовно-нравственного состояния общества, много говорится о религии, о культурной жизни. При этом улавливается и взаимосвязь между духовной и материальной сторонами жизнедеятельности. Видится обусловленность многих сторон практической деятельности уровнем культуры, нравственности, и наоборот - часто подчеркивается, что многие негативные стороны во взаимоотношениях людей, в их духовной жизни будут преодолены при решении проблем материального порядка.

Политико-правовое устройство общества, конечно, влияет в серьезной степени на нравственные взаимоотношения людей. Впервые со времени революции церковь получила действительное правовое обеспечение своей деятельности. И все же создается впечатление, что нам еще не ясно в должной мере соотношение духовно-нравственных начал с социально-экономическими и политико-правовыми началами. Весьма широко распространены экономические иллюзии. Немало людей убеждены в том, что если удастся реформировать экономику (через приватизацию и налаживание рыночных отношений), то отпадут сами по себе и такие пугающие нас явления, как рост преступности, одичание нравов, недоброжелательство и т.д. Не будет очередей, не будет и ссор в магазинах. Будет хороший транспорт, пассажиры будут взаимно вежливыми и т.д. Все это вроде бы так, но все же остаются вопросы: во-первых, удастся ли построить хорошую экономику бездуховно-нравственных предпосылок; во-вторых, приведет ли автоматически улучшение материального положения и комфорт к действительному нравственному возрождению? Есть основания усомниться в этом.

Существуют и иллюзии политического и правового порядка. Одни убеждены в том, что все дело в правильной государственной политике. Если бы пришли к власти компетентные люди, они сумели бы повернуть дело так, что в нашей стране, обладающей громадными людскими и природными ресурсами, все быстро бы наладилось. Нам не везет на руководителей, но парламентский строй рано или поздно все же даст возможность привести к власти тех людей, которые могут управлять страной. И в этих рассуждениях немало правды, в них сохраняется большая доля вековой мечты о мудром правителе, героизм-избавителе, а также представлений об обществе как большом механизме, в ко-

¹ См.: Гроссман Л., Достоевский. М., 1962. С.215.

² Достоевский Ф.М. Собр.соч. Т. 17. С.284.

тором надо устранить неполадки и запустить в ход.

Рядом стоят и иллюзии, связанные с "правовым обществом". Свободы и права, утверждение законности, как представляется, дадут возможность разумного разрешения всех общественных дел, откроют дорогу инициативе, предприимчивости, самостоятельности и тем самым поставят на ноги экономику, а затем и нравственность. Личность обретет возможность свободного развития, каковое является условием подлинно нравственных отношений.

Не трудно увидеть ущербность и такой позиции. Надежды на то, что внешние формы определяют ее внутреннее содержание, не основательны. Если даже и удалось бы особыми мерами утвердить порядок и закон в жизни, это не привело бы автоматически к росту нравственного сознания. Тот, кто следует закону во всем, может быть и глубоко безнравственным человеком. Нравственным не делает человека и выполнение сверх предписанного законом устава добропорядочности, вежливости и т.д. Деликатность и предупредительность продавцов и хозяев магазинов в условиях свободного рынка, разумеется, явления положительные, но сами по себе они еще ничего не говорят о главном "человеческом измерении" носителей этих качеств. Сомнительно также и то, что утверждение правового порядка может оказаться главным рычагом преобразования общества. Здесь надо согласиться с Марксом, который указал на ошибочность взглядов, согласно которым жизнь общества основывается на законодательстве.

Не менее иллюзорным являются и надежды на религиозно-нравственную проповедь, ведущую к духовному возрождению и обновлению. Тщетность попыток обращения к совести и призывов к самоотверженности в нынешних условиях нашей страны, как и других, очевидны. Ни экономика, ни правовой порядок не могут основываться непосредственно на нравственном чувстве людей. Возлагать надежды на то, что у людей нечестных вдруг пробудится совесть и они изменятся, - значит, хвататься за соломинку.

И все же, если говорить о том, что более всего требуется в наше время для поворота дел к лучшему, то надо говорить о нахождении нравственного согласия, об объединяющей и побуждающей к согласованным совместным действиям высокой идее. Такой идеей, очевидно, не может быть "свободный рынок" и экономика вообще. Не может быть и проект правового общества, демократии, парламентаризма. Все это лишь средства.

Может ли сплотить общество идея национального возрождения или спасения? У наций, находящихся в критическом положении, эта идея может вызвать общий подъем и привести к сплочению. Однако эта идея несет в себе определенную ограниченность и ведет к обособлению, национальному эгоизму, унижающему нравственно достоинство самой этой нации. Ни национальные претензии, ни замыкание в национальных квартирах не могут быть средствами возрождения национальной культуры. Таковая вырастает лишь из творчества, причем это творчество направлено не на свои особые культурные цели, а на общечеловеческие. Национальная культура - это свой путь нации к общечеловеческим идеалам.

Может быть, такой великой идеей послужит идея религиозная? Но религия реально выступает в форме какой-либо конфессии, размежевавшейся с другими и отстаивающей свою исключительную правоту. Помимо межконфессиональных различий в качестве препятствия в достижении согласия выступает и различие между верующими и неверующими. Хотя и нет недостатка в призывах к объединению усилий верующих и неверующих, верующих различных

вероисповеданий в общих делах и заботах, однако различия эти велики и серьезны. Не может и не должен верующий смотреть равнодушно на то, как погибают души окружающих его неверующих людей, погруженные во тьму. Убежденный атеист также видит пропасть, разделяющую его с верующими, хотя ему и, может быть, проще вступить в союз с религиозными людьми. Ведь для него нет забот о жизни после смерти, и, стало быть, земные цели обретают значение единственно реальных.

При всем огромном значении религиозного начала как определяющего духовную жизнь людей в существующей ныне обстановке в России православная идея не может сыграть роль общесогласительного фактора. На чем же тогда может вырасти необходимое согласие? Вот вопрос вопросов. Предпринимающиеся ныне попытки выработать нечто вроде синтетической религии вряд ли могут рассчитывать на успех. Они по существу своему искусственны, из "синтетической" религии не вытекает "общего дела", разве лишь только общность умонастроения, т.е. чисто интеллектуальное признание высших ценностей.

Таким образом, ни идея экономического благополучия путем перехода к свободному рынку, ни проект демократического, правового устройства общества, ни восстановление в правах и во влиянии церкви, ни стремление создать новый идеологический синтез - объект веры не могут сыграть роль согласительной и ведущей идеи при всей значимости в отдельности каждой из перечисленных идей. Такую роль, представляется, может выполнить согласие в основных нравственных ориентирах. Необходимо в принципе найти общее понимание в различении добра и зла, в определении смысла человеческой жизни и ее назначении, а соответственно этим представлениям будут создаваться и представления о том, каким должно быть общество, какую экономику нужно строить, какое правовое устройство является наилучшим.

В недавнем прошлом смысл жизни анализировался нами в терминах более всего политических - содействие построению бесклассового общества, уничтожение эксплуатации и социального неравенства и т.д. Правильной же постановкой вопроса является обратная. Именно политику, право, экономику необходимо рассматривать под углом зрения смысла существования, места и назначения человека во Вселенной. Не экономическая, политическая и т.д. деятельность определяет смысл жизни, а напротив - смысл жизни должен определять деятельность политиков, экономистов, работников системы образования, культуры и т.д.

Однако при всех переменах в нашем обществе в этом главнейшем вопросе продолжают доминировать старые, хотя и видоизмененные, установки. Политика, право, экономика по-прежнему выдвигаются на первый план как факторы, определяющие жизнь общества, духовная же жизнь сознательно или бессознательно отодвигается на второй план и оценивается как нечто производное или дополняющее. Важнейшие социально-политические и экономические проблемы обсуждаются в нашей прессе обычно без всякой связи с духовными, мировоззренческими ориентирами и критериями. Такой подход получает и свое обоснование. Экономика и политика, право развиваются по своим законам, когда же им навязывают мировоззренческие, идеологические рамки, то из этого ничего не получается. Нельзя же к экономике подходить с нравственными критериями, у нее свой критерий - эффективность. Подобно этому изображают дело и с политико-правовым устройством. Причина бед якобы в том, что вместо правового сознания упор делался в истории России на нравственность. Ка-

тегория совести ставилась выше понятия справедливости. Такого рода аргументов оказывается достаточно для нашего сбитого с толка общества, чтобы отказаться от традиций историко-культурной и философской мысли, согласно которым именно нравственное начало является автономным по своей природе и более того - требующим себе подчинения всех видов деятельности. Утверждение о том, что есть какие-то экономические законы, которые имеют непреложный характер и неподвластны нравственности и совести, - это выдумка для оправдания и увековечения социальной несправедливости. Нет экономических законов, которые были обязательны для людей и в том случае, когда они противоречат нравственности. Конечно, в тех или иных экономических системах могут действовать зависимости, принуждающие человека пренебрегать высшими нравственными требованиями. Но это определяется всецело тем, какая система, какая модель экономики создана. Отсюда следует, что не нужно ни мириться, ни создавать такие системы экономики, которые вынуждали бы человека пренебрегать нравственными требованиями ради прибыли или наживы в любой ее форме. Ссылки на то, что ничего другого, лучшего, человечество не придумало, что и принципиально невозможно ничто другое, голословны и расчитаны на простаков.

Так же обстоит дело и с провозглашением примата права над нравственностью. Неверно рассматривать нравственность как некое дополнение к праву, призванное к осуществлению нормального функционирования общества. Добро не подчинено никакой цели, оно самоцель и ценность, а не средство обеспечения более значимых благ. Внешние формы жизни, обеспечиваемые правом, далеко не гарантируют должных отношений между людьми. Обособление и эгоизм, враждебность и корыстолюбие, духовное убожество и низость вполне могут сочетаться (и сочетаются) с уважением и соблюдением закона. При всей значимости правопорядка в современном обществе первенство принадлежит нравственности. Право - лишь минимум морали, тот минимум, который может быть навязан личности в принудительном порядке. Юридические законы относительноны и условны. Правовые учреждения могут уклоняться от своего истинного назначения, служить им следует лишь в плане содействия выполнения ими нравственного смысла.

Нельзя не согласиться с утверждением В.С.Соловьева о том, что есть только один "Самостоятельный и безусловный закон для человека, как такового" - нравственный. Никаких самостоятельных экономических законов нет и быть не может, потому что экономическая сфера - это область деятельности - существа нравственного и способного подчинять все свои силы действия мотивам добра¹. С этих позиций, отнюдь не ему только принадлежащих, В. С. Соловьев оценивает социалистические учения, которые на первый взгляд становятся будто бы на точку зрения нравственного начала, выступая против своекорыстия и бесчеловечия богатых классов, но по существу же социализм не антитеза, а лишь крайнее выражение, последнее заключение односторонней буржуазной цивилизации²: социализм ставит нравственное совершенство в прямую зависимость от экономического строя и хочет достигнуть нравственного преобразования или перерождения исключительно путем экономического переворота. Попытки представить экономическое развитие (или правовое) автономными процессами не только ошибочны, но и безнравственны. Безнравст-

¹ Соловьев Вл. Соч. в 2-х т. М., 1988. Т.1. С.412.

² Там же. С.415.

венность состоит не в формах собственности, не в разделении труда и капитала, не в неравенстве имущества, а "в возведении низшей и служебной области - экономической на ступень высшей и господствующей..."¹.

Не случайно в сознание ряда поколений настойчиво внедрялись извращенные представления о нравственности как начале относительном, условном (т.е. служебным и подчиненным), порожденном материальными, практическими интересами, как изобретении человеческого ума, поддерживаемом лишь силой общественного мнения. Отрицая безусловность морального закона, его абсолютность, его автономность, не видя других его оснований, кроме сложившихся традиций и общественного мнения, мы можем найти причины, по которым следует выполнять его, но не можем найти таких причин, по которым его надо чтить. Нравственность же покоится не на простом следовании и выполнении предписаний, а на особых мотивах - на побуждении следовать добру ради самого добра. Нравственные веления не вытекают из рассудочных соображений, из практической целесообразности, они стоят выше житейского благополучия, счастья, общественной пользы и т.п. "Для него нет ничего святого" - эти слова равнозначны утверждению: для него нет нравственных рамок. Святое не обосновывается, оно само служит обоснованием всех других намерений и действий. Надо оговориться, правда, что рациональные аргументы часто служат подкреплением тех или иных заповедей, но не являются их основой. Здесь мы выходим на важнейший вопрос о соотношении нравственности и религии. Этот вопрос получал у нас в силу известных обстоятельств однобокое и поверхностное освещение, к чему причастен и автор этой статьи. Если голосом совести говорят в нас стереотипы поведения предков, не имеющие иной санкции, кроме авторитета традиции и общественного мнения, то человек как мыслящее и свободное существо обязан подвергать веления совести анализу и критике. Иными словами, он должен руководствоваться практической целесообразностью. В этом случае разум и наука могут выработать рациональные правила поведения, соответствующие достижению тех или иных целей - благополучия, счастья, общей пользы, уменьшения страданий и т.д. Но такие правила не будут уже моралью, как не являются ею правила внутреннего распорядка или уличного движения. Нравственные (как и эстетические) ценности и оценки не определяются рациональными или эмпирическими доводами, не могут быть доказаны или опровергнуты научным способом. "Лицо красиво", "этот поступок постыден" - такие оценки вытекают с силой непосредственного чувства.

Духовная природа человека включает в себе, помимо способности к разумному познанию, нравственную и эстетическую способности, которыми он также руководствуется, определяя свои пути. В религии синтезировались духовные способности человека и получали ориентацию, освященную авторитетом высшего начала. Нравственные представления людей в таком случае выступают не просто как творение человеческого разума и его приспособление, орудие, предназначенное для устройства совместной жизни людей, а как верное или искаженное отображение нравственного миропорядка, высшей правды, независимой от воли и сознания людей. Наше нравственное чувство включает в себе признание такого миропорядка и такой правды. Это призвание есть вера.

В европейской истории последних столетий обнаружился явный уклон в сторону сциентистских и интеллектуалистских ориентаций. И, может быть, са-

¹Там же. С.414.

мое яростное отрицание ценности веры и возвеличивания науки осуществилось у нас именно в те десятилетия строительства социализма, когда все основывалось на вере и любое отступление от общей веры преследовалось с жестокостью и нетерпимостью, превосходящей аналогичные проявления средневекового фанатизма. С утверждением прав разума и возможностей научного познания в Новое время начался сдвиг от теоцентризма в сторону антропоцентризма. Антропоцентризм в своем последовательном развитии приводит к тому, что человек считает себя вправе жить так, как он считает нужным, и распоряжаться всем по своему усмотрению. Для него "закон не писан". Он сам творец ценностей, сам создает нравственные установления и эстетические каноны, выбирает пути, определяет смысл своего существования. Человек считает себя мерой всех вещей. Он занимает то место, которое ранее отводилось Богу. Право на своеволие, претензия стать "как боги", стремление пересоздавать все вокруг по "образу своему и подобию" и в прошлом вызывали тревогу; в наше же время накопилось слишком много оснований для того, чтобы отказаться от этих губительных для человека и природы умонастроений и действий.

Человек - действительно, единственная универсальная сила природы, выражение высших потенций и возможностей Вселенной, точка роста всего космического процесса. Рождаясь как существо незаконченное, незавершенное (и, как свидетельствует антропология, - недоношенное по сравнению с другими животными), человеческое дитя обладает и физическими предпосылками для совершенствования, и духовными, творческими способностями, которые ранее не были востребованы в ходе биологической эволюции и истории человеческого общества, а стало быть, и не были выработаны ни биологической эволюцией, ни общественной жизнью. Из этого вытекает, однако, не право на своеволие, а, напротив, вывод о не случайности человека в мире. Есть основания говорить о месте человека в мире и его назначении, от которых он может и уклониться, избрав ложные пути. Значит, есть законы человеческого рода. Есть параметры его биологического существования, есть норма психического бытия и есть норма его существования как существа нравственного. Эта последняя норма и представляет собой важнейшее из человеческих измерений.

Иными словами, есть рамки, внутри которых человек остается человеком. Их имел в виду Г.Гессе, когда говорил о том, что верит в законы человеческого рода¹. Нравственность в этом ракурсе выступает не как ограничение свободы, а как истинная свобода и истинная жизнь, как способ духовного бытия человека. Из нашей философии и этики не случайно выпали понятия "истинной" или "подлинной" жизни, которые должны занимать центральное место и занимают таковое во многих философских и религиозных учениях. Подлинная жизнь - это творчество, и только творчество является искомой формой воплощения бытия. Всевозможные способы ухода от подлинности, достижение которой требует внутреннего напряжения и трансцендирования, выхода за пределы наличного, ведут к духовной смерти или к самоутверждению зла, если и зло имеет онтологическую основу.

Отсюда следует, что возмездие за зло, расплата существует и проявляется с силой естественного закона. Нравственное преступление - это преступление не только против другого человека или общества, но и против самого себя, против природы человека. Таковы основы миро- и непонимания, свойственные религии и составляющие ее суть. Они, эти основы, не вытекают из науки,

¹ Гессе Г. Письма по кругу. М., 1987. С.5.

не выводятся научным способом, не верифицируются и не фальсифицируются. Они принимаются на веру.

Но способен ли современный цивилизованный человек, ориентированный на науку, к принятию такой веры? Над этим вопросом много и упорно размышлял Достоевский. Верует ли кто-нибудь. И можно ли веровать? - эти вопросы он считал первостепенными. Истекшее после Достоевского столетие подтвердило то, что современная цивилизация и христианская религия расходятся. Действительной веры нет, несмотря на то, что в западных странах абсолютное большинство относит себя при анкетных опросах к верующим. Но, как говорят, и бесы веруют и трепещут... Религия не является для тех, кто считает себя верующим, "источником живой жизни". П.Тейяр де Шардан имел основание заключить "По видимости, современный мир возник из антирелигиозного движения. Человеку достаточно самого себя. Разум вместо религиозного воззрения"¹. Отсюда берет начало современный нравственный нигилизм и глобальный духовный мировоззренческий кризис. Опора на науку и технику принесла весьма значительные результаты, однако наука не может заменить нравственности. Культура, лишенная нравственности, по замечанию А. Швейцера, превращается в цивилизацию.

В последние годы в среде демократических лидеров, интеллигенции очень сильное звучание обрел мотив возвращения в лоно мировой цивилизации. Надо поставить себе в образец западные страны, Америку и больше не мудрствовать, - открыто заявляют наши "прогрессивные" и "мыслящие" деятели. Между тем трудно найти в XX веке такого западного мыслителя, сколь-либо серьезного и авторитетного, который считал бы, что европейско-американская цивилизация нашла столбовую дорожку для всего человечества. Напротив, говорят о тупике и необходимости новой ориентации. Ясно, что мир не может жить по японско-американским стандартам даже и экономически - не хватит ресурсов, наступит экологическая катастрофа. Дела не поправить какими-то новыми источниками энергии или движением за экологически чистое производство. Вопрос упирается в духовно-нравственную ориентацию, от которой зависит будущее. Один из величайших физиков XX столетия М.Борн в конце своей жизни пришел к выводу о том, что источник бед современной западной цивилизации не в слабости социально-политической организации общества, не в неумелом использовании достижений НТР, а в самой направленности развития естественных наук. "Ход развития естественных наук противостоит всей истории и традиции человечества... Нынешние политические и милитаристские ужасы, полный распад этики - всему этому я был свидетелем на протяжении своей жизни. Эти ужасы можно объяснить не как симптом эфемерной социальной слабости, а как необходимое следствие роста науки"².

Генеральный секретарь Международного совета философии и гуманитарных наук при ЮНЕСКО, член Французской академии Жан де Ормессон, обсуждая ход событий в нашей стране в годы перестройки, заметил: "Я считаю, что в настоящее время Советский Союз - это центр мира, где решается судьба человечества... Мы сейчас многое ждем от России. И прежде всего веры... Что мы имеем на Западе? Хлеб, вино, возможность путешествовать, пенсионное обеспечение, деньги... Но мы оскудели, разрушились духовно... Мы как духов-

¹Тейяр де Шардан П. Феномен человека. М., 1965. С.277.

² Борн М. Моя жизнь и взгляды. М., 1973. С.45.

ная сущность разрушились, ни во что не верим"¹. Здесь же он указывает на парадокс - Запад, всегда прокламировавший духовные ценности, их первенство, потерял эти ценности, наша же страна, следовавшая принципу материализма и атеизма, по существу сохраняла примат жизни перед материальной.

Трудно сказать, сможет ли справиться со своими проблемами Россия и способна ли она ныне оправдать возлагающиеся на нее надежды. Преимущество нашего положения состоит в том, что мы вынуждены искать путь и делать исторический выбор. Сила инерции многих благополучных стран делает маловероятной решимость круто изменить жизнь и избрать новые ценности.

Средства массовой информации уделяют ныне религиозной тематике большое внимание, сопоставимое разве что с экономическими и политическими темами. Однако говорить о религиозном возрождении по крайней мере преждевременно. Людьюми движет, скорее, стремление освободиться от старых идеологических уз и обрести новые идеалы. Желание веры, жажда идеалов и высшего смысла жизни далеко не всегда получают удовлетворение. Заметна и реакция людей на информационный бум вокруг религии. Отвергается политическое заигрывание с религией, стремление некоторых политиков использовать религию как поддержку в своей борьбе. Ставится под сомнение нравственная правомерность постановки вопроса - пусть религия и ложна, но зато полезна. Надо заметить, что такая критика обоснована лишь тогда, когда речь идет о сознательных и убежденных атеистах, прибегающих к религии как к средству. Но очень большое число людей нельзя отнести ни к атеистам, ни к верующим. Очень многие, если не большинство, не могут определиться окончательно в этом вопросе, не способны ни к отрицанию существования Бога, ни к признанию его. И кто может сказать с полным основанием, что ему достоверно известен ответ на этот вопрос? Поэтому всякое движение к религии имеет смысл и оправдание. Не заслуживает осуждения и участие таких людей в отправлении обрядов. Если ныне признается психотерапевтическое воздействие сеансов, проводимых экстрасенсами, то что мешает признать положительную роль участия в обрядах, молитв и т.д.? Сама настроенность на поиски высших ценностей и смысла существования должна быть оценена значительно выше, чем мертвечина равнодушного отношения к религиозно-мировоззренческой проблеме.

Наша система образования достигла очень многого в обеспечении полного невежества людей относительно религии и содержания ее учения. Можно сказать, что в этой области большинство населения стало неграмотно. Представления о религии в основном сводятся к тому, что религия - это заблуждение, разделявшееся многими поколениями людей, пока наука и просвещение не вывели их к свету. Религию определяют часто как чувство зависимости человека от высшей силы, трактуя при этом всякую религиозность как несвободу, как "рабство человека у Бога" (по выражению Н.Бердяева). Религия действительно выразила зависимость человека от высшего закона его существования в качестве свободной личности и указывала ему на необходимость отказа от произвола, от "своемерия", на его обязанность следовать назначению. И надо признать великую и непреходящую ценность этого главного начала всякой религии. Утверждение, что есть высшая Правда, есть единственно верный Путь, есть Призвание человека, является основополагающим началом жизнепонимания, которое так мучительно ищут люди.

¹"Литературная газета". 8 ноября 1989 г.С.14.

Сложнейшие и острейшие проблемы современного человечества могут быть разрешены успешно лишь при условии коренной духовной переориентации человечества. Такая переориентация должна привести к нравственному преображению личности и творчеству культуры, внутри которой научное знание и вера в высшие ценности одно целое. Речь идет о глубоком изменении отношения к себе, к обществу и миру в целом, т.е. тех параметрах, которые всегда образовывали религию.

4.5. ПОНИМАНИЕ И ПАРТНЕРСТВО (Введение в философию политического диалога)

1. Знание - власть и знание - понимание

Совсем недавно - на заре нового политического мышления консенсусный принцип и концепция превращения противника в партнера воспринимались у нас в качестве основы новой международной политики. Всего три-четыре года спустя они стали оцениваться и как необходимое условие внутривнутриполитической стабильности: опасная поляризация общества поставила проблему границ допустимого противостояния и ограничения его цивилизованными нормами. Вот здесь-то и обнаруживается, что основанием этих норм является универсализм: признание единства человеческого рода. Скажут: кто же, за исключением оголтелых расистов, не признает такого единства? Но в том-то и дело, что формальное признание принципа еще не означает, что им руководствуются в повседневной общественно-политической практике. Традиционная концепция *антагонистических интересов*, которой пропитан менталитет нашего общества, практически перечеркивает универсалистский принцип. Если отношения социальных групп рассматриваются как игра с нулевой суммой - выигрыш одной автоматически влечет за собой проигрыш другой, то это неминуемо порождает стремление свести влияние другой стороны к нулю, аннигилировать ее.

Понимание другой стороны предполагает не только признание законности ее интересов, но и восприятие ее как необходимой предпосылки нашего собственного существования, как составной части нашего жизненного мира.

Формационный подход - бывшее кредо нашей государственной философии - отрицает единство человеческого рода не только в пространстве (в трактовке сосуществующих антагонистических классов), но и во времени: люди предыдущих формаций оцениваются как *другие люди*.

Если духовность - надстройка, то возникновение новой формации означает прерывность духовной эволюции человечества - дискретный ряд формационно заданных "новых людей". Что это означает применительно к случаям многоукладности - когда, например, крестьянство рассматривалось как пережиток прежних формаций, - нам хорошо известно. Поэтому так часто провозглашаемый в настоящее время консенсусный принцип до сих пор остается у нас мировоззренчески нефундированным - инородным укоренившемуся за 70 лет миропониманию. Важно понять, что консенсус - не просто уступка, компромисс, требующий частично поступиться собственными интересами в пользу другого - с таким пониманием мы еще не выходим за рамки манихейского видения. Концепция уступки сохраняет еще понимание взаимоотношения интересов как игры с нулевой суммой. Только перейдя к пониманию другого не как *границы* моих возможностей, а как *расширения горизонта* моего собственного бытия, мы утверждаем гуманистический универсализм. С этих позиций нашему травмированному геноцидом и этноцидом сознанию предстоит снова и снова возвращаться к проблеме многоукладности.

Большевистская модернизация, связанная с расказачиванием, раскрестьяниванием, укрощением "мелкобуржуазной стихии" и другими методами ликвидации "архаичных" укладов и культур, призвана была осуществить прорыв в новое общество.

На деле же ликвидация многоукладности привела к созданию экономикомонстра, оторванной от жизненных нужд народа, не способной к саморазвитию,

к спонтанному заполнению разнообразных экологических ниш. Этот опыт свидетельствует о том, что нет инстанции, способной воплощать всеобщий интерес; историческая перспектива общества не может быть представлена сольным выступлением класса-гегемона. История разворачивается как диалог, исход которого не является предопределением, не "снимается" в каком бы то ни было монологе. В этом смысле приходится признать правоту немецкой "исторической школы", которая выдвинула тезис, что существует не всеобщий субъект - воплощение прогресса, а только исторические индивиды, опыт которых незаменим и не редуцируем. В социальной практике крайне опасны попытки подводить бытие многих под некую "сущность", "снимающую" и обесценивающую их специфический опыт. В этом отношении заслуживает нашего особого внимания феноменология Хайдегера, утверждающая принцип бытия, нередуцируемого во всеобщих сущностях.

Формационный метод в философии истории, как и связанный с ним метод социалистического реализма в литературе, грешит умозрительным отношением к действительности: за типичное ими принимается не то, что преобладает в реальной действительности. Как пишет М.Барг, ортодоксов формационного подхода до сих пор не заставляло задуматься, "как быть в случае, если маргинальными по своему удельному весу оказываются "основные классы", то есть дающие данному обществу "формационную окраску" (М.Барг. Цивилизационный подход к истории // Коммунист. 1991. №3. С.30).

Накануне Октябрьского переворота "основные классы" - буржуазия и пролетариат - вместе составляли едва ли 15% населения. Опыт же большинства - социально-экономический, исторический, культурный - был просто вынесен за скобки как "не присутствующий" в современной истории; в нем усмотрели архаику мира ("пережиток").

Сегодня, однако, историческому познанию предстоит отвергнуть рационалистическую гордыню и признать принцип неопределенности: нет и не может быть учения, которое заранее знает, какой или чей именно социальный опыт будет затребован в ближайшем или отдаленном будущем, станет источником назревших перестроек и новаций. С этим и связан консенсусный принцип в философии истории, запрещающий сводить опыт истории к опыту основных классов, передового класса-гегемона и т.п. Консенсусный принцип связан с презумпцией доверия к историческому опыту вообще, с признанием неиерархичности типов социального опыта. Не в том релятивистском смысле, что все типы опыта равноценны, а в том, что нет инстанции, которая могла бы заранее пометить и предопределить их будущую ценность и приоритетность.

Это предполагает отказ от гегемонистской концепции знания-власти. *Понимание* предполагает не закабаление понимаемого, не перевод его из автономного статуса бытия-в-себе в гетерономный статус бытия-для-нас, а, напротив, открытие и признание его самоценности и свободы бытия-для-себя. Здесь, как и в познании природы, дифференцируются два подхода: целиком прагматическое сознание, связанное с выпытыванием конъюнктурно нужного нам сегодня, с технологическим "потрошением" объекта, и знание-понимание, отраженное в таких понятиях, как целостность, биоценоз, системность и т.п.

В социологии сегодня также обособились две стратегии: "полюсов роста" - развития, организуемого извне, на основе навязанного проекта, и развития снизу, основанного на партиципативном принципе, когда заинтересованные слои населения активно участвуют в формировании развития своего региона, города, поселения и т.п.

Историческая герменевтика по-своему трактует гносеологическое требование объективности познания. Герменевтический парадокс можно выразить так: я становлюсь *объективным* в своем понимании другого в той мере, в какой признаю его свободную субъективность, его право быть иным, не совпадающим как с моими предожиданиями, так и с его собственным прошлым. И, соответственно, я нарушаю принцип объективности как только полагаю себя свободным субъектом, а другого - подчиненным жестким "объективным закономерностям", якобы определяющим его поведение и его судьбу. Как пишет теоретик герменевтики Х.Г.Гадамер: "Тот, кто хочет понять, не должен отдаваться на волю своих собственных предмнений... Герменевтически воспитанное сознание должно быть с самого начала восприимчиво к инаковости текста" (Х.Г.Гадамер. Истина и метод. М. 1988. С.321). Но для того, чтобы вновь обрести восприимчивость к "текстам" других культур - а это жизненно необходимо нам, обанкротившимся из-за упрямой доктринальной приверженности текстам "великого учения", - необходимо демонтировать орудие "тотального" предвидения - формационный дедуктивизм. Историческая герменевтика решительно восстает против гомогенного пространства - времени, соответствующего метафизике Просвещения, а затем и марксизма. Принципиальная, нередуцируемая гетерогенность, связанная с плюрализмом культур, с многообразием социально-исторического опыта - вот что создает проблему для понимания и одновременно полагает самое познание - в противовес нигилизму знания-власти.

Здесь уместно остановиться на втором герменевтическом парадоксе: понимающая общественная теория связывает коммуникабельность культур, самую необходимость их общения не с их сходством, а, напротив, с их несходством; в опыте понимания именно несходство становится ценностью, своим несходством "другой" обращен к нам и говорит для нас. Ищущее гегемонии знание-власть обречено пребывать в тавтологическом кругу: оно приемлет в других лишь элемент сходства и уподобления, все остальное игнорируется или искореняется. Отсюда герменевтическая максима, сформулированная Гадамером: "Если мы хотим понять (другого. - А.П.), мы пытаемся даже усилить его аргументы" (там же. С.346).

Герменевтические парадоксы при ближайшем рассмотрении выступают как парадоксы нашей отечественной истории. Сегодня наиболее дефицитным и ценным опытом является опыт как раз тех социальных слоев, который недавно мы методически искореняли как "классово чуждый", реакционный и т.п. Нам сегодня позарез нужен опыт единоличного крестьянского хозяйства, опыт приватизации, кооперации, аренды...

Перестроечная экономическая теория перешла от восхваления "социалистических достижений" к усилению аргументов "чуждого", "иностранного" опыта: сегодня даже на Западе трудно встретить столь радикальную апологетику рынка, которая получила распространение у нас.

В межкультурной коммуникации с Западом наиболее коммуницирующими сегодня выступают не элементы сходства (в духе, например, леворадикальной и социал-демократической традиции), а контрастные элементы. Самой популярной из социально-экономических доктрин Запада у нас сейчас является *неоконсервативная*, воюющая с социально-экономическим патернализмом, с государственно-монополистической централизацией и т.п. В коммуницирующих культурах действует принцип зеркального отображения: сегодня наши "левые" больше совпадают с "их" правыми, а наши правые с леворадикальным спектром Запада.

Историческая герменевтика исходит из *абсолютного* (не оговоренного какими бы то ни было условиями) признания бытия другого и его ценности как другого. На основании такой презумпции мы сегодня преодолеваем свой социо-культурный эгоцентризм, обрекающий нас во всей человеческой истории и культуре искать и находить лишь собственные предтечи. Но сегодня нам жизненно необходима способность вырваться из круга нашего собственного опыта, ибо в этом кругу с каждым днем, часом возрастает энтропия...

Поиски "другого" стали поисками спасительной альтернативы. Этим "другим" является и наша собственная культура до 1917 г. Формационная догматика одновариантной истории исключала ценность прошлого: все, что является в нем действительно ценным, якобы автоматически удерживается, в снятом виде, новой формацией; остальное выбрасывается в "мусорный ящик" истории. Сегодня мы понимаем, как бывает опрометчиво настоящее: то, что оно "выброшено", завтра может оказаться самым ценным.

Но отвергая идею "снятия", мы не должны уподобляться консервативным романтикам, считающим лишь прошлое подлинным. Сегодня этот прием весьма популярен: отвергать настоящее как неистинное. Но как уйти от того факта, что в свое время прошлое не устояло перед натиском настоящего; оно, следовательно, внутренне полагало свое инобытие, беременело альтернативой. Сегодня мы видим трагическую несостоятельность настоящего; нужен, следовательно, новый диалог с нашей прошлой культурой. Диалог на то и диалог, что в нем представлены на равных две стороны. Современная история, как бы ни была она полна заблуждений и трагизма, является не меньшей бытийственной достоверностью, чем прошлая история: лишь сопрягая опыт той и другой, мы получаем продуктивный культурный диалог.

Наши "западники" отвергают продуктивность диалога с нашим прошлым, противопоставляя ему диалог с сегодняшней западной культурой как более перспективный, если иметь в виду наши перестроечные замыслы. Однако уподобление другому не есть диалог это, скорее, поддакивание и пассивное копирование. Но серьезные проблемы не решаются путем легковесного копирования. Против него можно привести массу убедительных аргументов, ставших общепринятыми, находящимися под рукой обыденного сознания. Речь идет о невозможности применять готовые, апробированные на стороне рецепты, ибо нет и не может быть полной идентичности исторических условий, социальной среды, сознания людей. Заимствованные модели подлежат *интерпретации* - адаптации к условиям места и времени, а уточнение характера последних требует диалога с собственным прошлым... Но мы остановимся на другой проблеме, на наш взгляд, не менее важной.

Призыв к копированию единых цивилизационных норм, воплощенных успешно развивающимся Западом, нам представляется цивилизационной догматикой, весьма напоминающей догматику формационную. И та, и другая ориентируются на "нового человека", на человека "современной формации", отвечающего "духу времени". Обе, по сути дела, видят цель в создании "человека одного измерения", отсекающего в себе "все лишнее", унаследованное от прошлого. За формационной догматикой стоит семидесятилетняя традиция воспитания "коммунистической сознательности". За цивилизационной догматикой лежит примерно столь же длительная социологическая традиция: адаптации человека к требованиям современной промышленной среды, к нормам научно-технической рациональности, к научной организации труда и т.п. Социология до недавнего времени служила подспорьем авангардистско-конструктивист-

ского высокомерия по отношению к сложившимся формам жизни. Основой "цивилизационной парадигмы", сформированной социологией, стали процессы урбанизации и индустриализации. Эти процессы породили массовую проблему людей, не адаптированных к новой среде. Социолог, изучающий состояние выбитой из колеи людской массы, попавшей в непривычные, часто шокирующие и дезориентирующие условия, склонен становится в позу знатока норм, к которым всем предстоит приспособиться. При этом игнорируется богатый, высоко-сложный мир традиций, обычаев, культурных норм, оставленных горожанами и промышленными рабочими первого поколения. Их сознание для социолога - *fabula rasa*, на которую предстоит нанести знаки новой среды. Девиантное (отклоняющееся) поведение, неадаптированность, необходимость новой социализации и интеграции - вот язык "социологического тоталитаризма", требующего безоговорочной капитуляции человека перед требованиями "технической среды". При этом социологическое сокрушение по поводу "неадаптированности", "маргинальности", "отклоняющегося поведения" относятся по сути дела к *большинству населения*.

Вот что писал один из авторов теории "единого индустриального" в 1966 г.: "Я ставлю вопрос, не зиждется ли наша современная цивилизация на невидимом, но непреодолимом конфликте между научным, аналитическим и материалистическим мышлением правящих классов и магическим, синтетическим и образным мышлением класса рабочих и крестьян?" (Fourastie J. *Idees majeurs*. P. 1966.p.74-75).

Речь шла о Франции, слабость которой адепты "научно-технической рациональности" связывали с сохранением экономической и социо-культурной многоукладности, мешающей стране, по их мнению, "адаптироваться к прогрессу". Однако уже несколько лет спустя цивилизационная парадигма Запада претерпевает существенную ломку. Главной проблемой цивилизации стала не пограничная личность, находящаяся между двух культур - традиционной (доиндустриальной) и современной крупногородской, а личность современного человека, психологически хорошо приспособившегося к новой среде, но утратившего нравственные нормы, в том числе относящиеся к профессиональной этике.

Хотя соответствующие симптомы отмечались давно, в этом долгое время не видели особой проблемы. Дело в том, что накануне промышленная социология, вслед за структуралистской философией, объявила о "смерти человека". Речь шла о том, что в "целиком автоматизированном производстве человек якобы вытесняется на периферию, большинство его сформированных историей и культурой качеств уже не являются "затребованными". Но очень скоро началась реставрация культуроцентризма в социологии. Промышленная статистика зафиксировала удивительные вещи: именно вышедшие из деревни и других "традиционных секторов" слои населения, которые накануне были объявлены "неадаптированными", стали главной опорой и надеждой промышленности. Угловатые и косноязычные, они сохранили главное: трудолюбие и дисциплину, тогда как гедонистически ориентированная городская молодежь в основном отвергает массовые профессии как "не престижные". Действительным героем промышленной цивилизации явился не "целиком современный" человек одного измерения, а те, кто сохранил культурную многомерность, чье сознание насыщено драматургией встречи "старой" этики и "новой" психологии.

Но то же самое наблюдается на цивилизационном макроуровне. Феномен "тихоокеанского сдвига" - невиданного индустриального рывка Японии,

Южной Кореи, Тайваня, Сингапура, Гонконга - стран многоукладных в социокультурном отношении, сочетающих "старые" и "новые" культурные системы, - вынуждает пересмотреть догматику цивилизационного униформизма и принцип простого замещения старого новым в культуре. Это касается и Западной Европы. "Новые экономисты" неоконсервативной ориентации обратили особое внимание на один парадокс: сегодня успешнее всего адаптируются к новейшему сдвигу и демонстрируют экономические успехи те страны (и регионы), которые лучше сохранили "архаичную" культуру мелкого предпринимательства. "Этот плюрализм, экономический и социальный одновременно, черпает неиссякаемые жизненные силы из многообразных территорий, из местной культуры, берущей начало далеко в истории, во времена средневековья и городов-государств" (Бассетта П. Плюрализм в экономике и развитие общества // Мировая экономика и международные отношения. 1990. №12. С.92).

Дело не сводится к тому стохастическому принципу, согласно которому те или иные случайные культурные "мутации" в будущем оказываются полезными и подлежат закреплению и усилению (как в случае естественного отбора в биологии). Запас изменчивости в культуре сам по себе чрезвычайно важен, и здесь уже обнаруживается нищета цивилизационной догматики, которая ведет себя так, будто заранее знает все ходы истории и ее будущую "универсальную" нормативность.

Но главное все же в другом - в том, что одномерный "новый человек" имеет установку адаптироваться к новым промышленным и политическим технологиям века, вместо того, чтобы адаптировать - гуманизировать их. За эту свою безграничную пластичность и бесструктурность он так полюбился Великим инквизиторам эпохи, которым он "исповедовался" во всем, не оставляя ничего внутреннего, интравертного, трансцендентного. И теперь, когда цивилизация открыла для себя тот факт, что главным ее мотором является не физическая энергия, выражаемая в киловаттах, а социальная, обнаружилась и нищета нового человека, который лишен внутренних источников действия и постоянно ждет толчка и провокации извне. Реакцией на это открытие и явился новоевропейский фундаментализм: резкая активизация религиозных, национальных, этнокультурных факторов в качестве новых источников человеческой энергии. Философия модернизма полагала, что новый "всеобщий текст" технической цивилизации, фиксирующий ее безликую "рациональность", будет прочитан и усвоен всеми народами автоматически.

Но обнаружилось, во-первых, что народы отказываются усваивать его пассивно, они его активно интерпретируют, а, во-вторых, что вне такой интерпретации, текст сам по себе мертв: не годится в качестве "готового руководства" к действию.

"Забастовки наоборот", то есть деятельность, слепо следующая букве инженерно-управленческих предписаний, давно продемонстрировали этот омертвляющий эффект "готовых" текстов. Поиски законченного априорного текста, который содержал бы в себе в снятом виде весь исторический опыт народов, принадлежат к самым мощным и, пожалуй, самым опасным искушениям европейского рационализма. Эта рационалистическая гордыня в прошлом веке воодушевляла гегельянцев, а в XX - марксистов. Как замечает Гадамер, "по Гегелю..." необходимо, чтобы путь опыта, совершаемого сознанием, привел к такому знанию себя..., которое уже вообще не имеет вне себя ничего другого, чуждого... Поэтому диалектика опыта должна завершиться преодолением всякого опыта, достигаемым в абсолютном знании..." (Гадамер. Там же. С.418).

Формационная догматика марксизма превращает, по примеру Гегеля, историческое в логическое, а особенный опыт "передового класса" трактует как универсально-исчерпывающий. Все то в истории, что представляет наследие "непролетарских классов", объявляется изжитым, морально устаревшим, реакционным. Словом, это - монологическая форма философии истории, не знающая другого, равноправного "ты", способного поведать свою непреходящую истину.

Трагедия "промежуточных слоев и классов" в России XX века в значительной мере предопределена этой диалектикой тождества, уподобляющей передовой класс гегелевской абсолютной идее, не имеющей ничего вне себя. Ликвидация "промежуточных классов" и, в частности, крестьянства, положена логикой преодоления ("снятия") социального инобытия в опыте передового класса, подминающего под себя историю. Диалог различных типов социально-исторического опыта формационному сознанию представляется изначально сомнительным, так как в опыте авангарда оно находит "все действительно необходимое". Это исчезновение "другого" в культуре, в мировосприятии опасным образом сказалось на нашей политической ментальности. И сегодня, вступившие в дискуссию политические оппоненты видят цель не в том, чтобы постичь опыт другого и ввести в свой горизонт некое инобытие, а в том, чтобы убедить другого, то есть уподобить его себе. Каждый стремится, в пределе, к тому, чтобы монополизировать сферу общественного сознания, монологизировать его. Это искушение авангардности свидетельствует о непреодоленности гегельяно-марксистской парадигмы, которая оправдана, "лишь если исходить из предпосылок Гегеля, согласно которым философия истории посвящена в планы мирового духа и благодаря этой посвященности способна выделить некоторые частные индивидуальности в качестве всемирно-исторических, у которых наблюдается якобы действительное совпадение их партикулярных помыслов и всемирно-исторического смысла событий" (Там же. С.437).

Это понимание истории в духе гегельянского логицизма способствует фетишизации Октябрьского переворота и осуществленного в его ходе "социалистического выбора". Так, формационная догматика объявляет Октябрьскую революцию предопределенной всем ходом истории, а все импровизации большевизма, вынужденные чрезвычайными обстоятельствами, освящает в форме исторических закономерностей".

Как здесь не вспомнить Монтеня: "И я склонен думать, воздавая честь добрым намерениям наших властителей, что, не достигнув желаемого, они сделали вид, будто желали достигнутого" (Монтень М. Опыты. Книга вторая. М., 1960. С.406).

Нам предстоит реставрировать живую, многовариантную - диалогичную историю, совершив своего рода попятное движение: от одновариантной формационной логики к исторической феноменологии. Вопреки недавно возникшему афоризму, историческое сознание оперирует сослагательными наклонениями. И мы сегодня не сможем освободиться от стереотипов, ведущих нас к пропасти, если не преодолеем формационный фатализм "единственно возможной истории и не заставим себя услышать другие голоса, несущиеся сегодня к нам из прошлого и представляющие иные варианты истории.

2. Гегемонизм и партнерство

Из двух вышеописанных картин мира - признающей постоянное бытие другого как другого и "снимающей" его в эгоцентричном "синтезе" - вытекают и

две концепции власти: монологическая и диалогическая. Первая коренится в многовековых традициях авторитарно-патриархальной и этактистской политической культуры, вторая еще только формируется. Но за нею, формирующейся, стоят извечные гуманистические устремления, относящиеся к "нормальной" логике человеческих отношений, к "архетипам" человеческого опыта как такового.

Вопреки формационной прерывности, делающей акцент на беспрецедентном, а при переходе к "последней" формации - на разрыве со всем предшествующим грехопадением человечества, современная антропологически ориентированная мысль ищет варианты.

С формационной точки зрения власть носит исторический характер и возникла вместе с частной собственностью и государством. С антропологической точки зрения в институте власти присутствуют два момента: исторически изменчивое и антропологически непреходящее. Она указывает на тот факт, что отношения людей никогда не бывают строго симметричными, равными. Момент асимметрии вкрался в структуру мира; с ним связана сама его динамика. Асимметрия отношений между А и Б означает, что влияние А на Б выше, чем влияние Б на А; Б для А более предсказуем (управляем), чем А для Б. В то же время следует подчеркнуть и другой момент: асимметрия никогда не бывает абсолютной, сводящей влияние Б к нулю, к статусу пассивного объекта. Ограниченная антропологическими инвариантами (человечески возможными в этом мире) история развивается в этом континууме. В ней нет абсолютного безвластия, бесконфликтности, но в ней не может быть и абсолютной власти, которая, подобно "абсолютной технике" технотропных утопий, устраняла бы человеческое измерение, выводила человеческую субъективность за скобки.

Сегодня, когда мы как никогда остро ощущаем свое одиночество, свое изгойство в мире и переживаем свое состояние как отклоняющееся от нормальной цивилизованности, перед нами снова и снова встают вопросы о парадоксах нашего общественного бытия. Парадокс абсолютной (тоталитарной) власти, может быть, главный среди них.

Сегодня мы наблюдаем его в повседневности, изумляясь, как быстро совершается переход от всемогущества власти к параличу власти, неспособной управлять событиями и предвидеть их. Является ли это только результатом нынешнего переходного периода, не наблюдали ли мы и прежде этого соседства власти и хаоса, "абсолютного порядка" с неслыханным беспорядком? Парадокс этот можно конкретизировать так: власть управляла подданными, не управляя собой ("без царя в голове"), она управляла *людьми*, не управляя *обстоятельствами*. Дело в том, что обстоятельствами управляет человек, а если человек абсолютно бесправен, то и обстоятельства вырываются из-под контроля. Принося роль и достоинство человека, абсолютная власть всюду развязывает силы хаоса. Закономерность эта уже описана строгим языком науки - в теории организаций, теории управления, теории партнерства. Одним из первых описал ее французский основатель теории организаций М.Крозье - на примере собственной страны. Вышедшая из революции 1789 г. французская политическая система является этактистской: ее внутренняя интенция состоит в последовательной замене разнообразной гражданской самодеятельности государственно-бюрократическим управлением сверху. То, что эта интенция наталкивается на сопротивление и знает попятные движения, больше объясняется живучестью гражданского общества во Франции, чем эволюцией власти, сохраняющей философию гегемонизма. Эта философия рассматривает власть как игру с нулевой суммой: чем выше автономия и самодеятельность различных групп гра-

жданского общества, тем ниже возможности центральной власти, и наоборот. С этим Крозье связывает известный феномен "блокированного общества" - то есть по-нашему застойного, не умеющего реагировать на новые вызовы века и учитывать новые реальности.

Гегемонизм, претендующий на монопольное влияние, ни в ком не признающий автономного и суверенного "ты", "другого", обречен вращаться в тавтологическом кругу. В чем же принципиальная ценность "другого" в системе власти? Прежде всего, в том, что голосом другого заявляет о себе проблема, которую власть по тем или иным причинам не склонна была замечать. Чем больше в авторитарном обществе умолкнувших голосов, тем больше в нем дремлющих, в тайне вызревших проблем, на которые никто не реагирует. Тотальная власть означает тотальное молчание мира - искусственную картину беспроблемности и бесконфликтности. Не замечаемые проблемы между тем обостряются, пока, наконец, не предстанут в зловещем обличье неостановимого хаоса. Трагедия абсолютной власти в том, что она замечает болезни общества лишь тогда, когда они становятся безнадежно запущенными. Вот антиномия власти: усмирив всех оппонентов, власть делает бесхозными обстоятельства (проблемы), то есть утрачивает механизм обратной связи, с помощью которого всякая система борется с хаосом. В этой связи и проясняется роль "другого" - инакомыслящих, инакодействующих, словом, оппозиционеров. Посредством их персонифицируются проблемы. Пока проблема остается анонимной, пока ее не выдвигает специально затронутый ею субъект, пока она не представлена мощной группой давления, она не принимается во внимание системой принятия решений. Нарушается принцип человеческого заведования делами в мире: анонимность означает и бесхозность. Лишь получив статус законного общественного требования, проблема из вещи в себе становится вещью для нас, проясняется и структурируется. Следовательно, чтобы увеличить свою власть над обстоятельствами, власть должна расширить отношения власти: допустить к участию в решениях те группы и слои населения, которые обнаруживают перед ней "неудобный", проблемный облик мира. В административно-командной системе всякие требования населения оцениваются только негативно - как нечто дестабилизирующее и опасное. На самом деле новые требования, как и новые политические субъекты, структурирующиеся в проблемном поле, - это не только новая, дефицитная информация, но и новый ресурс. Искусство управления, подчеркивает М.Крозье, состоит в том, чтобы "трансформировать новые требования в ресурсы, необходимые для новаций" (Crozier M. *On ne change pas la société par décret*. P. 1979. p.74).

Здесь необходимо вернуться к понятию власти как игры. Вопреки гегемонистскому видению, асимметрия отношений между А и Б никогда не достигает такого состояния, при котором Б теряет всякую автономию и становится полым - "безресурсным". Даже у наиболее бесправного работника или подданного остается в распоряжении такой ресурс, как время: пассивным саботажем или даже неосознанным безразличием он может затягивать исполнение распоряжений, а иногда и ускорять катастрофу. Как мы знаем, любая человеческая деятельность не является алгоритмированной: в любой ситуации требуется творческая интерпретация полученных предписаний, их адаптация к условиям места и времени, к непрерывно меняющимся обстоятельствам. Но интерпретатор - это уже не субъект, суверен того микромира, где он решает и действует. Если, в знак протеста, человек складывает с себя эту миссию суверена и остается на позициях бездумного и механического исполнительства, порядок бытия немед-

ленно дает трещину и силы хаоса развязываются.

Тоталитарное мышление исходит из презумпции "механического порядка", из картины мира, где человек умер. (Отсюда знаменитый афоризм, что "незаменимых людей нет". Тривиальность этой фразы не должна закрывать от нас вытекающие из нее нетривиальные последствия: геноцид тоталитарных режимов. В самом деле, если всякий человек заменим, то трагедия, связанная с потерей личности, исчезает; в крайнем случае речь может идти лишь о количественном уроне, ощутимом лишь тогда, когда счет потерь идет на миллионы). Автоматически действующий порядок - вождь цель тоталитарного мышления, центральное звено его социальной утопии. Общество как "единая фабрика", действующая "с правильностью часового механизма", непрерывные поиски "отлаженного экономического механизма", "механизма власти", "механизма взаимоотношений республик и центра" - все это утопии, тайным основанием которых является смерть человека в тоталитарной культуре. С этим же связан выдуманный тоталитарным мышлением "закон" непрерывной концентрации и централизации: этим процессам сопутствует непрерывное уменьшение человеческого присутствия в мире, нивелировка человеческой субъективности. Но именно здесь кроется и тайна "кощевой смерти" тоталитарной системы. В западной политологии долгое время было принято говорить о необычайной стабильности тоталитарных режимов, напоминающих квазистанционарные системы. А между тем в эти системы вмонтированы часы, отсчитывающие время ее существования...

Тоталитарная система в основе своей - паразитическая. Она жива до тех пор, пока сохраняет свою память и мотивацию не ею созданный, унаследованный от предшествующей эпохи человек, сохраняющий навыки не механически-исполнительского, бездумного и бездушного, а хозяйского, субъектного отношения к миру. Пока жив крестьянин, сохраняющий не предусмотренное логикой системы отношение к земле как к кормилице, хотя она давно уже его не кормит; пока жив рабочий, старающийся исправно трудиться, хотя в системе производства ради производства или производства неликвидов¹ это утратило смысл.

Когда же тоталитарная система действительно получает угодного ей "нового человека", хорошо усвоившего, что "всякая инициатива наказуема", силы хаоса начинают торжествовать повсюду. Человек, выключенный из процесса решений, утрачивает власть над обстоятельствами, и общество вступает в эпоху перманентных катастроф, аварий и сбоев. Сегодня мы как раз и являемся свидетелями этого финала гегемонистских амбиций власти, пожелавшей установить монополию на все решения и навсегда расстаться, таким образом, с присутствием самостоятельного "другого" в мире. Всесилие тоталитарной власти обернулось неслыханным ее бессилием, при котором даже банальные проблемы человеческой повседневности стали выступать как неразрешимые. В этих условиях и возникла необходимость в корне пересмотреть самое философию власти, перейти от власти как гегемонии к власти как партнерству.

Философия партнерства требует перехода от квазимеханических и квазимонолитных систем к системам диалогового типа. Теория классов говорила об объединении людей, имеющих единые интересы и борьбе с теми, кто имеет противоположные. Но в рамках концепции, которая не рассматривает богатств

¹Согласно статистике, рост неликвидов у нас опережает рост национального дохода: более 77% населения, занятого в промышленности, производит не товары, нужные потребителю, а неликвиды, которых скопилось на складах предприятий на сумму более 50 млрд. руб. (в прежних ценах)

во как результат экспроприации чужого труда, а власть - как экспроприацию чужой воли (т.е. понимает их не как игру с нулевой суммой), речь идет о сотрудничестве людей, имеющих разные интересы и строящих свои отношения на принципе дополнительности (обмена). Понимание власти как стратегической игры партнеров, каждый из которых имеет свои интересы и обладает своей волей, но подчинен общим правилам, не придает особого значения чистоте первоначального замысла. Результат все равно окажется отличным от замысла, ибо действующий субъект имеет дело не с пассивным объектом, который он "лепит" в духе "проекта", а с другими, столь же автономными субъектами, воля которых одновременно и ограничивает его волю, и расширяет ее диапазон, ибо "другие" привносят свои ресурсы и возможности.

Совместная власть над обстоятельствами, поле взаимного хозяйствования в мире расширяются, противостоящий всем хаос укрощается...

Словом, между философией гегемонизма и философией партнерства лежит та самая граница, которая отделяет старый мир жесткого лапласовского детерминизма и тотальной предсказуемости от современного, несравненно более сложного мира статистических закономерностей и вероятностных подходов. Тот, кто желает тотальной предсказуемости поведения людей, обречен сталкиваться с непредсказуемостью обстоятельств; тот, кто готов предоставить большую автономию партнерам, в обмен получает важнейшие антиэнтропийные факторы: "их" волю и "их" информацию.

С социологической точки зрения здесь противостоят две концепции: формационной прерывности и цивилизационной непрерывности. Формационные презумпции "непримиримо противоположных" интересов классов, мировых систем, государств с различным общественным строем предполагают грядущий переход к моносубъектному миру; следовательно, все то, чем "ведущая передовая сила эпохи" "еще не" в состоянии управлять, отдается на откуп хаосу. Так появляются прорехи и разрывы цивилизационной ткани, чреватые прорывом наружу космогонической архаики варварства...

Наше "новое мышление" во многом является новым только для нас: за теорией власти как партнерства стоит давняя традиция либерализма и философия номинализма - понимания "общего интереса" как баланса индивидуальных интересов. Однако социологическая и политологическая экспликация этой философии, перевод общих ее положений в операциональный план, в практику повседневности остается проблемой, решаемой теориями "среднего" и "низшего" (прикладного) уровней. Весьма перспективными в этом плане явились разработки Центра по урегулированию конфликтов при Мичиганском университете, исследования Гарвардской школы и др. Концептуально они соотносимы с установками Чикагской школы в экономической области, давшей мощный импульс течению неоконсерватизма. Так, Р.Аксельрод из Мичиганского университета сумел доказать, что в условиях длительного конфликтного взаимодействия, когда за каждым туром противоборства следует другой, "крайне невыгодно делать ставку на разовый выигрыш, достигнутый за счет потери доверия другой стороны" (Р.Фишер и У.Юри. Путь к согласию или переговоры без поражения. М., 1990. С.11).

Если исходить из эсхатологической перспективы надвигающегося конца "грешного мира", за которым наступит коммунистическое царство тотального единства интересов, безконфликтности и безпроблемности, тогда оправдана стратегия безудержной эскалации классовых и межсистемных (международных) конфликтов, которые должны завершиться гибелью мешающей нам

"другой стороны". Но если исходить из светской перспективы вечно многообразного, плюралистического и в то же время несовершенного мира, которому не дано превратиться в рай, тогда нельзя откладывать улаживание конфликтов до судного дня истории: необходимо жить нормальной человеческой жизнью уже сегодня. Цивилизованная стратегия - это процесс приумножения общих интересов и создания единого социо-культурного пространства, в котором обитают разные субъекты, согласные, невзирая на различия интересов, соблюдать общие "правила игры" - партнерские нормы.

Сегодня гегемонистская стратегия политики как войны (в духе Клаузевица), предусматривающая "полную победу" над противником, требующая для этого "полного перехвата инициативы", обеспечения перевеса "в решающей момент в решающем месте", выступает как стратегия временщиков, которым важно сегодня сорвать банк, а потом хоть потоп.

К сожалению, множатся признаки того, что привычная политика еще недавнего Центра и сегодня напоминает эту стратегию краткосрочных выигрышей, достигаемых за счет доверия населения и поддержания долговременно устойчивых отношений между государством и гражданским обществом. Сокращение интересов, дезориентирующие акции, стремление не дать опомниться другой стороне и получить выигрыш за ее счет - все это выводит государственную политику за рамки отношений цивилизованного партнерства. Приходится констатировать, что сегодня большинство институтов нашего общества ориентируется преимущественно на стратегию краткосрочного, "вырванного" у других успеха, как будто имея перед собой перспективу грядущего потопа, "обрыва времен". Так ведет себя наш "венчурный капитал": появившиеся на волне перестройки бизнесмены, кооператоры, арендаторы зачастую не соблюдают никаких правил игры, отбрасывают всякую этику, намереваясь сразу заполучить "весь капитал" - за счет интересов потребителя и утраты его доверия. Но разве не проявляются признаки этой же стратегии у депутатов, у местных органов власти, у экспертов, поставляющих рекомендации и прогнозы...

В цивилизованном обществе погоня за успехом ведется в контексте имеющих продолжение отношений с партнером; каждый шаг должен осуществляться таким образом, чтобы это в большей мере способствовало развитию будущих отношений и расширению масштабов партнерства.

Как требует современная концепция переговорного процесса, "каждый участник переговоров преследует двойной интерес: относительно существа дела и взаимоотношений между партнерами". (Там же. С. 35).

Здесь мы сталкиваемся с особой диалектикой интересов. Безусловность присутствия "другого" в мире, учет перспективы непрерываемых отношений с ним заставляет по-новому взглянуть на его интересы. Когда речь идет о стратегии разового выигрыша, их интересы остаются их интересами. Когда же речь идет о необходимости долгосрочных цивилизованных отношений, "их" интересы становятся *нашими* интересами. Поражения другой стороны, ее острое недовольство и вызванная им непредсказуемость поведения - это в долгосрочном плане и *наше* поражение, вызов нашему благополучию, нашему будущему. Отсюда - парадоксальное требование: вместо того, чтобы обманывать оппонента, дезавуировать и ослаблять его позицию, долгосрочная стратегия заставляет нас не только сполна учитывать его интересы, но даже усиливать его позицию на переговорах, формулируя и те интересы другой стороны, которые она сама еще не осознала и не выставила как условие переговоров. Ибо рано или поздно она все равно их осознает и тогда потребует пересмотра сегодня

заклученных договоренностей - сделает общее будущее менее предсказуемым.

Важнейшим разграничителем краткосрочной и долгосрочной стратегий (понимаемых здесь как *альтернативные*) является разграничение объективных *интересов* сторон и занятых ими *позиций*. Позиция носит доктринальный характер и идеологизированный характер; зачастую она имеет главной целью продемонстрировать оппоненту или третьей стороне (окружению) тот или иной "имидж". Например, в случае позиций нашего партаппарата мы нередко сталкивались с демонстрацией имиджа "защитника трудящихся", которые "не приемлют рынок", верности "социалистическому выбору", "великому учению" и т.п. Что же касается интересов, то здесь на деле речь шла о том, каковы шансы представителей партаппарата найти свое место в рыночной экономике, каковы возможные последствия утраты власти: ожидал ли их цивилизованный статус уважаемой оппозиции или угроза мести и эшафота...

Весьма и весьма заблуждается тот, кто примет на веру демонстрируемые позиции ортодоксальности или "заботы о трудящихся". Но это отнюдь не означает, что можно сбросить со счета действительные тревоги и заботы многомиллионной армии достаточно образованных, социально активных и притязательных людей, заинтересованных в своей будущей безопасности и общественном статусе. Любая политика, какими бы демократическими ценностями она не воодушевлялась, станет политикой гегемонизма (а следовательно, и будущего хаоса), если она игнорирует эти действительные интересы. Будущее оппонентов - составная часть проблемы, которую решает занятый преобразованиями политический субъект, даже если он представляет противоположную сторону.

И здесь необходимо еще раз прояснить философию стохастического мира, характеризующегося неустранимым многообразием и многовариантностью.

Доктринально оформленные позиции сторон отличаются моновариантностью, тогда как реальные интересы многовариантны: их можно удовлетворить альтернативными способами. Переговорный процесс, связанный с открытием каждой стороной "бытия другого в мире", означает увеличение числа взаимоприемлемых вариантов. Вместо жестких дилемм и "единственно правильных" решений открывается стохастическая картина гибких, многовариантных систем. Признание "другого", актуализация "ты" в общественном сознании неминуемо ведут от одновариантного к многовариантному миру. В таком мире нет места "единственно правильным", "всепобеждающим" учениям.

В заключение еще об одной дилемме, стоящей перед субъектами социальных новаций и предопределяющей способы их самоопределения в проблемном поле. "Вопрос "почему" имеет два совершенно различных значения. Одно из них направлено в прошлое в поисках причины и определяет наше поведение прошлыми событиями, другое направлено в будущее в поисках цели и определяет наше поведение нашей свободной волей". (Там же. С.68),

Те, кто больше думает о будущих интересах, а не об определившихся ранее позициях сторон, менее склонен попрекать оппонента прошлым и помнить старые обиды. Тем самым они более свободны в действиях и открывают больше свободы другой стороне. Прошлое однозначно, тогда как будущее многовариантно. И не только в том субъективном смысле, что, в отличие от прошлого будущего мы не знаем, и потому вынуждены выдвигать и сопоставлять различные его версии. Дело, скорее, в том, что ни наш выбор, ни исход наших отношений с партнерами по строительству совместного будущего, не являются

изначально predeterminedенными, представляют, скорее, стратегическую игру, результат которой в принципе не задан заранее.

С этой точки зрения социальная философия, усматривающая в общественной эволюции "естественно-исторический процесс", подчиненный непреклонным закономерностям, принадлежит к пережиткам социологического натурализма (частным случаем которого является географический детерминизм). К нему же примыкают представления об экономике и политике как игре с нулевой суммой. Общественные ресурсы носят не натуральный, а социальный, субъективный характер. Чем большее количество автономно действующих, творчески изобретающих субъектов сумеет мобилизовать общество, тем больше его богатство, выше степень его свободы, снимающей преграды развития.

Бесконечность богатств мира открывается бесконечно многообразному, многостороннему субъекту, который и в малом найдет большое (как, например, японцы сумели найти огромные резервы на своей малой территории). И, напротив, творчески скудная, одновариантно мыслящая "моносубъектность" и в огромном находит лишь малое и без конца сетует на дефицит средств.

4.6. СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МОРАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ

Здоровый не станет поклоняться здоровью, и атлет на обложке популярного журнала - гарантия затаенной патологии. Сколь часто аффектированная мускулатура есть симптом бегства от собственной слабости! Сколь часто погоня за здоровым цветом лица говорит о застарелом малокровии! И что может быть страшнее непонимания в этом вопросе? Ведь мотив здорового общества зачастую оказывается речью социума, глубоко озабоченного собственным здоровьем.

Именно эти соображения заставляют обратиться не к рассмотрению ценностей гражданского общества, демонстрирующих его здоровье, потенции саморазвития, органичность социальности и т.д., но к тем часто малозаметным технологиям социальной терапии, которые позволяют обществу удерживаться на грани душевной патологии, не скатываясь за эту грань. И в центр нашего рассмотрения мы оставим мораль - наиболее чуткий барометр общественного здоровья.

С некоторых пор общим местом стало сравнение душевных патологий, порожденных тоталитарными режимами, и тех весьма симпатичных ценностей, достоинств, добродетелей, которые присущи цивилизованному гражданскому обществу, находимому нами за пределами забытого сегодня железного занавеса. И это совершенно справедливо. Но вот ведь в чем проблема, если сформулировать ее словами Карла Юнга. "Западный человек, - пишет Юнг, - осознавая агрессивное стремление к власти со стороны Востока, находит себя вынужденным принимать экстраординарные меры защиты и в то же время гордится своей *добродетелью и добрыми намерениями* (курсив мой. - А.Ф.).

Ему не удается увидеть, что это его собственные пороки, которые он скрыл за хорошими международными манерами, бросаются ему назад в лицо коммунистическим миром, бесстыдно и методично. То, против чего устоял Запад, хотя тайно и с легким чувством стыда... возвращается назад и в полной мере с Востока, завязывая Запад в невротический узел. Это лицо его собственной злобной тени насмехается над западным человеком по ту сторону железного занавеса...

Для нас было бы гораздо более кстати сделать серьезную попытку узнать свою собственную тень и ее гнусные дела. Если бы мы могли увидеть свою тень (темную сторону нашей природы), мы были бы иммунны по отношению к нравственной и интеллектуальной инфекции и вмешательству. Как показывает теперешнее положение дел, мы остаемся открытыми для любой инфекции, потому что мы делаем практически то же, что и *они*. У нас есть только дополнительный недостаток, что под покровом хороших манер мы как не видим, так и не хотим понять, что мы сами делаем"¹.

Возможно, что Юнг несколько преувеличивает имеющееся положение дел, но, по крайней мере, идея его выражена достаточно ясно. Та *порядочность*, которую продемонстрировал миру коммунистический тоталитаризм, не есть нечто противоположное *добродетели* гражданского общества, но оказывается собственными пороками этого общества, выставленными безо всяких прикрас и с отвратительной ясностью. И проблема лишь в том, *как и за счет*

¹ Юнг К.Г. Приближаясь к бессознательному // Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. М.: Прогресс, 1990. С.416-417.

чего создается некоторая *устойчивость* в добродетели, позволяющая западным обществам противопоставлять себя *бесстыдству* тоталитарных режимов. То есть, это проблема терапевтических технологий гражданского общества.

Так не говорит ли все это о том, с чего мы и начали наше рассуждение? О том, что несомненная моральность занимающих наше воображение социумов - аффектации ценностей трудолюбия, терпимости, семьи, свободы и так далее, - все это симптом неких утаиваемых прежде всего от самого себя тенденций прямо противоположного плана. Не говорит ли это о поражении общества в столкновении с ценностями? Поражении, компенсируемом достаточно искусственным терапевтическим - образом.

Поясню свою мысль примером. Отойдем на некоторое время от глобальных вопросов морального противостояния гражданских и тоталитарных обществ и обратимся к вещам совершенно обыденным - к повседневной терапевтической практике.

Герберт Гендин, проработавший много лет психологом в одном из американских колледжей, описал в 1975 году свои наблюдения над неврозами школьников. И, в частности, наблюдения над неврозами, связанными с агрессивностью. Так вот, в течение ряда лет он обнаружил удивительное смещение мотивов, связанных с агрессивностью в конкурентных смысловых установках.

Если раньше неврозы возникали у школьников в ситуации соревнования, конкуренции, самоутверждения и т.д., то в последнее время те же самые неврозы Гендин начал наблюдать в ситуациях соревнования школьников по поводу своей "несоревновательности", конкуренции по поводу своей "неконкурентности". И те же самые терапевтические технологии, которые применялись при неврозах, связанных с агрессивностью в конкурентных структурах, теперь приходилось использовать для лечения неврозов конкуренции между школьниками, возникающих по поводу их "неконкурентности"¹.

О чем говорит этот пример? Прежде всего, о том, что такие - весьма привлекательные - ценности, как "неконкурентность", "неагрессивность" и т.д., исполняются школьниками как некоторый противовес тенденциям прямо противоположного плана - конкурентности, агрессивности и т.д. Это исполнение ценностей достаточно трудоемко, сопровождается такими же душевными эксцессами, которые были связаны с утаиваемыми ныне установками, и требует *терапии* для своего успешного осуществления.

Но если это верно для некоторой ограниченной общности, в частности, для общности школьников колледжа, то почему такого рода закономерность не должна быть верной для общностей более широких? Для общества в целом, наконец? А если верно и это, то не следует ли, стремясь к построению аналогичного общества, озаботиться также и освоением терапевтических технологий, удерживающих это общество на грани нервного срыва?

Ответим на эти вопросы утвердительно и примем эти утвердительные ответы за фундаментальные постулаты, обосновывающие все дальнейшие рассуждения. Наибольший же интерес в них вызывает не содержание тех или иных моральных максим, исповедуемых гражданским обществом, и даже не структуры задаваемого этими максимумами человеческого общежития (а они, кстати, весьма комфортны!). Здесь мы интересуемся прежде всего искусством лекаря, находящегося за кулисами ценностей. Ведь разгадка видимого - в умолчанном, не правда ли?

¹См.: Hendin H. The Age of Sensation. N-Y: Norton @ Company, 1975.

И когда вы слышите отсюда, находясь в самом центре духовной пустыни, весть о *здоровом обществе*, - то это ли не повод осведомиться о практикуемых там способах *лечения*? Ведь пустыня растет, и она, кстати, не делится на Восток и Запад!

Итак, социальные технологии моральной терапии гражданского общества - таков предмет настоящего исследования. Предприятие это может показаться дерзким. Ведь странно писать о терапевтических технологиях применительно к обществу, столь явно обретающему для нас сегодня - по крайней мере на страницах этой книги - черты морального образца. Элементарный здравый смысл тут же осуществляет такую примерно логическую операцию: раз есть терапия, то есть и патология, а если имеется патология, то какой же это образец!

И, может быть, он - этот здравый смысл - не так уж далек от истины. Но как раз истина-то для человека, погружившегося в сферу моральной рефлексии, оказывается наиболее бесполезной вещью. И правда, что нам до истины, когда душа требует идеала! И почему бы, действительно, не скроить себе идеал из тех ликов, в которые складывается моральная физиономия гражданского общества?

Это - замечу я - совершенно законная операция. И человек вправе иметь идеал! Так что, здесь нет никаких возражений. Но существуют ведь и дотошные люди, интересующиеся фактами. Вот некоторые из них.

По данным президентской комиссии по психическому здоровью, собранным четырнадцать лет назад (в 1977 году), 1/4 американцев страдают жестокими эмоциональными стрессами. 32 млн. человек нуждаются в профессиональной психической помощи. Национальный институт психического здоровья (National Institute of Mental Health) установил, что кроме 500 000 госпитализированных шизофреников есть еще около 1.75 млн. негоспитализированных; кроме того, около 60 млн. американцев проявляют психические отклонения, связанные с шизофренией¹. С 50-х по 70-е годы уровень самоубийств повысился на 250%, и сейчас снижения не наблюдается.

Не это ли цена симуляции морального здоровья? Симуляции, выстроенной по известному принципу: "Веди себя счастливо, и ты будешь счастлив!" или "*Веди себя морально, и ты будешь морален!*"

Итак, не пора ли приступить к расшифровке нашего предмета, - к разъяснению того, что мною понимается под социальными технологиями моральной терапии? Попробуем это сделать.

В одной из известнейших своих работ Э.Фромм описывает такого рода гипотетическую ситуацию. "Предположим, - пишет он, - что внутри нашей Западной культуры только на четыре недели прекратят функционировать одновременно кино, радио, телевидение, спортивные новости. Каковы будут результаты для людей, предоставленных самим себе? У меня нет никаких сомнений, что даже в течение этого короткого времени произойдут тысячи психических катастроф, и многие-многие тысячи людей будут отброшены в состояние жесточайшего беспокойства, не отличающегося от клинической картины невроза"².

Удивительная вещь, но *Здоровое общество* - а именно так, кстати, назы-

¹ См.: Gross M.L. The Psychological Society. The Critical Analysis of Psychiatry, Psychotherapy, Psychoanalysis and the Psychological Revolution. N-Y: A Touchstone Book, 1978.

² Fromm E. The Sane Society. N-Y. 1966, P.25

ваются только что цитированная работа - способно поддерживать свой тонус лишь благодаря известным процедурам, достаточно ограниченным и определенным. В научном и публицистическом обиходе эти процедуры объединяются одним неопределенным термином - "массовая культура". Ей, массовой культуре, приписывается множество функций, даются самые противоречивые оценки, но очень редко упоминается ее главная функция - обеспечивать терапевтические процедуры по отношению к массовому сознанию членов гражданского общества.

Впрочем, изредка эта функция "массовой культуры" все же упоминается. Сошлемся хотя бы на ставшую в свое время бестселлером книгу Кристофера Лэша "Культура нарциссизма". Его главная тема в этой книге - истощение ценностей. "Экономический человек", как показывают наблюдения, уступил место "психологическому человеку". Протестантская этика, ставшая идеологией возникающего индустриального общества, уступает место установкам психологического комфорта и покоя.

"Охваченный беспокойством, депрессией, неясным недовольством, ощущением внутренней пустоты, "психологический человек" двадцатого столетия не ищет уже личного возвышения или духовного выхождения за пределы сущего; лишь душевное спокойствие интересует его, и это при наличии условий, постоянно нарушающих это спокойствие. Терапевт, а не священник или проповедник самопомощи, успеха в бизнесе и т.д. становится теперь его принципиальным союзником в борьбе за спокойствие; человек обращается к нему в надежде получить современный эквивалент спасения или "душевного здоровья"¹.

Но что значит - "истощение ценностей"? Как вообще возможно это истощение при достаточно устойчивых внешних проявлениях ценностей? Чтобы понять это, нам придется совершить краткий экскурс в историю культуры индустриальной эпохи. Ибо основание "истощения ценностей" - в самой их архитектонике.

Открытие себя начинается для человека Нового Времени с удивления *нравам*. Вот Монтень, удивляющийся преуспеванию безнравственных и бедствиям, постигающим *добрых*. Вот он же, поражающийся раздвоенности нравственности, которая, с одной стороны, есть сфера *общественных нравов*, манифестация *общности*, а с другой - выражение индивидуальных умонастроений.

Отсюда, кстати, его утверждение, что человек должен делать все без исключения, но "любить делать только хорошее".² Собственно, здесь и завязывается интрига всего поиска: а что это такое - "хорошее"? Откуда человек Нового Мира способен знать и любить "хорошее", если зачастую его индивидуальное умонастроение оказывается в противоречии с диктуемыми властью установками. Чему отдать предпочтение?

Именно отсюда начинает разворачиваться клубок социологических, политических и антропологических открытий Просвещения, приведший, наконец, и к открытию морали, которая, как это станет ясно, стоит за всеми этими открытиями.

Но - все по порядку. А пока набирающая силу рационалистическая мысль склоняется к тому, чтобы отдать предпочтение разуму и, в конечном итоге, разумному *индивиду*. Тому самому индивиду, который обладает *свободой*.

С другой стороны, уже Гоббс начинает сомневаться в разумной способности

¹ Lach C. The Culture of Narcissism. American Life in An Age of Diminishing Expectations. N-Y: Warner Books, 1979. P.42.

² Монтень. Опыты. В 3-х т. М-Л. Т.1. С.213

а следовательно, и в моральной компетенции индивида. Для него человек уже не является ни рациональным, ни социальным абсолютom. Наоборот, его ценность "составляет ровно столько, сколько можно дать за пользование его силой, и поэтому является *вещью* (курсив мой. - А.Ф.) не абсолютной, а зависящей от нужды в нем и оценки другого"¹.

То есть для Гоббса *ценности* уже вполне конвенциональны и оказываются функцией социальных связей между людьми. Впрочем, здесь пока еще *эмпирическая* наука, обращенная к нравам. *Наука*, обращающаяся ко всеобщим основаниям нравов, появится чуть позже.

Своеобразный синтез Декарта и Гоббса предлагается в сенсуалистических учениях о нравах. С одной стороны, здесь сохраняется идея общественного договора, выводящая нравы из социальной конвенции и признающая за *общепринятым* в поведении статус нравственного (Локк). С другой стороны, постулируется наличие особого рода социальных чувств, способных усматривать нравственное (Юм, Ферпоссон, Смит).

Здесь уже чувствуется приближение к тайне новой социальности, армированной императивом всеобщности. Ощущение этого императива, выраженное в моральном чувстве, составляет, по мысли этих мыслителей, - ядро социальных чувств, которые синтезируются в одном всепоглощающем чувстве - чувстве долга. Вот как определяет моральное чувство А.Смит: "Наше уважение к общим правилам нравственности есть собственно так называемое чувство долга."²

Собственно, далее можно было бы и не продолжать. Ибо здесь ведь сформулирован регулятор любого выбора. *Должное - не должное*, не это ли предельный ориентир для осуществления любого социального действия. Всех этих революций, конституций, деклараций, которыми изобилует история Нового Времени? Но что же за *должным*?

Развитие этических идей Нового Времени с необходимостью приводит к постановке в центр внимания проблемы морального долга. Именно в *долженствовании*, как это становится очевидным, находится ключ к разрешению противоречий морального смысла, зафиксированных самими различными мыслителями. Одним из первых на это обратил внимание Давид Юм. Анализируя особенности этического дискурса, постоянно переходящего от констатаций существования к утверждениям *долженствования*, Юм пишет: "*Подмена эта происходит незаметно, но тем не менее она в высшей степени важна. Раз это должно или не должно выражает некоторое новое отношение или утверждение, последнее необходимо принять во внимание и объяснить, и в то же время должно быть указание того, каким образом это новое отношение может быть дедуцировано из других, совершенно отличных от него*".³

Иными словами, Юм указывает, что никакая апелляция к *существующим* социальным установлениям или душевным склонностям не является достаточным основанием для употребления их в модальности *долженствования*. И обоснование этой модальности должно осуществляться как-то иначе. Но как - Юм не знает. В этом виде проблема *долженствования* и достается Канту.

Отлично известны те выводы, к которым приходит Кант. Моральный дискурс гражданского общества, описанный им, базируется на четырех постулатах

¹ Гоббс Т. Избр. произ. В 2-х т. М., 1964. Т.2. С. 118.

² Смит А. Теория нравственных чувств. СПб, 1868. С.520.

³ Юм Д. Соч. В 2-х т. М., 1966. Т.1. С.618.

- *автономность* морального выбора; *сверхчувственность* морального императива (долг - есть "мостик" между чувственным миром и сверхчувственностью чистой формы); *всеобщность* как формальная определенность моральной максимы; *негативность* как то логическое отношение, в котором находятся между собой миры чувственного и сверхчувственного (этой мыслью, собственно, завершаются "Основы метафизики нравственности").

Обычно, говоря о кантовском вкладе в описание морального менталитета гражданского общества, останавливаются лишь на первой характеристике - автономности морального выбора. Реже упоминается третья характеристика - всеобщность моральных максим гражданского общества. Но почти нигде не анализируется связь между *всеобщностью* и *негативностью*. А ведь это именно та связь, которая лежит в основании неизбежного *истощения* ценностей гражданского общества.

Ранее мы достаточно подробно останавливались на этом¹. Отметим сейчас лишь главное. Оно же заключается в следующем. Устройство *всеобщих* ценностей - а именно таковы ценности гражданского общества - таково, что любому позитивному императиву, провозглашаемому как *всеобщий* императив, неизбежно возникает психологическая смысловая *альтернатива*. Причем эта альтернатива всегда будет иметь статус затаенного *подлинного* по сравнению с *неподлинным* содержанием провозглашенной всеобщей максимы.

Собственно, именно здесь возникает то напряжение, которое превращает общество в "психиатрическое общество". Именно здесь берут начало основные неврозы западной цивилизации. На этом противоречии вырос весь психоанализ. И именно эта закономерность лежит в основании истощения тех позитивных установлений, которые составляют содержание ценностей. В том числе и ценностей гражданского общества.

Собственно, эта тема создала литературу конца XIX-начала XX века. Де Сад, Ницше, Т.Манн, Фрейд, Годлер, Достоевский - вот имена, сразу приходящие в голову, когда мы начинаем говорить о ней. С этой точки зрения любой фанатизм, в удивительном обилии и разнообразии демонстрируемый социалистическими течениями этого периода, может рассматриваться как неявная терапевтическая стратегия, жестко привязывающая человека к той или иной ценности и не позволяющая ему отдаться раздваивающей силе всеобщих максим.

Более того, именно фанатическое упорство во *всеобщих* ценностях создает смысловую базу любого *тоталитаризма*. Поэтому неудивительно, что любой тоталитаризм избирает мораль в качестве своего языка. *Слава, доблесть, геройство, самопожертвование, сознательность* - как это все знакомо нам по недавнему прошлому. Но ведь тоталитаризм есть лишь доведенное до крайности *упорство* во всеобщем, тогда как сами всеобщие ценности - суть порождение гражданского общества.

Неудивительно поэтому, что стратегия *тоталитаризации* бытия оказывается одной из наиболее интересных терапевтических технологий, практикуемых в западном обществе для компенсации невротического потенциала исповедуемых всеобщих ценностей. Разумеется, это не тоталитаризм *власти*, находимый нами по нашу сторону железного занавеса. В первую очередь это - *вещный тоталитаризм*.

Что означает *вещная* тотальность? Это чрезвычайно интересный фено-

¹См.: Франц А.Б. Мораль как способ отношения человека к сверхчувственному: проблема морального отчуждения // Отношение человека к иррациональному. Вып.1. Свердловск: Изд-во Уральского Университета, 1989. С.67-95.

мен. Иногда даже кажется, что здесь найден достойный выход из того тупика, в который загнал себя морализующий человек. Впрочем, не следует очень уж обольщаться на этот счет. Ведь мы-то с вами знаем, какова внутренняя конструкция любых тотальностей, любых всеобщих структур. Но - к делу. Вот - Жан Бодрийяр и одна из самых ранних его работ "Общество потребления" (впрочем, справедливости ради, заметим, что имя ему сделала в значительной степени именно она; дальше шли уже в основном прибавления к имени).

*Очень немного вещей, - пишет он здесь, - предлагаются сегодня в одинокую, вне контекста вещей, говорящих о них и за них. И отношение потребления к вещам соответственно изменилось; вещь не воспринимается более в отношении к своей специфической ценности, но лишь в ансамбле вещей, в их общем (total) значении. Стиральная машина, холодильник, кухонный комбайн и так далее имеют иную значимость, когда они сгруппируются вместе, нежели по отдельности.*¹

Это весьма интересное наблюдение. В самом деле, в течение нескольких столетий Нового Времени сначала наука, а затем и *техника* формируют вещный мир человека по оставшимся от христианского Бога меркам *всеобщности*. По моральным - в конечном итоге - меркам.

И вот, к концу XIX века это формирование в основном закончено. Человек получает *целостный* мир вещей, создающих *универсум человеческого общежития*. Человек заключен теперь в капсулу, состоящую из вещей, - и это его мир.

Обретение своей целостности, тотальности, всеобщности - это для человека теперь обретение такого набора вещей, чья взаимосвязь и *пригнанность* друг к другу - абсолютна. Вещи должны в этой своей взаимосвязи не оставить ни *щелки* для пустоты, недоговоренности, незаполненности *полезными функциями*. И вот этот абсолютно заполненный мир становится теперь миром человеческой всеобщности.

Вещи, а вернее - вещные тотальности, начинают теперь светить отраженным светом морали. Включение в вещную тотальность доставляет теперь такое же ощущение *правоты, истинности и справедливости*, которое испытывал человек, включенный во властную тотальность страшных тоталитарных режимов.

Потребление *целостного* мира вещей обретает в технологии вещных симуляций всеобщего - статус *морального действия*. Вещи получают здесь значимость, не сводимую только лишь к их непосредственным потребительным качествам. Взятые в своей совокупности, они отсылают совсем к другим по сравнению с *просто вещью* смысловым сферам - к сферам всеобщего, к морали.

Собственно, вещная совокупность, взятая как некое значащее бытие, и образует теперь мировую тотальность. Христианский Бог телесных цивилизаций уступает место *потреблению* - этой евхаристии цивилизации *вещной*. Потребление теперь становится "системой, которая обеспечивает регуляцию символов и интеграцию общностей (групп): это одновременно и мораль (система идеологических ценностей), и система коммуникаций"².

Вещный мир, сконструированный по всеобщим законам, начинает возвращать эту всеобщность в виде *морали*, которая теперь, по-видимому, коре-

¹Baudrillard J. Selected Writings. Cambridge: Polity PPress, 1988. P.31.

² Ibid. P.46.

нится именно в вещах, камуфлируя тем самым генезис новой тотальности, ее оборудование по законам, заимствованным из моральной сферы.

Различения, значимости, ассоциации вещей начинают в XIX, а особенно в XX веке играть роль моральных структур, рожденных индустриальным обществом. Вещь становится *видимой, различимой, чувственно воспринимаемой моралью* индустриального мира. Мораль таким образом спускается с вершин кантовского сверхчувственного царства целей - в *чувственный* мир супермаркета.

Вещи, их синтаксис и риторика обращены к социальным стремлениям, целям и общественной логике. Они говорят нам не столько о потреблении или о технической стороне дела, сколько о социальных притязаниях на какую-нибудь значимость, о социальной мобильности и инерции, о включенности и невключенности в культуру, о стратификации и социальной классификации. Посредством вещей каждый индивид или социальная группа находят свои места в общем порядке, одновременно пытаясь привести этот порядок в соответствие со своей собственной траекторией. Посредством вещей стратифицированное общество говорит. И если кажется, что вещи, так же как и масс-медиа, обращаются к каждому, то они тем самым помещают наев определенное место. Короче говоря, под вещами, под печатью частной собственности, - всегда прокладывает себе дорогу ценностный процесс. Везде и всегда вещи - это не только кухонная утварь, но также и условие, и способ признания общественного ценностного процесса.¹

Тотальность вещей порождает тот тип человека, который Хосе Ортега-и-Гассет назвал человеком массы, массовым человеком. Его мироощущение философ передает словами старой испанской поговорки: "Широка наша Кастилья!" Сравните с вербализацией тоталитарного человека, замечательно сделанной в знаменитой строке: "Широка страна моя родная!" Мы находим совершенно один тип, реализованный, правда, в разных тотальностях. Но и это тоже, выражаясь словами Ницше, - *последний человек*.

Впрочем, нет! Тотальность массового человека зиждется в вещном мире. Она *загрязнена* вещью. Это далеко не та степень очистки и возгонки моральной всеобщности, которая достигается в бестелесном мире власти как таковой. Собственно, тотальность *вещного* человека - это исконный, существующий от века образец буржуа, получивший теперь также и право на сооружение своего мира.

Хосе Ортега-и-Гассет в книге "Восстание масс" пишет: ... *для нынешних дней характерно, что вульгарные, мещанские души, сознающие свою посредственность, смело заявляют свое право на вульгарность, и причем повсюду.... Масса давит все непохожее, особое, личностное, избранное.*

Кто выглядит не так, "как все", кто думает не так, "как все", тот подвергается риску стать изгоем. Но сегодняшние "все" - это только масса.

Вот страшный факт нашего времени, и я пишу о нем, не скрывая гробового зла, связанного с ним.

Что-то удивительно знакомое проступает в ортеговском описании человека массы. Что-то из нашей, из отечественной истории. Тоталитаризм власти, рождающий в эпицентре своего развертывания героический образ Советского Человека, на периферии создает его карикатурное отражение Советского "ме-

¹Baurdrillard J. For a Critique of the Political Economy of the Sign. St.Louls: Telos, 1981. P.38.

щанина". Впрочем, мещан как таковых у нас, наверное, нет. Это *иной* тип, знающий *свою* героику. Но на каменистой почве тоталитаризма власти и этот тип находит свою экзистенциальную нишу. Ведь есть *генетическое* родство, идущее от тотальности того и другого.

Так вот, я возвращаюсь к тоталитарному человеку-массе, вписавшему себя в мир вещных тотальностей. Удачна ли его симуляция? - вот вопрос, который должен заинтересовать любого, желающего променять одну тотальность на другую?

На этот вопрос следует ответить отрицательно. И дело не только в *видимости* благополучия. В конце концов, что кроме видимости можно требовать от жизни? Дело в катастрофических для человека результатах симуляции. Ибо ведь это есть не что иное, как *симуляция* здоровья.

И если *симуляция* болезни предполагает лукавство здорового человека, хитро решившегося притвориться, то симуляция здоровья означает неизбежность болезни. Тем более это касается симуляции *душевного* здоровья. Только психиатрические лечебницы индустриального общества - эти тайники, куда прячет оно от себя свой ужас - могут поведать нам ту цену, которую приходится платить человеку за симуляцию здоровья. Впрочем, что нам до лечебниц! *Что тебе сказал твой аналитик?* - не этот ли вопрос задают друг другу люди массы, попадая в свои маленькие проблемы.

Впрочем, опыт построения вещной тотальности закончился крахом 60-х годов. И молодежный бунт - тому весьма живописное свидетельство. Сегодняшние социальные терапевтические технологии строятся в форме зрелища, в котором постоянное курсирование ценностей, их обмен, все новые и новые распределения превращают жизнь в театр, обладающий наконец-то *полнотой жизни*.

Происходит незаметная подстановка, превращающая социальные институты гражданского общества в учреждения по *симуляции социальных институтов*. И подстановка эта заключается в том, что непосредственный социальный опыт начинает играть все меньшую роль как источник информации по сравнению с информацией, циркулирующей по каналам символического обмена. События начинают подменяться "псевдособытиями" (Бодрийяр), и символический *протез* жизненного мира начинает играть все большую роль в человеческой жизни. Нарастает ткань омертвевшего смысла, и это та болезнь, которую не в состоянии преодолеть гражданское общество. Оно способно лишь к созданию все более и более совершенных иллюзий жизненного мира, и это то искусство, которым придется овладеть нам, провозгласившим гражданское общество своей целью и живым идеалом.

Кроме терапии, связанной с *тотальностью* жизненных ценностей гражданского общества, мы можем наблюдать терапевтические технологии, связанные с *негативностью* "глубинных" уровней смысла и позитивным содержанием оформляемых в нем ценностей.

Действительно, массовое общество создает весьма своеобразные *терапевтические* технологии для своего человека. Как вам нравится культурная технология моральной терапии, представленная в таких жанрах *массовой культуры*, как *ужасы, насилие и жесткое порно?*

А ведь это одно из величайших терапевтических изобретений индустриальной цивилизации. Судите сами. В смысловом пространстве, разворачивающемся между потребителем подобной продукции и самим текстом происходит примерно следующее.

Я наблюдаю нечто отвратительное. И это отвратительное в действительности вполне соответствует моему желанию другого. Но теперь в развернувшемся между нами смысловом пространстве это уже не мое желание. Это желание принадлежит экрану, сцене, книге, комиксу, откуда продуцируется это отвратительное.

Мое желание Другого, действительно, теперь принадлежит другому - экрану, книге и т.д. Я переживаю это желание, не являясь его автором, будучи свободен от него! Ибо оно теперь не мое! Я даже способен теперь и отнестись к этому желанию как к чуждому мне, я готов порицать это отвратительное, ведь оно теперь мне, действительно, как бы чуждо. Я же - морален! Как и положено среди нас.

И я с чистой совестью могу смотреть в глаза всем людям, ибо я, как и они, искренне порицаю все отвратительное, негодную против него, не говоря уж о том, что у меня и в мыслях нет совершить что-нибудь в этом духе.

Это одна из распространеннейших моральных игр, в которые играют массовые люди, симулируя свою моральность. Как терапевтическая технология, она весьма эффективно ликвидирует внутреннюю раздвоенность тотального (морального) человека, позволяя иметь *чистую совесть*.

Возможны и иные терапевтические культурные технологии, например, сделанные в жанре "Благородный герой борется и побеждает". Здесь главное, вращать в душу массового человека структуру *победителя*. Разбиение символического пространства на добро и зло - с последующей идентификацией себя с *побеждающим* добром, - таковы правила этой моральной игры.

Боевик, вестерн, благородный детектив, - все это оказывается в данной системе моральной терапии мощнейшими культурными технологиями, позволяющими человеку удерживаться на грани невроза, не скатываясь за эту грань. Более того, здесь, действительно, возможно достижение некоторого душевного равновесия, и поэтому современные фабрики грез не знают недостатка в потребителях.

Впрочем, терапевтическая технология *зрелища* так же стара, как европейская культура. Вспомним греческий театр, с его трагическим зрелищем! Ведь это одна из первых технологий такого рода.

Самое интересное, что мы можем наблюдать в структурах трагической технологии греческого театра, это *невинность*, создаваемая для зрителя. Для грека немислимо *ощущение* вины, ибо она, эта вина, представлена ему внешним образом - как зрелище.

Греха *нет* в греческой моральности. Свершаемое зло для грека не есть пока что достояние его души, признание его порочности. Зло, *отрицательное* являются лишь зрелищем, разворачивающимся *перед* ним - сначала в грезе, потом в симулирующей грезе трагедии - и позволяющим в слезах очиститься от зла. То, что позднее в христианстве будет названо *даром слез* - прямо-таки запрограммировано в теле трагедии. Хотите образчик трагедии по - преимуществу? Он примерно таков:

ХОР
Горе, Горе!
ЭДИП
ХОР
Горе мне
Горе!
(Софокл. Эдип в Колоне, 224)

Да, таков смысловой стержень трагедии. Недаром, кстати, современниками Софокла именно "Эдип в Колоне" признавался лучшей его трагедией. Трагедия создается как *смакование* несчастий и бедствий, как *горестное наслаждение* злом и страданием. И это впервые создает для человека более или менее *безопасную* сцену встречи с тьмой бытия. С *ничтожеством* бытия. Именно горестное сопереживание злу впервые создает возможность одновременного его *приятия и неприятия*. Приятие, проживание зла в греческом *зрелище* происходит всего лишь как его созерцание, как сновидение. Слезы отделяют этот сон от яви, в которой зритель трагедии таким образом остается *невинным*. Ведь приятие зла состоялось за завесой слез, по ту сторону существования. Зло отделено от существования и преподнесено в трагедии так, как ему и положено быть, то есть как предикат не-существования, как видимость, рассеиваемая шумом встающих со своих скамей зрителей.

Собственно, с некоторой точки зрения всю европейскую культуру можно рассматривать как систему терапевтических технологий, позволяющих человеку справляться с теми вызовами, которые постоянно вырастают из создаваемых им ценностей. И в этом смысле терапевтические технологии, практикуемые современными западными обществами, не представляют собой нечто особенное, из ряда вон выходящее.

Нет, здесь продолжение глубочайшей традиции, уходящей своими корнями в самые начала европейской духовности. Откройте Евангелие от Марка - вы увидите, насколько основательно представлена здесь *целительная* деятельность Христа. Вот уже в первой главе несколько раз акцентирует апостол наше внимание на лечении "одержимого духом нечистым" в синагоге (1; 21-27), тещи Симоновой, которая лежала в горячке (1;30-31), других людей, поскольку "... город собрался к дверям. И Он исцелил многих, страдавших различными болезнями" (1;33-34).

Там же, в первой главе, Он уходит в ближние селения и занимается лечением по всей Галилее. Излечивает прокаженного. "И приходили к нему отовсюду" (1; 45) Этим, кстати, заканчивается первая глава.

Более того, способность исцелять признается в Евангелии как неотъемлемое и безусловное свидетельство веры: "Именем моим будут изгонять бесов, возложат руки на больных; и они будут здоровы".

И если уж говорить о величайшей потребности современного человека - потребности в Боге, столь трудно и непоследовательно удовлетворяемой, то как не вспомнить слова Христа: "Не здоровые имеют нужду во врачех, но больные..." (2; 17) Раньше вера давалась человеку даром, вместе с рождением. Сегодня ему приходится выстрадать ее.

Так не следует ли, выстраивая планы, перспективы и т.д. будущей социальности, которую намерены мы создать на развалинах тоталитаризма, обратить внимание прежде всего на *целительные социальные практики*. Ибо только здесь найдем мы если и не гарантию, то хоть какую-нибудь надежду на выживание человека.

4.7. РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭТОСА: ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ

Исследование политической этики гражданского общества в целом¹ и анализ ее региональных ситуаций предпринимаются здесь посредством анализа процесса и результатов "случая" - гуманитарной экспертизы² вероятных последствий политического решения о либерализации цен, проведенной Центром прикладной этики и временным творческим коллективом по заказу Правительства РФ в ноябре-декабре 1991 года. Естественно, что основное внимание мы уделяем здесь характеристике региональной модели той экспертной системы, которая была сформирована для сценарного прогнозирования в режиме экспертной игры.

Рассматривая предмет исследования в общем, отметим, прежде всего, что запрос на гуманитарную экспертизу последствий либерализации цен был сформулирован Заказчиком в двух аспектах. Первый из них, социально-философский, концентрировался в тезисе о либерализации цен как первом шаге в направлении к либерализации экономики, жизни общества в целом. В свою очередь, этот тезис сопрягался с оценкой либерализации цен как "лучшего из худшего", что могут предпринять реформаторы в сложившихся обстоятельствах. Второй аспект, организационно-управленческий: концентрировался в тезисе о необходимости срочного испытания эффективности структур, созданных правительством России и, в случае их неэффективности, опережающей управленческой коррекции. По согласованному мнению Заказчика и Центра прикладной этики реализация и того, и другого направлений экспертизы подразумевала, во-первых, ее многошаговый характер, которому анализируемая здесь акция лишь задавала импульс, и, во-вторых, подчинение организационных проблем идеологическим проблемам Программы реформ: Игровое моделирование как метод гуманитарной экспертизы рассматривалось как способ "проживания" различных моделей деятельности Заказчика с целью стратегической коррекции его Программы.

Интерпретация заказа в исследовательскую проблему выразилась в выборе в качестве предмета экспертизы "правил игры" переходного периода к правовому государству и гражданскому обществу и конфликтологии норм и ценностей взаимодействия субъектов рыночных реформ в ситуации формирующегося политического этоса гражданского общества. В соответствии с замыслом исследовательского коллектива в аванпроекте экспертизы были сформулированы три гипотезы.

Первая требовала ответа на вопрос о моральной допустимости идеи намеренности в формировании гражданского общества - известного проектирующего воздействия на самоорганизующийся в нормальных - естественных - исторических условиях процесс - и конкретных способов ее реализации в деятельности властных структур. Вторая - о возможности и целесообразности самого процесса прогнозирования поведения в условиях либерализации цен не в привычных как для Заказчика, так и для большинства участников экспертизы социетальных характеристиках (профессиональных ролях, социально-демографических параметрах и т.п.), а в морально-психологических, морально - культу-

¹См.: Бакштановский В.И., Согомонов Ю.В. Игра по правилам. Политическая этика в гражданском обществе. - М., 1991.

²См.: Гуманитарная экспертиза: возможности и перспективы. - Новосибирск, 1992

рных идеализированных типах. Предполагалось, что освоение экстремальной ситуации, в которой окажется российское общество после "Дня X", будет соответствовать двум моделям поведения. Не "сторонники реформ" или "противники", не просто "инноваторы" или "реваншисты" и даже не "рынкофилы" и "рынкофобы"; массовая ситуация может быть "схвачена" различием между поведением "человека рискующего" - и "человека, стремящегося к гарантиям и стабильности", иначе говоря - "людей игры" - и "людей порядка".

Третья гипотеза заключалась в том, что для реализации идеи намеренности важно знание реального этоса, "правил игры" субъектов рыночных реформ и, что особо значимо, культивирование "честных правил" взаимодействия этих субъектов; способом выявления практикуемых правил и влияния на них является игровое моделирование поведения субъектов и структур государства и гражданского общества.

Исследовательский коллектив предложил заказчику игровую модель экспертной системы. Три элемента этой системы - "модель региона Н", "экспертный кабинет министров", "гражданская экспертиза" - являются своеобразными "зеркалами", стимулирующими и организующими саморефлексию заказчика.

Экспертная подсистема "Регион И", специальный анализ которой дается ниже, действовала в условном режиме открытой радиостудии и тем технологизировала заданный игровой фактор принципа гласности в процессе подготовки решений. Второе условное обстоятельство поведения этой подсистемы заключалось в декларируемом "администрацией региона" намерении визировать все принимаемые решения у научных консультантов - психологов, социологов, этиков. В целом "Регион Н" ("администрация", "советы", "общественность", "газета") был основным испытательным полигоном, репрезентирующим (напомним, что достоверность гуманитарной экспертизы определяется потенциалом прогнозирования поведения различных морально-психологических и этико-культурных типов внутри обычно выделяемых социально-демографических структур общества) поведение государственных и общественных структур после "Дня X"; именно эта экспертная структура должна была совершить возможные ошибки и испытать разнообразные реакции на них.

Подсистема "Экспертный Кабинет" не столько моделировала поведение "теневого Правительства", сколько стимулировала экспертную рефлексию, оценочную (в отличие от прескриптивной) функцию. Задача этой структуры на игре - отслеживать конфликтность внутри самого "кабинета" с точки зрения интересов условно выделенных Идеологов и Прагматиков в составе правительства.

Структура "гражданская экспертиза" моделировала идею "гражданского парламента", модифицированную из оппозиционной политической формы в чисто экспертную, выражающую позицию нарождающихся элементов гражданского общества. Соответствие и представительство в этой подсистеме определялось не личной принадлежностью к какой-либо из структур ("от рабочих", "от интеллигенции" и т.п.); в модельный "парламент" входили эксперты по структурам - публицисты, известные своими профессиональными работами по проблемам фермерства, власти, учительства, предпринимательства и т.п. Режим деятельности "гражданской экспертизы" - "Римский клуб".

Моделирование поведения участников экспертизы концентрировалось в проживании двух ситуаций, конкретизирующих последствия "Дня X". Первая из них имела название, прямо ориентирующее на гуманитарную проблематику экономических реформ: "Справедливые цены". Речи шла о предполагаемой

морально-психологической реакции на "свободные цены", на способность государственных и общественных структур соотнести критерии распределительной и либеральной справедливости, разрешить или хотя бы правильно сформулировать неизбежный конфликт этих критериев.

Вторая ситуация - "Фиксированные цены". Здесь моделировалось забастовочное движение на предприятиях, связанных с фиксируемыми "сверху" ценами на свою продукцию (прежде всего нефтяные предприятия); особое внимание было уделено вопросу: фиксированные цены - дань популизму или экономическая и социальная целесообразность первого этапа реформ?

В соответствии с разработанным алгоритмом, ориентированным на испытание гипотезы намеренности, первый этап игры был по преимуществу мягко организованным внутренним взаимодействием структур "региона Н". "Чисто" стихийное становление регионального "гражданского парламента" сравнивалось с "чисто" проектировочным способом изначально организованной структуры "Гражданская экспертиза". Здесь важен был вывод участников послеигровой рефлексии о том, что заложенный в сценарии контраст между хаосом первого этапа игры и порядком второго этапа не является сам по себе повышением уровня эффективности управления. Как и прогнозировалось, это оказался лишь минимум эффективности, соответствующий стандартам командной системы, принимающей оперативные решения, но не достаточной для стратегического управления, призванного реализовать социально-философский смысл реформ, ориентированный на взаимодействие государства и гражданского общества. Административный подход к либерализации цен обрекает ее на отрыв от широкого смысла либерализации общества.

Обратимся непосредственно к экспертной подсистеме "Регион Н". Отметим особо, что исследование региональной модели политического этоса потребовало особых "правил игры". Ведь задача экспертной подсистемы "Регион Н" заключалась в конструировании испытательного полигона, к жизни которого "относились" бы и заказчик, участвующий в игре, и другие экспертные подсистемы. Отсюда и метод ее работы - "эксперимент на себе". Отсюда и испытание рабочих гипотез исследовательского коллектива намеренно производилось таким образом, чтобы альтернативные решения ориентировались не на высший эталонный стандарт, но на средний уровень прогнозируемого управленческого потенциала региональных структур власти. В этом смысле экспертная подсистема и предназначалась для того, чтобы, даже совершая возможные ошибки, осознать и исправить их, показывая, хотя бы методом "от противного" (если не родятся позитивные решения), альтернативы поведения различных структур региона и природу политического этоса в условиях либерализации цен.

В многообразии структур региональной модели особое внимание уделялось деятельности именно администрации региона и поведению управленческого корпуса, который принимает решения на местах. Ведь наибольшее число ошибок, вероятно, как раз в этом звене, да и наибольшее число конфликтных (вполне возможно, что не намеренных) шагов будет совершаться тоже здесь.

Моделируя ситуацию незавершенности формирования новых структур исполнительной и законодательной власти, неопределенности их положения, мы предполагали, что мало кто "на местах" захочет в сложной реформенной ситуации брать на себя ответственность за решение конкретных вопросов.

Конструируя экспертную подсистему, мы пытались поставить между регионом и центром, регионом и правительством некую "мембрану", чтобы смоделировать информационные потоки прежде всего между ними.

С этой целью "Администрация региона" часть проблем брала прямо на себя, решая их именно на региональном уровне, часть формулировала для Правительства, передавая их в компетенцию Центра. Определенную часть собственно своих вопросов "Администрация" намеренно пропускала "наверх" (этот управленческий "прием" использовался при физической невозможности освоить шквал навалившихся задач и забот, в надежде затянуть время и отвести удар от себя). Еще одна группа вопросов объективно, из-за нехватки времени и сил, просто повисла в воздухе - их количество просто не контролировалось администрацией (о них не узнавало и Правительство).

Это модельное состояние заслуживает особой рекомендации для реальной работы; ибо здесь самая опасная группа проблем - не успевая ни решить их, ни даже делегировать решение другим, региональные политики накапливают критическую массу. Такая ситуация складывалась, например, в процессе работы "Администрации" в режиме свободного микрофона. Конечно, "население" считало, что "Администрация" не хочет слышать их насущные заботы, но не менее вероятно другая причина, удачно смоделированная на игре. Речь идет об ограниченной пропускной способности управленческой системы, в которой не налажены механизмы сбора и обработки информации в условиях реализованной открытости процесса подготовки решения. Стремление прямо выйти "на народ" - точно смоделированный популистский прием, который показал, что настоящая демократия невозможна без создания посредников между "государством" и "народом", которые бы компенсировали неэффективность нынешних органов представительной власти. Но как только в общение с "Администрацией" включилась региональная "Гражданская ассамблея", возникшая на игре структуры общественной (?) инициативы - диалог стал более эффективным (прежде всего за счет уменьшения количества и повышения качества подобных обращений к администрации). При этом, сам по себе прием, примененный "Главой администрации", - превращение своего кабинета в "радиостудию" - целесообразен. Он эффективен именно в чрезвычайных ситуациях, требующих особых способов решения проблемы общения власти и народа. Разумеется, необходим и известный опыт диалога для обеих сторон. Другое дело, что без развитых гражданских структур этот диалог может обернуться ловушкой, способной "утопить" благие намерения администрации и породить дополнительные фрустрации населения, в очередной раз обнаружившего декларативность "открытости" органов власти.

Моделирование взаимоотношения региона и Центра приводит к выводу о необходимости тщательно разработанной региональной политической системы, специальных "правил игры". Отсутствие этих правил, которые подразумевают перераспределение прав и ответственности, порождают на деле безответственность региональной власти. Так, в ходе экспертизы "Администрация" получила от Правительства и такие вводные - аварии, "ЧП" и т.п., - которые подразумевали для нее лишь статус "пожарников", а не самостоятельных структур власти. Такого рода "вводные" не учитывают наличие у региональной администрации накопленного опыта решения проблем (в том числе и в чрезвычайных ситуациях), порождают подозрение в недоверии Центра к позитивному опыту управленцев, накопленному ими на прежних ступеньках карьеры.

Эксперты, моделирующие поведение населения, отметили, что "Администратор" был не просто распят между молотом и наковальней (властью центра и своим населением), но больше всего был озабочен неполным доверием правительственных структур назначенцу Президента, давлением "сверху".

Структура "администрации" в начале игрового эксперимента строилась тривиально, рутинно - "зам. по экономике", "зам. по социальным вопросам", "зам. по связям с общественностью" и т.д. Оказалось, однако, что структура нестандартной ситуации, порожденная либерализацией цен, диктует и нестандартные способы ее решения. Специально смоделированная сценарием игры "кадровая революция" показала ненадежность ставки на включение в аппарат "чистых" теоретиков - они не справились с управленческими процедурами, не смогли взять на себя груз личной ответственности, скомпрометировав при этом саму идею кадрового обновления.

Не случайно, но по логике сценария и по собственной логике игры, в ее финале "Администратор" остался один, без команды, без поддержки населения, поддерживаемый лишь авторитетом назначившего его Президента.

Взаимоотношения администрации и законодательной власти в традиционном варианте распределения функций между ними также обнаружили неэффективность в решении и первой, и второй проблемных ситуаций. И после "Дня X" Совет по привычке продолжал брать на себя заботы, отошедшие к исполнительной власти (заслушивая заместителя администрации; не выработав предупреждающих по отношению к программе мер администрации законодательных стимулов и санкций; не очертив их условия). Внеочередная сессия Совета состоялась не в процессе подготовки ко "Дню X", а лишь в первый день либерализации цен. Вывод-рекомендация экспертов: на следующих этапах либерализации необходимо обеспечить готовность законодательных институтов регионального уровня к опережающему обеспечению каждого реформаторского шага. Особенно важно для Советов помочь администрации удержать позицию последовательного проведения реформ - при всех соблазнах к отступлениям в популистском стиле под давлением "снизу". И при всех неизбежных сменах команды администратора поддержать его личный авторитет (до тех пор, пока он из "назначенца" не будет переведен в ранг избранного народом губернатора). Особая рекомендация: необходимо немедленное выстраивание "законодательной вертикали", которая должна сопровождать "вертикаль" исполнительную. А Президент России должен в равной степени заботиться о развитии обеих "вертикалей"; его "команда" должна иметь влияние как на ту, так и на другую власть.

Алгоритм работы экспертной системы "Регион N" трехэтапный: подготовка ко "Дню X"; оперативная реакция на первые последствия либерализации цен; "проживание" более отдаленных последствий.

В моделировании первой проблемной ситуации ("Справедливые цены") региональная команда продемонстрировала нереальность для сегодняшних участников рыночных реформ положения собственно субъектов, ушедших от патерналистских идеологии и психологии. Это обнаружилось уже в искренней готовности большинства членов данной экспертной группы принять именно то название ситуации, которое было предложено, даже не поставив под сомнение соответствие рыночному мышлению само вопрошание о "справедливости цен".

Вывод экспертов: региональным администрациям, заказчику необходимо отслеживать аналогичные попытки оценивать рыночные шаги в терминах патерналистской морали, морали уравниательства и распределительства. И даже идя на вынужденные компромиссы, палиативные решения (вроде ряда фиксированных цен), разводить новую и старую моральную идеологию и психологию.

В моделировании поведения структур региона во второй проблемной ситуации было испытано решение проблемы половинчатого шага в либерализа-

ции собственно рыночными методами. Решение "администрации" о выпуске акций народной нефтяной компании моделировало намеренность государственного института в стимулировании - идейном и материальном - формирования субъектов гражданского общества. Рекомендация экспертов: для профилактики возможных конфликтов Центра и региона целесообразно, во-первых, стимулировать повышение ответственности администрации через расширение ее свободы и, во-вторых, помочь чиновникам Центра различить владение собственностью и управление ею. За таким подходом и обнаружится смоделированное экспертной подсистемой постепенное делегирование ответственности государства региональным общностям.

Возвращаясь на уровень общих выводов, которые во многом обязаны работе с региональной моделью, подчеркнем, что полученные в итоге экспертизы общие выводы мы концентрируем здесь вокруг необходимых методов и средств конструирования технологий намеренности в процессе делегирования ответственности за либерализацию общества от государства самому обществу. Соответственно, вокруг идеи коэволюции политической этики и этоса гражданского общества.

Вряд ли стоит с моралистским пафосом упрекать тех участников игры, чьи поиски сосредоточились прежде всего на прагматических целях: трудно думать о высших потребностях, когда под угрозу поставлены первичные. Этим же, вероятно, объясняется и тенденция части экспертов к пессимистической оценке способности властей обеспечить тот минимум социальной защиты, без которого рискованна любая намеренность в модернизации общества.

Исследовательский и политический интерес представляет, однако, именно наглядная дифференциация разных групп интересов и разных этикокультурных типов людей в этих группах с точки зрения готовности и способности принять на себя ту или иную меру тягот либерализации цен, ожидать возможные положительные эффекты первого шага рыночных реформ. Конфликты между этими группами могут и должны составить основной предмет выработки "правил игры".

Как подчеркнули авторы итогового отчета об экспертизе - среди них А.И.Адамский, Е.И.Головаха, А.Ю.Согомонов, Ю.В.Согомонов, главная проблема становления гражданского общества - соорганизация разнонаправленных интересов его структур. Они сегодня глухи друг к другу, а для разрешения внутренних конфликтов обращаются только... к власти. Вероятно, реализация идеи намеренности предполагает взаимодействие государственных структур не с "населением", "массами", а с малыми группами гражданского общества, наиболее расположенными к риску, негарантированным результатам. Такого рода адресности каждого шага государства будет способствовать определение сферы, в которой даются гарантии, и сферы, в которой стимулируется гражданская ответственность.

До гуманизма ли в ситуации тотального конфликта по поводу тягот либерализации цен между всеми слоями и группами, стремящимися переложить эти тяготы на чужие плечи? Можно ли согласовать правила игры всех этих субъектов, кто отрегулирует шаткий баланс интересов? Возможно, смоделированный на игре "гражданский парламент"? Но не забудем фактически преднатальное состояние структур гражданского общества и их склонность апеллировать к власти. Между тем политический истеблишмент разного калибра - прежде всего в региональной модели - обнаружил плохую готовность к возмущениям в силовом поле перемен - независимо от того, решалась ли первая или вторая иг-

ровая ситуация. Он более склонен либо к инертности, либо к импровизационным решениям в контролируемых секторах жизни. Доминирует нацеленность на оперативные решения в ущерб стратегическим целям и ценностным основаниям рыночных реформ.

Без глянца и предубеждений экспертиза проявила глубокий провал в "идеологическом обеспечении реформ в целом, либерализации цен - прежде всего. Может ли "нехватка времени и сил" распространяться на этот предмет: морально-психологическая неготовность к либерализации - вполне материальная сила. Нет, не разворачивать знамена казенного оптимизма. Но преодолеть зияющее незнание хотя бы на уровне прописных истин, воскресить веру в не-напрасность жертв, создать перспективы - не светлого будущего, но просто будущего, сформировать убежденность в том, что выход не позади, а впереди.

Среди сформулированных в процессе гуманитарной экспертизы задач конструктивного плана - не допустить превращения потенциальных союзников либерализации, тех слоев и типов людей, которые ориентированы на перемены, в реальных противников. Важно укрепление позиций такого рода групп, но в первую очередь тех из "людей игры", кто готов не к дикому, а к цивилизованному рынку.

Очевидна сопряженность этой задачи с заботой о противостоянии и правому, и левому популизму, культивирование социального партнерства (в решении второй ситуации с этой точки зрения примечательно моделирование в региональной модели организации народной нефтяной компании, которая после экспертизы была создана в действительности (НИПЕК). При этом либерализация цен требует заботы об экзистенциальных проблемах личности, учета особой опасности унижения помощью, попечительством, например. В этой связи экспертиза сама стала стимулом моральной критики реформаторского прогрессизма в его "чисто" прагматическом проявлении.

Акцентируя проблему "правил игры" субъектов рыночных реформ, отметим, что проявившиеся на экспертизе "правила" оказались весьма старомодными: в изменяющейся кардинально ситуации как структуры государства, так и структуры гражданского общества отягощены менталитетом и инструментариум предшествующей системы. Дальнейшая работа над "идеологическим обеспечением" либерализации требует не просто прогнозов несомненных конфликтов по поводу этих "правил игры", отражающих конфликт государственной морали и морали рыночного общества. Для заказчика экспертизы нам представляется предпочтительным участие в арбитраже и в предоставлении форума по определению этих правил - трактовке правил и обеспечению их соблюдения.

4.8. ЭГОАЛЬТРУИЗМ И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА

О НОВОМ ФУНДАМЕНТЕ СОЦИАЛЬНОЙ ФИЛОСОФИИ И НОВЫХ УСТОЯХ БУДУЩЕЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Вражда с природой человека - суть нынешней цивилизации

Человечество стоит сейчас на небывалой ступени своего пути - ступени жизни или смерти. Смерти - если оно сделает хотя бы еще шаг по индустриально-городскому пути; жизни - если оно успеет свернуть с этого пути, сумеет аврально переустроить все устои индустриально-городской цивилизации.

Спасти нас от гибели может только двойной глобальный переворот - во всем понимании жизни и во всем укладе жизни; причем переворот в понимании жизни должен, видимо, быть первым, и самое трудное - тотальным и незамедлительным.

Почему первым? Потому что бытие, конечно, определяет сознание не только у животных. У человека - как только он начал становиться человеком - именно открытия сознания стали определять все бытие. У них есть, конечно, и обратная связь, но сознание гораздо больше правит бытием, чем бытие - сознанием. Особенно касается это переломных эпох истории, когда ломаются старые устои бытия и в муках рождаются новые.

Над человечеством нависли сейчас три дамокловых меча, и каждый следующий мы осознаем хуже предыдущего - хотя он страшнее предыдущего. Это меч атомной смерти, меч экологической гибели и меч эгоизации людей, их нравственного вырождения. Все они выкованы главными устоями индустриально-городской цивилизации: ее промышленно-технической базой, современным городом, устройством труда, положением человека в обществе, в семье и быту, взрывом потребления и стрессовым состоянием будней¹. Именно эти устои цивилизации ведут к убийству природы и к самоубийству человечества, и спасти нас может только "всеустойный переворот" в цивилизации, только авральный переход к новой цивилизации.

Самый страшный из дамокловых мечей - и самый неосознанный - третий, нравственно-психологический: положение человека в сегодняшней цивилизации - положение, которое искажает и всю природу человека, и всю его жизнь. К сожалению, мало кто понимает это: большинство думает, что наши главные опасности - экологические и социальные. Но эти опасности - лишь вихри более опасных ураганов, лишь удары более глубоких землетрясений. Вся современная жизнь, вся индустриально-городская цивилизация стоит на острейшем разладе с человеческой природой. Этот разлад пронизывает все устои цивилизации, и он губительно действует и на человека, и на все отношения людей, и на всю жизнь планеты.

Природа человека двойственная - тяготеет к добру и злу, состоит из сильных и слабых сторон. Казалось бы, само собой разумеется, что весь уклад

¹С цифрами и фактами я писал обо всем этом в статьях "Переворот в цивилизации", ("Вопросы философии". 1986. № 8); "Революция в цивилизации - революция в этике" (Самолторский практикум-2, Москва-Тюмень, 1988); "Будет ли у мира послезавтра?" ("Таллинн". 1991. № 1); "Какие сверхреволюции спасут нас?", "Неэвклидовы парадоксы спасения", "Педагогическая революция" ("Учительская газета". 1991. № 37-41) и в книге "Мед и яд любви" (М., 1989 и 1990).

жизни, все устройство общества должны обезболивать эту двойственность - усиливать ее сильную сторону и ослаблять слабую. Это простейшее - и абсолютное - требование к обществу, основа основ и корень корней всех социальных критериев.

Увы, ни одна влиятельная социальная философия, не делает природу человека своей основой, ни одна не выдвигает согласие с ней как сверхзадачу человечества - хотя в общем-то это минимальная задача, простейшее требование к укладу жизни. Все господствующие социальные философии - внепсихологичны, все построены на элементарном незнании человеческой природы, на элементарном неучете ее законов. Особенно касается это всех видов экономического материализма - от буржуазно-прагматического до марксистского, от тоталитарного до демократического. Экономический материализм правит сегодняшним миром - западным и восточным, северным и южным. Он утверждает, что главный двигатель человека - его экономические потребности и основой общества служат экономические отношения людей - отношения в производстве и в распределении благ. На той же позиции стоят и наши рыночные теории, которые движут жизнью России и всего СНГ.

В чем состоит антипсихологичность этих теорий, их вопиющее непонимание природы человека? У человека есть три класса потребностей - сохранения, развития и самовыявления. Потребности сохранения - до-духовные, типовые, внеличностные. Это низший класс наших потребностей, и они больше коренятся в слабой, темной стороне нашей природы. Но именно они правят индустриально-городской цивилизацией и именно их считают основой основ сегодняшние социальные теории.

Но главные потребности человека - это потребности самовыявления, самораскрытия, развития своих лучших сторон. Это потребности именно личностные, духовные, они лежат в светлой, сильной стороне человеческой природы, и именно им человечество обязано своими высшими взлетами.

Глобальные механизмы расчеловечивания

Доличностные потребности господствуют во всех областях сегодняшней жизни, и во всех них человек - не личность, а ролевое существо, исполнитель, а не творец, не сохозяин своей жизни. Почти все области человеческой жизни построены на отчуждении личности, почти все развивают слабые струны нашей природы и подавляют сильные.

Промышленная база человечества основана на антинравственной основе - сегодняшняя польза ценой завтрашнего миллионного вреда. Это подход захватчика и покорителя, он раскрывает в людях самые слепые, самые хватательные силы и сковывает зрячие, человеческие.

Индустриальный город, второй устой нынешней цивилизации, превращает человека в серийное ролевое существо, в безликую единицу - в пассажира, покупателя, зрителя, производителя и потребителя благ. Жизнь горожанина однообразна и механична - изо дня в день то же механическое снование на работу и с работы, то же механическое торчание в магазинах и у плиты, то же механическое сидение за столом и у телевизора. Такая жизнь делает из человека мегантропа, растит в нем тупые пружины покорности и потребленчества и гасит пружины личности, искателя, творца.

Современный труд, третий устой цивилизации, вовлекает в себя узкую часть наших сил, умственных или физических, и не вовлекает в нашу личность

мораль, душу: чтобы заниматься большинством видов труда, человеку достаточно обезличенных технических усилий. Такой труд не углубляет, а оглушает человека, делает из него биоробота, частичное и безликое существо.

Есть и другие глобальные рычаги расчеловечивания. Это взрыв потребления - пищевого, вещевого, зрелищного. Он эгоизирует мир потребностей и превращает homo креатора, человека-созидателя, в homo консуматора, человека-потребителя, а его духовный уровень низводит к "брюховному". Это и стрессовое состояние будней, которое невротизирует людей и делает их все более я-центричными, замкнутыми в себе.

Сильные пружины душевного измельчания таятся в сегодняшней малой семье, быту, воспитании. Весь их уклад жизни подрывает в человеке естественное равновесие "я-психологии" и "мы-психологии", разрушает союз между миром своих и чужих интересов. Положение ученика в учебе, положение ребенка в семье и в детском саду - это положение одиночки, индивидуала. Успех соседа - не часть моего успеха, моя неудача - не часть его неудачи: на таком отгораживании построено все положение школьника, детсадовца, ребенка в семье. Чтобы быть хорошим учеником, совсем не надо быть хорошим человеком, наоборот, чем меньше ты помогаешь домашним и друзьям, тем больше времени у тебя остается на учебу. Весь наш детский мир - семья, детсад, школа - во многом чужероден естественной человеческой нравственности, покровительствует худшим сторонам души, противодействует лучшим.

Вся ткань индустриально-городской цивилизации прослоена механизмами расчеловечивания, искажения человеческой природы. Их глобальную систему надо вытеснить в корне другой системой - углубления, улучшения человеческой природы.

Основа гениального, то есть нормального устройства жизни

Сейчас рождается новая глобальная парадигма, новое поколение идей; оно станет, возможно, сердцем новой социальной философии, а главное - если мы успеем спастись - сердцем новой цивилизации.

Эта парадигма - соответствие между природой человека и укладом его жизни, лад, а не разлад между устройством цивилизации и человеческой психологией, физиологией, нравственностью. Причем природа человека, будет, возможно, пониматься в духе высших открытий в ней, которые сделаны и древними цивилизациями (античной, христианской, восточной) и новым временем. Суть этих открытий: человек - планетарно-космическое существо, которым движут земные и надземные законы, явные и тайные, познанные давно, приоткрывающиеся сейчас и не открытые, может быть, даже и не подозреваемые¹.

Соответствие природе человека станет, возможно, стволем новой, невиданно гениальной социальной теории. Но главное - оно может стать фундаментом, на котором впервые в истории возникает гениальное устройство человеческой жизни, общественной и личной. Гениальное по своей сложнейшей простоте и глубине, по своему удобству и незаметности - т.е. естественности, по своей гармонии со всеми окологуманитарными мирами - небесно-космическим, геологическим, растительным, животным, океанским... В отличие от всех старых социальных устройств, бездарных или мнимо-талантливых, это

¹См.: Казначеев В.П., Спиринов Е.А. Космопланетарный феномен человека. Новосибирск: Наука, 1991.

будет именно гениальное, т.е. нормальное устройство, его уровень впервые сравнивается с уровнем человека, с естественными апогеями его природы.

Может быть, кто-то возмутится: опять утопия, опять революционаризм... Я бы даже сказал - сверх-утопия и сверх-революционаризм; у них есть одно коренное отличие от старых. Старые утопии и революции были поверхностно экономическими, поверхностно политическими, бытовыми. Они были принципиально до-психологичны, почти не касались самых глубоких глубин человека и самых высоких двигателей его души. Социальные революции чаще всего стояли на насилии и крови - т.е. не на человечности, а на бесчеловечности, и под эти "локомотивы истории" попали миллиарды людей.

Но кроме губительных революций есть спасительная: их парадокс - и их суть - в том, что они идут Эволюционно и без насилия. Революция - коренной переворот в основах какого-нибудь явления, и если у этого переворота человеческие цели и человеческие методы, он может быть великим благом. А сейчас, когда планетарные античеловечные кризисы грозят человечеству гибелью, спасти от нее могут только планетарные сверхреволюции, но насквозь гуманные.

Что касается вселенского универсализма моей позиции, то у него есть древние корни в мыслительной культуре человечества. Универсалистское миропонимание родилось в древних религиях и философиях. Они сводили весь мир к одной Всеобщей Причине, считали все явления мира проявлениями его Единой Сути. Это были первые поиски того Единого бытия, которое пропитывает все остальные поля и делает их как бы ветвями вселенского древа жизни. В XIX веке такое тяготение к универсализму по-новому проявилось в философии Гегеля, Маркса, Вл.Соловьева. В XX веке оно обогатилось великим открытием системного подхода - стремлением науки увидеть мир целостно и рентгеновски ухватить всю внутреннюю структуру этой целостности.

Перевод всей жизни на рельсы человеческой природы - это не просто естественный категорический императив, рожденный всем развитием человечества, не просто обычная очередная ступень на его пути. Это, по-моему, единственный путь спасения для человечества, единственная стратегия, которая может избавить его от апокалипсиса. Может быть, даже так: насколько были Иванами Сусаниными все старые утопии, настолько же будет Спасителем эта новая сверх-утопия.

Пять открытий в природе человека

Наш век - столетие великих психологически открытий, и возможно, он войдет в историю как век познания человеческой природы. Не век атома или космоса, не век кибернетики и информатики; все это открытия во внешнем мире, а не во внутреннем космосе человека, и они хоть и велики, но второстепенны.

Западная цивилизация после античности отвернулась от человека и пошла по пути познания внешнего человеку мира. Этот расчеловеченный путь принес гигантские материальные успехи: он дал человеку крылья, дал скатерти-самобранки, чудо-машины, дал волшебные зеркала, которые видят за тридевять земель. Он сделал человека могучей геологической силой - сверх-Антеем, который сильнее Геи, и который губит ее, делается планетарным матерееубийцей.

Но в недрах этой цивилизации, в душе и мозгу этого Антея, начался по-

ворот и к человеку, и он принес огромные открытия. Первое из них - открытие роли раннего детства. Именно в первые годы жизни рождаются главные фундаменты человека - самые глубокие основы его здоровья (слабого или крепкого), его нравственности (эгоистической или неэгоистической), его ума (творческого или нетворческого). Именно в первые годы в нашем сознании и подсознании, в душе и теле вырастают самые долгодействующие пружины, которые будут править человеком всю жизнь¹.

Раннее разностороннее развитие (PPP) позволяет на порядок усилить все потенциалы человека, в десятки раз увеличить число людей с крепким здоровьем, доброй нравственностью и творческим умом. По-моему, PPP - самое великое воспитательное открытие во всей истории человечества. Впервые в истории дети могут воспитываться не во вражде, а в союзе с детской природой, не в разладе, а в ладу с врожденными устоями их психологии, физиологии, нравственности.

Сейчас главным воспитательным возрастом считается школьный. В мире царит резко запаздывающее, антиприродное воспитание. Оно безвозвратно теряет стартовые годы жизни, самые благодатные для развития человеческой души, ума, тела. Врожденные пружины человека чахнут (функция угасает за ненадобностью), и подавляющее большинство людей вырастает с хилым здоровьем, мелкой душой и слабым умом.

PPP - архимедов рычаг "геркулесовой силы", он на голову поднимает все силы человека - физические, нравственные, умственные. Очевидно, PPP станет главной ступенью начавшейся сейчас педагогической революции - тотального переворота во всех видах воспитания и обучения, коренного перехода от антиприродного воспитания к природному. Оно и позволит - если мы успеем - вырастить поколение спасателей цивилизации - людей-творцов, которые только и способны создать в корне новый уклад жизни.

Второе великое открытие в человеческой природе - открытие особой роли мозговых полушарий: левого как вместилища понятийного мышления и правого - образного. Оно позволило понять, что чем слаженнее работают полушария, тем сильнее их познающая мощь, и чем разлаженнее, тем слабее и немогуще.

Сегодняшняя духовная культура стоит на глухом разрыве полушарий, и почти полном их размежевании. Наука почти совсем "обезображена", живет почти одним сухологическим мышлением. Искусство почти совсем "обесмыслено", живет почти одним образным видением мира. Такой же антиприродный разрыв полушарий царит в обучении: в школе и в вузе оно почти целиком построено на логическом мышлении, изолировано от образного.

Мозг человека с детства как бы расчленяется на две части и делается инвалидным. Естественная природа человека и здесь терпит тяжелый урон. Если наш потомок начнет жить сообразно своей природе, то он, возможно, вступит в век нового синкретизма, сольет логическое и образное познание в новый духовный организм - сплав науки, искусства, философии. Это может породить новую вселенскую культуру нашего духа, такую глубокую, что ее периоды будут выше сегодняшних апогеев.

Третье открытие пока обволокнуто кисеей тумана, и мы можем только предчувствовать его возможную грандиозность. Это открытие экстрасенсорно-

¹ Подробно об этом можно прочесть в моей статье "Окно в третью эру" ("Семья и школа", 1989 № 8,10,12 и №1,3 1990

го измерения мира и человека, открытие человеческой психоэнергии - особого энергетического измерения души и тела, наших мыслей и чувств.

Энергетическое измерение человека всепроникающее: вся наша телесная и нервная жизнь имеет энергетическую основу, все наши ощущения и мысли построены на энергетической базе. Очевидно, у разных чувств человека разная и энергия. Тоска почти буквально гнетет человека, как бы наливает его тяжестью, и ее энергия, видимо, чем-то похожа на энергию тяготения. Энергия радости, наоборот - энергия взлета, антитяготения: наверно, дети именно поэтому прыгают от радости, а мы ощущаем почти буквальный "подъем" души, почти буквальное "облегчение" тела...

При разных чувствах в человеке протекают, очевидно, и разные процессы - биофизические и биохимические, и они дают разные излучения. Есть, наверно, свои, особые волны у грусти, ликования, презрения, гнева, страха, удивления, тревоги...

До сих пор наука изучала два измерения человека: телесное, "вещественное" и бестелесное, психическое (мысли, чувства, память). Но как именно одно из них переходит в другое, есть ли материальная природа у наших мыслей и чувств - этим наука почти не занималась.

Можно предположить, что психоэнергетика (точнее, биопсихоэнергетика) - это и есть недостающее звено между нашей физиологией и психологией. Здесь, может быть, и таятся загадочные пружины наших чувств, потаенные механизмы мыслей. Если это так, тут могут лежать ключи к самым глубоким тайнам человеческой природы, самым глубоким основам нашей психологии и физиологии.

Это касается не только человека. Энергетическое измерение есть у животных и у растений, у воды и металлов, у земных недр и космоса. Возможно, экстрасенсорика приблизит нас к постижению великого единого поля вселенной, не только физического, а и сверхфизического - того универсального поля, которое, может быть, служит основой всей живой и мертвой жизни космоса, всех проявлений материи и духа.

Если это так, то мы делаем первые шаги к невиданной революции во всех человеческих знаниях. Возможно, эта революция приведет людей как бы к сверхзнанию, и оно, может быть, соединит в себе самые глубинные истины науки и религии, искусства и мифологии, идеализма и материализма. Может быть, такой синтез породит совершенно новое понимание мира и человека, вызовет тотальное переустройство всех видов человековедения и миропонимания.

Еще одно - четвертое - открытие в наших внутренних америках - это постижение биопсихической природы пола, мужской и женской психологии и физиологии, эволюционных ролей мужчины и женщины¹.

Психологи выяснили, чем отличаются друг от друга мужские и женские чувства, мужской и женский ум, память, воля, психотехнические способности. Они нашли, что в них похожего и непохожего, установили, в чем состоит мужское и женское проявление общечеловеческих свойств. Сексологи открыли законы женской и мужской сексуальности, их тревожный разлад, их естественную роль в нашей жизни и недоразумение до этой роли.

Эти открытия позволяют увидеть еще один враждебный разрыв между

¹Об этом можно прочесть в моей статье "По закону Тезея. Мужчина и женщина в начале биархата" ("Новый мир". 1986. № 7).

человеческой природой и укладом индустриально-городской цивилизации. Труд и быт, воспитание и школа, гражданская и семейная жизнь - все построено сегодня на вопиющем незнании женской и мужской природы, на острейшем разладе и с мужской, и - особенно - с женской физиологией и психологией.

Половой вопрос - социальный, культурный, сексуальный - один из вечных "проклятых" вопросов человечества, но сегодня он неизмеримо болезненнее, чем вчера. Мужчины и женщины выбиты из привычной тысячелетней колеи, с треском ломаются все их отношения - социальные и сексуальные, семейные и трудовые. Они вслепую ищут себя в новых ролях, вслепую нащупывают новые эволюционные дороги, новые связи друг с другом.

Сегодня женский и мужской вопрос - одна из самых тяжелых глобальных проблем человечества. И от того, решится ли этот вопрос и как решится, будет, возможно, зависеть вся наша судьба.

Развитие мира шло до сих пор по грубо социальному пути, с нарастающим неучетом человеческой природы. Если на смену социальной цивилизации придет психологическая, то ею будут править главные законы человеческой природы - законы нашей психологии, физиологии, нравственности. А так как они всегда окрашены в цвета своего пола, то весь уклад этой цивилизации - во всех своих ячейках - будет отвечать мужской и женской природе.

Еще одну важнейшую ипостась человека - его возрастную природу - открыла новая наука - возрастная психология и физиология. Она обнаружила качественно разные законы, которые правят человеком в разных возрастах - в младенчестве, детстве, отрочестве, в юности и во взрослости, в пожилые годы и в старости.

Эти открытия дают ключ окоренному оздоровлению человека и примерно полуторному продлению его молодости и всей его жизни. Они позволяют, кроме того, увидеть, как чужеродно нашей возрастной природе все устройство теперешней жизни - от родильного дома до дома призрения.

Таковы пять крупнейших открытий в человеческой природе, которые сделало или делает нынешнее человековедение. К сожалению, все эти открытия живут поодиночке и не срастаются в семью в систему рычагов, которая может перевернуть мир. Между открытием и их вживлением в будни зияет огромная пропасть, и мы погибнем в ней, если не сумеем авралью, с пожарной скоростью засыпать ее.

Шестое открытие. Структура эгоальтруизма

Наука этики и обиходная мораль убеждены, что у человека есть только два внутренних двигателя - эгоизм и альтруизм. Но, по-моему, есть и третий такой двигатель - эгоальтруизм, тяга к равновесию своего и чужого "я".

Почему мы не видим его? Возможно, потому, что ни в одном человеческом языке нет слова, которое обозначало бы такую тягу к равновесию своего и чужого "я". И как младенцы не замечают вещь, название которой они не знают, так и мы не замечаем, что порывы к равновесию движут нами не меньше, чем порывы эгоизма и альтруизма.

Впрочем, еще наши далекие предки понимали, что отношение к другому как к себе - один из главных идеалов человечества. Этот идеал был письменно запечатлен еще в VI-V веках до нашей эры в разных концах мира - в Индии и в Китае, в Иудее и в Греции. "Не делай другим того, что не хочешь для себя", - так учили Конфуций и Будда, Сократ и другие мудрецы, так говорилось и в

Ветхом Завете. Потом этот принцип перешел в христианство, его проповедовал в Нагорной проповеди Иисус Христос: "Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними" (Евангелие от Матфея, 7,12).

Но, видимо, древние философы и основатели религий не были первооткрывателями этого принципа. "К другому, как к себе" - такой обычай родился на тысячелетия раньше, в золотые времена родовой коммуны, когда поклонялись женщине, и ее положение было не хуже мужского. В отношениях сородичей, видимо, царила тогда глубокая душевность - она поражает и сейчас в тех племенах Индии и Южной Америки, где сохранилось высокое положение женщины.

Почвой этого первобытного гуманизма было равенство и единство людей общины. Только такой дух мог помочь нашим предкам выстоять в борьбе со стихиями - а, главное, стать людьми.

Когда социальное равновесие ушло из жизни, забылся и этот принцип. Позднее о нем вспоминали, но как о чем-то внешнем человеку - идеале человеческих отношений, "золотом правиле морали". Как о внутренней пружине человеческой психологии, двигателе чувств и поступков о нем не говорил никто. Потому-то, видимо, ни в одном языке земли и не появилось слово - название для этого принципа.

Впрочем, этому можно не очень удивляться. Термины "эгоизм" и "альтруизм" - тоже недавние, оба они возникли во Франции, причем "альтруизм" только в XIX веке - его ввел философ Огюст Конт, основатель социологии и позитивизма. Примерно тогда же стали искать название для чувства равновесия. Французские просветители XVIII в. выступали за "разумный эгоизм" (глубокую теорию такого в общем-то не-эгоизма создал Гельвеций). В наше время канадский физиолог Селье, основатель учения о стрессе, говорил об "альтруистическом эгоизме".

Что же такое эгоальтруизм, какова его структура? Это как бы сплав эгоизма и альтруизма, и он соединяет в себе их достоинства и их изъяны. Он берет от эгоизма силу заботы о себе, от альтруизма - силу заботы о других, и сплавляет их в особую заботу - о себе, как о других, а о других, как о себе. Что касается минусов эгоизма и альтруизма (возвышения себя над другими и других над собой), то они противоположны. И сплавляясь, они как бы уменьшаются, растворяют друг друга в этом сплаве. Возникает чувство - равновесие - дорожение собой, как другими и другими - как собой. Конечно, в жизни это равновесие всегда колеблется, идет волнами, то с превышением забот о себе, то с превышением забот о других. Но, колеблясь, оно всегда возвращается к своей золотой оси - относится к чужим чувствам, как к своим, к чужим интересам - как к собственным.

Внутреннее строение эгоальтруизма ярче всего видно сквозь увеличительное стекло любви. Любовь, кстати, и отличается от влюбленности своим эгоальтруизмом. Влюбленность - чувство я-центрическое, больше для себя, чем для другого; любовь - чувство двуцентрическое, для другого и для себя одновременно.

В "Войне и мире" есть великолепная сцена, в которой наглядно видна и разница любви и влюбленности, и строение эгоальтруизма. Это сцена, когда Андрей Болконский признается в любви Наташе Ростовой, получает ответное "да" - и в душе его вдруг разыгрывается мгновенный и загадочный переворот: влюбленность делается любовью. "Князь Андрей держал ее за руки, смотрел ей в глаза и не находил в своей душе прежней любви к ней. В душе его вдруг

повернулось что-то: не было прежней поэтической и таинственной прелести желания, а была жалость к ее женской и детской слабости, был страх перед ее преданностью и доверчивостью, тяжелое и вместе радостное сознание долга, навеки связавшего его с нею. Настоящее чувство, хотя и не было так светло и поэтично, как прежде, было серьезнее и сильнее".

Пожалуй, можно сказать, что любовь - это как бы перенесение на другого своего "эгоизма", включение другого в орбиту своего я-центризма. Это как бы удвоение своего "я", появление другого "я", с которым первое срастается, как сиамские близнецы. И чужое "я" как бы входит в ощущение человека, и чужая боль делается такой же, как своя, и чужие радости - такими же радостными.

Эгоальтруизм рождает в человеке совершенно новые двигатели, новые диапазоны чувств. Он резко расширяет подсознание и сознание человека, делает его душу не закрытой, а открытой для других душ, способной впитывать их излучение. На это неспособен эгоизм и лишь отчасти способен альтруизм; в его душевных механизмах есть серьезные зияния, о которых этика и психология, к сожалению, почти не говорят. Альтруизм - это ведь тоже неравновесие между своим и чужим "я". Если эгоизм - это возвышение себя над другими и умаление других, то альтруизм - это возвышение других над собой и умаление себя. По-моему, это тоже отход от самой сердцевины человеческой природы - тяги к равновесию с другими людьми.

Однобокость альтруизма

Много веков говорят, что любовь вся состоит из альтруизма, отказа от себя. Великий Гегель писал об этом: "Истинная сущность любви состоит в том, чтобы отказаться от сознания самого себя, забыть себя в другом я и, однако, в этом же исчезновении и забвении впервые обрести самого себя"¹.

Отказаться от себя и тем самым найти себя, - здесь проглядывает упрощенное понимание человека, мысль, что у него есть только два двигателя - эгоизм и альтруизм. Но альтруизм "одноцентричен", как и эгоизм, только центр этот лежит не в себе, а в другом человеке. Альтруистическая любовь быстро делается почти таким же недугом души, как и безответная любовь. "Состав чувств" в ней сдвинутый, усеченный; человеку все время не хватает радостей от встречных забот, у него не насыщаются первородные нужды своего "я" в одобрении, поддержке, ласке. Это рождает невидимые струйки неполноценности, которые подтачивают душу, отравляют чувство.

"Как можно выступить против альтруизма - лучшего достояния людей? - это написал в ответ на мою статью умный молодой физик. - Человечество многие тысячелетия искало духовные законы, которые дали бы ему возможность подниматься вверх. Оно не раз убеждалось, что таким единственным законом является альтруизм.

Наиболее ранний источник, который установил это, - "Бхагавадгита", потом законы Ману, Будды, Христа. Этот же мотив полной самоотдачи выражен в словах поэта:

Что ты спрятал, то пропало,
Что ты отдал, то твое.

Известен непреложный закон, что когда человек отдает все, то в душе, где, казалось бы, должна образоваться пустота, дающий обнаруживает умножение духовных сил...

¹Гегель. Соч., Т. XIII. С. 107.

Разве не прекрасны слова индийского философа Рамакришны, обращенные к ученикам: "Когда лотос распускается, пчелы прилетают, чтобы брать из него мед. Пусть же лотос души расцветает так же естественно!.. Пусть пчелы расхищают твое сердце, но берегись сделать хоть одну пленницей души твоей!" Дух этого письма, по-моему, глубоко человечен: он запечатлен в блестящем парадоксе Руставели: "Что ты спрятал, то пропало, что ты отдал, то твое". Верна, мне кажется, и мысль, что чем больше человек отдает себя другим, тем больше умножаются его духовные силы. Но отдавать себя можно двояко - или как равный равному, т.е. эгоальтруистически, или снизу вверх, через самоумаление - альтруистически. Пожалуй, со всем, что сказано в письме об альтруизме, можно согласиться, но при одном условии: если считать, что это сказано об эгоальтруизме. Скорее всего, расхождения у нас не в позиции, не по сути дела, а в названиях, терминах.

Самоотречение или самоограничение?

Чем отличается альтруизм от эгоальтруизма? Конечно, забота о других в ущерб себе может быть высшим видом человечности - особенно в опасности, или в уходе сильного за слабым, или когда человек отдает от своего избытка чужой нехватке (а тем более - когда отдает от своей нехватки)... Самоотказ благороден, когда он уравнивает неравное, создает равновесие в колеблющихся отношениях с другими людьми. Но если самоотказ выходит за эти рамки, если он становится основой жизни, то он ведет к самоуправлению, делает человека кариатидой, которая держит на себе тяжесть других людей.

Альтруизм - это стремление отдавать, не получая, только отдавать, и в обычных условиях он, видимо, создает в человеке скрытую, неосознанную ущербность. Кстати говоря, лотос Рамакришны не только отдает себя пчелам. Пчелы "взамен" опыляют его, дают ему продление жизни - самый дорогой дар, который только может быть на земле. Это не альтруизм - одно лишь отдавание, а эгоальтруизм - давание и получение вместе, равный обмен дарами... Интересно, что в древних индоевропейских языках одно и то же слово обозначало "брать" и "отдавать". Древние как бы считали, что отдавая, тем самым получаешь, а получая - отдаешь. Они были настроены на равный обмен дарами. Они смутно верили, что получая что-то от другого, ты получаешь тем самым частицу его самого, которая как бы проникает в тебя. И если ты не отдашь взамен равную частицу себя, ты попадешь в опасную зависимость от другого - потеряешь крупицу своей свободы, судьбы, здоровья¹. Такой "эгоальтруизм" пропитывал многие нравы древних, отпечатывался в их душевной жизни, обычаях, верованиях.

У человека есть как бы струны "я" - струны самосохранения, заботы о себе, и струны "они" - струны сохранения рода, заботы о других. Если играть только на одних струнах, будет разрастаться, как флюс, одна сторона души и слабеть другая. Пожалуй, только дуэт этих струн рождает в нас "мы" - равновесие "я" и "они", только их двухголосие создает здоровую, нормальную психику.

Я-центрические нужды человека двойственны по самой своей сути. Все биологические потребности - в еде, самозащите, продлении рода - я - центричны, но они нужны для выживания, служат главной естественной опорой жизни. Так же естественны, и так же благодатны, и психологические "я - потребности" -

¹Гуревич А.Л. Категории средневековой культуры. М., 1972.С.202.

в одобрении своего "я", в чужой поддержке, внимании.

Насыщаясь, они дают человеку потоки радостных эмоций, заряжают его здоровой и сильной жизненной энергией. Они служат фундаментом для высших потребностей человека, психологических и духовных. И чем лучше насыщаются наши добрые я-центрические нужды, тем больше жизненной энергии идет в эти фундаменты высших потребностей.

Здесь и лежит водораздел между светлым и темным ликом я - центрических нужд. Эти нужды хороши, видимо, настолько, насколько они помогают более высоким человеческим нуждам, эгоальтруистическим. Чем меньше они служат таким нуждам, чем больше стараются занять их место в душе человека, тем они вредоноснее для души. Но чем больше они питают собой эгоальтруистические нужды, тем благодатнее они для человека.

У альтруиста угнетены, придавлены самые жизнелюбивые моторы души - моторы радости от самого себя - главные моторы молодости. Поэтому альтруист как бы живет по законам чужого возраста, заряжается старческой нормой, когда первородные нужды своего "я" гаснут, стихают. Он как бы выключает целый диапазон обычных для человека забот о себе и живет лишь одним из своих двух диапазонов - заботами о других.

Альтруизм ампутирует этим чуть ли не половину человеческой личности, отнимает у нее естественную разносторонность. А становясь общественным регулятором, он делает подозрительным, ненормальным все, что не построено на самоотречении. Он подавляет нормальные порывы человека, и, побуждая людей к самоотказу, позволяет другим людям пользоваться этим самоотказом.

Самоотречение несет на себе печать неравенства, эксплуататорства, и, возможно, когда-то оно и родилось как рабское чувство, чувство подавляемых людей; впрочем, у него есть и биологические источники - и материнский инстинкт самоотречения, и инстинкт сохранения рода, который существует у всех млекопитающих¹.

Самоотречение, альтруизм рождены во время доличностного состояния человека, и человек в их системе - не человек, не личность, а средство, инструмент для других людей. И если альтруизм издавна считают благом, то, видимо, только потому, что путают его с эгоальтруизмом.

Чем они похожи между собой? В эгоальтруизме тоже есть самоограничение, и оно служит одной из его основ. Человек двойствен, и для гармонии с другими - это азбука - ему нужен постоянный отказ от чего-то в себе, часто дорогого душе. Эгоальтруист все время старается унять те свои порывы, которые несут зло ему и другим людям. Он может отказаться от многих удобств и привычек, которые мешают его человеческим нуждам, не дают созреть более глубоким способностям души.

Но в том, от чего отказывается, видна решающая разница между ним и альтруизмом. Альтруизм отключает не только наши простейшие потребности, но и ключевые, опорные - и прежде всего нашу естественную тягу к разносторонности, к развитию главных сторон тела и духа. Это как бы сила слабого, который не может справиться с обычной двойственностью человеческой натуры - не может слить я-струны своей души в союз с мы-струнами.

Эгоальтруизм не отрекается от ключевых нужд человека, он уравнивает ее я-струны мы-струнами и не суживает этим его душу, а углубляет и

¹См. об этом инстинкте: Эфроимсон В.П. Родословная альтруизма (этика с позиций эволюционной генетики человека) // Новый мир. 1971. № 10.

расширяет ее; это естественное, здоровое, нормальное состояние человеческой души, состояние, которое как бы ведет человека к гармонии, ладу - и внутри себя, и с другими людьми.

Душа и сердце человеческой природы

Способность дорожить другими, как собой - главная, по-моему, душевная способность человека, центральная человеческая норма. И она служит основой не только любви. Дружба тоже пропитана отношением к другому человеку: как к себе самому¹. И родительская любовь, и детская любовь к родителям, и другие родственные чувства - все они стоят на эгоальтруизме. И сама человечность, гуманность - вернее, ее психологическая сторона - это тоже понимание, что радость другого человека так же радостна ему, как твоя радость тебе, а его боль так же больна, как твоя боль. Эгоальтруизм - сердцевина основных человеческих чувств, главная опора всей человечности вообще. Можно даже сказать, что эгоальтруизм - именно человеческая норма, главное свойство человеческой психологии, а эгоизм и альтруизм - как бы недорастание до этой нормы отходы от нее.

Эгоизм и альтруизм как бы одномерны, состоят из одного психологического вещества - предпочтения себя или предпочтения других. Эгоальтруизм устроен на порядок сложнее - из очень многоликого сплетения двух таких веществ. Он растет, видимо, гораздо больше из человеческой психологии, чем из биологии; а эгоизм и альтруизм - больше растут из биологии, чем из психологии - из более простого, более "животного" уровня жизни (эгоизм - из инстинкта самосохранения, альтруизм - из инстинкта сохранения вида). Возможно, эгоальтруизм - норма для психологической ступени жизни, а эгоизм и альтруизм - для биологической ступени.

Эгоальтруизм - ключевая основа человеческой природы, то наивысшее родовое свойство, которое отличает человека от других родов жизни. И если грядущая цивилизация будет созвучна природе человека, то эгоальтруизм станет, возможно, ее главной живительной силой, основой всех ее основ.

Три парадокса гуманизма

Но чтобы такая цивилизация родилась, нужна гигантская психологическая революция - перевод всей нашей жизни от вражды с человеческой природой к согласию с ней. По законам нашей природы должны быть построены все звенья социального организма - семья и образование, общественные отношения, наука и культура, управление обществом. Возможно, тремя китами новой нравственности станут три великих парадокса гуманизма, которые были открыты Буддой, Конфуцием и Христом.

Две с половиной тысячи лет назад Будда сказал удивительные слова: "Настоящая победа - та, когда никто не проигрывает и выигрывают обе стороны".

Это полная противоположность сегодняшнему - соперническому пониманию победы как выигрыша одной стороны и проигрыша другой. В таком пони-

¹Это понимали еще древние греки, у которых дружба считалась самым главным человеческим чувством. Аристотель писал в своей этике: "Все дружественные отношения возникают из отношения самого к себе, распространенного на других". (Этика Аристотеля. СПб, 1908. С.176-177).

мании победы заложена модель вражды, и она рождает в проигравшей стороне жажду реванша, передает ей эстафету соперничества и неприязни.

Истинно человеческая победа - та, которая достигается не через вражду, а через согласие. Она как бы несет в себе модель добра, передает обеим сторонам конфликта эстафету сотрудничества и приязни.

Примерно в те же времена Конфуций выдвинул еще одну глубокую гуманистическую идею - строить общественные отношения по образцу семейных. Это тоже безумная, неэвклидова идея, но это и естественная норма гуманистического общества.

Семейные, общечеловеческие чувства - самые гуманные и самые главные чувства людей. В этих чувствах человек проявляет себя полнее всего - не частью своей души, а всеми ее глубинами. И, наверно, жизнь человечества только тогда будет отвечать человеческой природе, когда мы будем относиться к далеким, как к близким - по законам семейных чувств.

Возможно, соединительным мостиком между принципами Будды и Конфуция станет двуединый парадокс Христа: возлюбите ближнего, как самого себя, и возлюбите врагов ваших.

Возлюбить ближнего, как себя самого, а значит, относиться к нему эгоальтруистически, то есть в согласии с природой человека. А в чем смысл парадокса, призывающего возлюбить врага, то есть относиться к врагу, как к другу?

Наша психология действует по закону зеркала - "подобное пробуждает подобное". И когда мы обращаемся к врагу, как к ДРУГУ» мы как бы стремимся перевести общение с ним на рельсы добра, как бы включаем в нем добрые струны человеческой природы. Такое переключение с военных струн на мирные может дать обоим настоящую победу - ту, когда оба выигрывают и никто не терпит поражения.

Революция методов: от борьбы к согласию

Все эти парадоксы гуманизма выглядят сегодня безнадежной утопией. Но, по-моему, мы утопнем, если не начнем немедленно, сегодня же перенастраивать по ним всю нашу жизнь.

Чтобы попасть в гуманное будущее, конфликты настоящего надо решать методами такого будущего. Это, по-моему, ключевой закон социальной жизни, магистральный способ человеческого общества.

Этого закона, кстати, не увидел марксизм. Он пытался достичь гуманных целей будущего антигуманными методами прошлого - методами вражды и насилия, - не содружества разных сил, не их совместной победы, а победы одних над другими.

Но методы насилия в корне противоречат природе человека, основам его психологии и нравственности, и они превращают в низменные даже самые высокие цели.

А теперь несколько слов о безнадежной утопичности этих парадоксов гуманизма. В последние десятилетия парадокс Будды стал практическим двигателем двух гигантских планетарных переустройств, которые могут переменить весь ход истории.

Первое такое переустройство началось в развитых странах Запада. Эти страны стали на путь классового мира, на путь согласия всех социальных сил. Бедные и богатые, капиталисты и рабочие, служащие, крестьяне, интеллигенты - все они перешли от социальной вражды к сотрудничеству, и это привело их к

общей победе и ничьему поражению.

Старый капитализм - строй классово-ролевой - стал перерастать в новый социальный организм, как бы сплав лучших сторон капитализма к социализму. Шведские социал-демократы говорят о нем - видимо, упрощенно - "капитализм в производстве и социализм в распределении". В этом обществе остается, конечно, социальная рознь, соперничество, но принцип "победы всех и ничьего поражения" постепенно становится главным разрешителем противоречий.

Второе планетарное переустройство, движимое парадоксом Будды, - это современный переход Запада и Востока от вражды к согласию. Это глобальная победа, в которой выигрывают все стороны и никто не терпит поражения.

При этом сторона, которая была более агрессивной, выигрывает больше, отказавшись от своей агрессивности. Военизация гораздо сильнее вредит нашей более слабой экономике, и, идя на большие уступки, мы именно от них и получаем больше пользы - снимаем с себя более тяжелую гирю.

По-моему, все это наглядно показывает наивысшую именно практическую силу парадоксов гуманизма, их глобальную пользу. Те противоречия, которые человечество тысячи лет не могло решить методами вражды, стали резко терять свою остроту уже в первые десятилетия методов согласия.

По-моему, это величайшее, переломное социальное открытие - может быть, главное открытие XX века. Мне кажется, впервые в истории на деле найден тот архимедов рычаг, который позволит повернуть мир от перевеса зла к перевесу добра.

Именно новые принципы человеческих отношений открывают путь в новую эру человечества и к новой цивилизации. И если человечество не погибнет, то конец XX века станет в его истории ключевой вехой - временем рождения тех методов, которые только и могут привести нас в человеческое будущее.

Максимум как минимум

Так это или нет, но, по-моему, нам стоило бы немедленно перенастраивать свои души по камертонам гуманизма, немедленно делать парадоксы гуманизма привычными решателями всех человеческих конфликтов - от личных до глобальных.

По-моему, нравственный максимализм должен бы здесь становиться минимальной нормой всех наших действий, чувств, отношений. Это, возможно, единственный для нас путь спасения, ибо полумеры и полунравственность способны только полужамедлить наше сползание в пропасть.

Мир попал в такое положение, в котором царит закон чрезвычайных усилий - предельных усилий, которые только и могут спасти нас от предельной опасности. Чтобы уйти от гибели, мы должны сделать программы-максимум программами-минимум - минимальной нормой обычной жизни.

Заключение

С момента, когда были написаны главы коллективной монографии, до того момента, когда книга оказалась в руках читателя, прошел немалый отрезок времени. Он был отнюдь не изоморфен любому другому фрагменту времени современной истории: это время было перенасыщено событиями, которые публицисты склонны именовать "судьбоносными". Но "ветер перемен" лишь подтвердил обоснованность замысла авторов проекта "Этика гражданского

общества", заключавшегося в том, чтобы предложить не статический образ гражданского общества и его ценностей, не абсолютную завершенность их набора и вовсе не застывшую их конфигурацию, а представить моральную аксиологию этого общества в непрерывном развитии, творческом потоке самообновления.

Этим рассуждением мы не пытаемся как-то смягчить читательский приговор. Мы рассчитываем лишь на то, что "обстоятельства дела" будут приняты во внимание.

Оглавление

Часть 3. ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД.....	3
3.1.МЕЖДУ КОММУНИЗМОМ И ДЕМОКРАТИЕЙ (советский путь к рыночной экономике и гражданскому обществу).....	3
3.2.ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД: ПЕРЕОРИЕНТАЦИЯ В ЦЕННОСТНОМ МИРЕ	20
3.3.КОНФЛИКТ ЦЕННОСТЕЙ В КРИЗИСНОМ СОЦИУМЕ.....	33
3.4.СЦЕНАРИИ БУДУЩЕГО ПОД ИЕРОГЛИФОМ "ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО"	52
Часть 4. ПАРАЭТИКА.....	64
4.1.МУКИ ГЕРЦОГА БРАУНШВЕЙГСКОГО (Категория нации в меняющемся мире).....	64
4.2.СОБСТВЕННОСТЬ - ЭТО КРАЖА?.....	81
4.3.ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИЙ АСКЕЗИС.....	91
4.4.СОВРЕМЕННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ И РЕЛИГИЯ.....	105
4.5.ПОНИМАНИЕ И ПАРТНЕРСТВО (Введение в философию политического диалога)....	119
4.6.СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ МОРАЛЬНОЙ ТЕРАПИИ	133
4.7.РЕГИОНАЛЬНАЯ МОДЕЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО ЭТОСА: ТЕХНОЛОГИЯ ПРЕДНАМЕРЕННОСТИ.....	144
4.8.ЭГОАЛЬТРУИЗМ И ПРИРОДА ЧЕЛОВЕКА. О новом фундаменте социальной философии и новых устоях будущей цивилизации.....	151

БУДЬ ЛИЦОМ:
ЦЕННОСТИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Редактор В. С. Сумарокова
Корректор Л. И. Дюканова
Технический редактор Р. М. Подгорбунская

Сдано в набор 10.06.93 г. Подписано в печать 10.10.93 г. Формат 84 X 108/32.
Бумага типографская №2. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная. П. л, 8; усл. п.
л. 12,48; уч.-изд. л. 14,48. Заказ 2293. Тираж 1000.

Издательство ТГУ. 634029, Томск, ул. Никитина, 4.
Омская областная типография. 644070, Омск, ул. Декабристов, 37.